

Джультет Энн МакКенна

Клятва воина

Серия «Хроники Эйнарину», книга 2

Spellcheck Lukas, Irene

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158200

Маккенна Д.Э. Клятва воина: АСТ; Москва; 2001

Оригинал: JulietMcKenna, "The Swordsman's Oath"

Перевод:

Ю. Кряклина

Аннотация

Это – мир Эйнарину.

Мир, в котором правит магия. Магия, подвластная лишь избранным – живущим вдали от людских забот и надежд. Магия великих мастеров, познающих в уединении загадочного острова Хадрумала тайны стихий и секреты морских обитателей.

Мир, в котором настоящее неразрывно связано с прошлым, а прошлое – с будущим. Но до поры до времени прошлое молчало...

До поры, когда снова подняли голову эльетиммы – маги Ледяных островов и на этот раз Сила их, пришедшая из прошлого, могучая и безжалостная, черной бедою грозит будущему Эйнарину.

И тогда воину Райшеду приказано было сопровождать загадочного чародея в смертельно опасный путь – в путь, в конце коего – магический поединок с колдунами Ледяных островов.

Ибо некогда Райшед поклялся отомстить им за гибель своего друга. И теперь от исполнения этой клятвы зависит судьба не только воина, но и всего Эйнарина.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	98
Глава 3	187
Конец ознакомительного фрагмента.	200

Джульет Маккенна

Клятва война

Стиву, самому строгому критику и самой верной опоре

Глава 1

От Планира, Верховного мага Хадрумала, мессиреу Гальелу Д'Олбриоту, сьеру Дома Д'Олбриотов и хранителю Чести Имени, распорядителю Собрания Принцев и патрону Империи, с поздравлениями по случаю Солнцестояния и наисердечнейшими пожеланиями здоровья и процветания в наступающем году.

Дорогой сьер,

Я очень признателен Вам за поиски эльетиммских кораблей, разбитых у ваших, берегов в течение предзимнего сезона. Я не забыл, как Ваш человек и мой едва спаслись в недавнем столкновении с тем племенем, и могу всецело уверить Вас, что прекрасно сознаю угрозу Вашим владениям и миру всей Империи. Помимо таких важных, но неизбежно обезличенных проблем, я бы осмелился напомнить Вам и о вопросах личного свойства: подобно тому, как Вы потеряли присягнувшего в Айтене, я потерял ученого в Джерисе,

человеке большой эрудиции, который мог бы помочь нам обоим противостоять этой угрозе, хотя, конечно, ничто не перевесит утрату их жизни. Я не забываю такие долги на чаше весов, как, уверен, и Вы.

Ваше письмо позволяет мне думать, что мы оба сознаем общность наших интересов в этом деле. Подобно тому, как Вы стоите перед реальной опасностью высадки вражеских сил, на ваши берега или, того хуже, их скрытного размещения в ненаселенных просторах Далазора или Гидесты, я стою перед угрозой вражеской магии, тайны которой мы в Хадрумале все еще разгадываем. Кстати, позвольте заверить Вас, что никакой позор и никакая вина не могут быть возложены на Вашего человека Айтена за нападение на моего мага Шиввалана. Не будь его разум поработан грязными чарами эльетимма, он бы, несомненно, сражался до конца, защищая свою честь и Ваше Имя.

Благодарю за проявленный Вами интерес к Шиввалану. Он вполне поправился и жаждет внести свою лепту в расстройство эльетиммских планов. Вы также упомянули об удовольствии, с каким Вы получили найденный мною меч, скрываемый, как это ни прискорбно, одним престарелым и немного эксцентричным магом. Но Ваши благодарности излишни. Довольно того, что Вы одобрили мое предложение подарить сей клинок Вашему присягнувшему Райшеду Тателю. На меня произвели огромное впечатление его находчивость и отвага перед лицом ужасных испытаний, и я думаю,

эта фамильная реликвия вновь сможет послужить делу защиты Империи в руках представителя столь Великого Дома.

Кстати, хочу просить Вас об одолжении. Я продолжаю исследовать тайны этой древней магии. Но, как Вы, вероятно, знаете по судьбе Вашего племянника, это привлекает нежелательное внимание тех эльетиммов, что свободно разгуливают по нашим землям. Хотя мои маги обладают многими способностями, они – не воины. Если б Вы согласились временно отдать в мое распоряжение Вашего человека Райшеда, то я, безусловно, мог бы использовать его неоспоримое дарование, как того заслуживает Ваш Дом. Ибо чем больше мы узнаем об эльетиммах и чем скорее это сделаем, тем лучше для всех нас.

**Большак, ведущий к Коутскому мосту,
в лескарском герцогстве Марлир, 8-
е поствесны, Второй год правления
Тадриола Предусмотрительного.**

Как бы вы стали извиняться перед убитой горем матерью за то, что не вы убили ее сына? Иные руки обагрились кровью Айтена, но меня все равно жег стыд, что я не смог поднять меч на своего давнего друга, чтобы освободить его, пусть даже такой страшной ценой, от подлого колдовства, захватившего его разум и волю. Я попытался оправдать свое

тщедушие, но мои неуклюжие, сбивчивые слова повисли в воздухе. Не был ли вообще тот визит к семье Айтена ужасной ошибкой? Нет. Так велела мне моя честь, поскольку, бреясь у зеркала по утрам, я хотел видеть там человека, верного своей клятве, и не бояться смотреть ему в глаза.

Немного полегчало, когда отец и братья Айтена решили, что утонуть в домашней яблочной водке – лучший способ почтить его память. Каждый рассказывал свою историю про Айтена, и некоторые из них вызывали у меня смех, даже когда я потом вспоминал их будучи трезвым. Угрюмое похмелье на следующее утро, с мутью в голове, подобной зимнему туману, и вкусом портянок во рту, было ничтожной расплатой.

Моя улыбка погасла, как только я мысленным взором увидел Тирсу, сестру Айтена. Девушку с каштановыми волосами, мягкими карими глазами и приятной улыбкой. Сколь угодно таких девчушек можно встретить на рынках по всей Старой Империи. Но я распознал бы ее за сто шагов в самой гуще праздничной толпы; всякий раз при мысли о Тирсе мое сердце разрывалось – так она была похожа на брата.

А разве можно забыть скорбное лицо матери Айтена, когда она прижимала к груди сверток с его пожитками, вдыхая родной запах?

Думая об этом, я невольно отвлекся и не заметил бандитов, притаившихся в живой изгороди. Все утро дождь то лил как из ведра, то утихал, небо было под стать моему настроению.

нию, и хотя понемногу прояснялось, капюшона я не снимал. Однако ничто не оправдывает моей оплошности. Я должен был помнить о лескарских дорогах, которые представляют наибольшую опасность в сезоны боевого затишья, – все наоборот в этой объятой мраком стране.

Не успел я прийти в чувство и взяться за поводья, как один из головорезов уже схватил мою лошадь под уздцы. Испуганно заржав, та встала на дыбы, копыта заскользили в размокшей грязи. Я выдернул ноги из стремян и прыгнул, едва устояв на ногах. Лошадь вся дрожала и щелкала зубами; наконец ей удалось вырваться из рук бандитов, и она ускакала, вся в мыле, вверх по дороге, оставив меня лицом к лицу с мерзкой бандой.

– Гони деньгу, приятель, тады, глядишь, пропустим, – заявил главарь, ухмыляясь щербатым ртом.

Я покачал головой. Эти жалкие ошметки чьей-то разгромленной милиции я не считал для себя достойными противниками. Изможденные и тощие, со спутанными волосами, в грязных лохмотьях, они были вынуждены рыться в отбросах подобно оголодавшим лисам после долгой зимы. И все же отчаянные люди опасны, напомнил я себе.

Я отступил на несколько шагов по изрезанной колеями дороге, вынуждая бандитов идти за мной. Надо было убедиться, что их только четверо. Пустоголовые лескарцы! Они никого не поставили сзади, дабы отрезать мне путь. Если задам стрекача, им меня не догнать! Но я вовсе не горел желанием

пробираться по неведомым загаженным проселкам в стороне от большака. Моя рука потянулась к мечу, и пергамент в кармане захрустел, напоминая мне о моем долге и наказах патрона.

К тому же я не видел нужды в бегстве. Зубы Даста, почему я должен бежать? Кроме того, мне хотелось вернуть мою лошадь, породистое животное из конюшни мессира. Я проезжал на ней не больше восьми лиг в день – берег ее силы.

– Прости, друг, ты не сказал, кто дал тебе полномочия собирать деньги, – мирно возразил я.

– Вот все мои полномочия! Чаво еще надо?

Потрясая зазубренным мечом, главарь вызывающе выпятил грудь. Видно, хотел поразить меня своим ржавым нагрудником, под которым болталась такая же ржавая кольчуга.

Его банда заухмылялась. До чего же они смелые в остатках плохо подогнанной брони! Глупцы. Под буйволиной кожей моего толстого пальто слой металлических пластин скрывал те уязвимые места, которые я примечал у своих противников, пока они скалили зубы. Я не ношу кольчугу – она привлекает внимание, а чтобы быть полезным моему принцу, не следует бросаться в глаза. Я положил руку на меч. Он мерцал серебром на оголовке, и полированные ножны блестя в жидком солнечном свете, пробившемся сквозь облачную пелену, едва прекратился дождь.

– И какова твоя цена? – с невозмутимым видом осведо-

мился я, мысленно просчитывая следующие шаги.

Я потратил долгие сезоны, чтобы вдолбить милиции, набранной для Дома Д'Олбриотов: нет проку и достоинства в бое, если его можно избежать, – но лескарцы, начиная с их воинственных герцогов, всю жизнь учатся противоположному, к величайшему несчастью их растерзанной, истекающей кровью страны.

Главарь в конце концов уловил незнакомый акцент.

– Дак ты тормалинец? Мудреные слова, изукрашенная лошадь да клинок. А ну-ка поглядим, чо там у тебя в кошеле, энто и будет ценой за дорогу!

Без сомнения, у этого типа ума не больше, чем Дастеннин подарил камбале.

– Я дам цену обеда, – зловеще улыбнулся я. – И благодарите за это Морского Владыку.

Судя по всему, троем голодранцам мысль о еде, за которую можно будет заплатить, а не сражаться, показалась соблазнительной. Но главарь нахмурился, не склонный отступить.

– А мы уделим Талагрину монету-другую в евонной усыпальнице, кода продадим твою лошадь да прочее добро. Спасибо Охотнику, что послал нам такого жирненького голубя.

– Хочешь пощипать мои перья? – Я выхватил меч. Блестящий, он выскользнул из ножен со стальным дребезжанием, и ржавое оружие, направленное мне в лицо, заколебалось. – Зачем? У меня ничего нет, кроме писем от моего патрона.

Я бы не перекидывался словами со всяким сбродом по пути к родным Айтена, имея при себе достаточно тормалинского золота законной чеканки, дабы скупить половину этого жалкого герцогства. Тогда бы я защищал не только свою честь, но и деньги, равноценные тому значению, какое мессир Д'Олбриот придает теперь клятве Айтена, когда его смерть потребовала своего выкупа. Я усилием воли снял с себя бремя собственной вины, пока не справлюсь с этими паразитами.

– Дак ты присягнувший? – хохотнул главарь, столь уверенный в себе, что даже опустил немного меч и поскреб свою завшивленную голову. – Лижешь задницу толстомясому прынцу, покуда он торчит мордой в жбане, да подтираешь евонную блевотину?

Его дружки заржали, но давно миновали те дни, когда дешевые оскорбления бесили меня. Настоящий воин знает слепая ярость губит вернее, чем холодная сталь. Я отступил еще на шаг, вынуждая главаря выйти из-под сомнительной защиты его банды. Милицию мессира – с тех пор как я натаскал ее – так легко ни в жизнь не обмануть.

– Чо скажешь, кучерявый? А ну гони сюда деньги да ту сумку для начала! Эй, чо молчишь, чума тя побери? Аль, поди, в портки наклал?

Мое упорное молчание уже начало нервировать сообщников Сквернослова, как я того и хотел.

– Лады, парни, кончай с ублюдком! – Выставив ржавый

клинок, он смело шагнул вперед.

Я свирепо посмотрел на бандита, что стоял ближе всех к Сквернослову, и тот невольно попятился. Глупость собиралась убить их вожака, глупость и мой меч, но если кто-нибудь из них решит бежать, я не стану тратить время на погоню.

Размахивая свободной рукой, Сквернослов ринулся на меня. Я шагнул в сторону, отбив его клинок плоской стороной меча. Главарь снова замахнулся, намереваясь раскрыть мне череп, и я тут же всадил отточенную сталь ему под мышку. Сквернослов рухнул, как прорванные винные мехи, на губах запенилась кровь, заглушая крики паники и боли. Остальные выругались на гортанном лескарском, и один бросился ко мне – видно, роднили его с главарем не только вши, но и тупость. Уверенно стоя на ногах, я рубанул мечом на уровне живота. Инстинктивно парируя, разбойник пошатнулся, но быстро вернул равновесие и снова рьяно начал атаковать. Я с легкостью уклонился от удара и нацелился на его колени, но мерзавец вовремя отпрыгнул вбок, и я вдруг оказался один против двоих: его сообщник обнаружил в себе некое подобие мужества.

Будь у них больше выучки, нежели просто знания, с какого конца у меча рукоять, мне пришлось бы несладко, но несколько стремительных ударов повергли первого на колени, и он сжал кровавый обрубок, который был когда-то его правой рукой. Я врезал ему кулаком, и он уполз в кусты, воя сквозь разбитые губы. Тем временем второй бандит, кото-

рый до сих пор не решался вступить в бой, бросился наутек как ошпаренный пес, скользя по крошечной грязи. Он так спешил унести свою обезображенную шкуру, что даже не догадался поймать мою лошадь.

Я смотрел на оставшегося парня. Слезы прорезали бледные бороздки на его чумазом лице, из кривого носа текли сопли; он в ужасе пыхтел сквозь сломанные зубы. Жизнь пинала малого в лицо еще до того, как он научился ходить.

Я с трудом обуздал свой гнев. Это был длинный и не очень счастливый для меня сезон, что не могло служить оправданием моей безотчетной ярости, даже если она воспламенилась из-за безвременной гибели Айтена, – я не имел права потворствовать таким чувствам.

Я быстро огляделся. Моя лошадь мирно паслась на клочке молодой травы, и у меня мелькнула мысль просто отпустить мальчишку. Но нет, прокляни его Даст, он ничем не заслужил подобной милости. Я сделал финт и, пока этот щенок впустую махал своим дрожащим оружием, приставил клинок к его горлу. Парень выронил неопрятный меч, и пар закрубился вокруг его ног – со страху малявка намочил штаны.

– П-пощадите, п-пощадите, – взмолился он. – П-пожа-луйста, ваша честь, я больше не буду, клянусь любой клятвой, какой хотите, пощадите, сжальтесь, Сэдрин спаси меня...

Я вдавил лезвие в мягкую кожу, чтобы заставить парня умолкнуть. Можно ли ему доверять? Я сомневался. Что этот

малый знает о чести в стране, где так называемые дворяне меняют верность с каждым проходящим сезоном, дерясь за преимущество с соперниками-герцогами, которые ухлопали десять поколений на пустую борьбу за ничего не стоящий трон?

– Я клянусь, – проскулил он, отчаянно пытаясь сглотнуть и при этом не перерезать себе горло.

Однако вопрос здесь стоял не о его чести, но о моей честности и самоуважении. Как я могу убить какого-то глупого мальчишку, который умоляет о пощаде, лихорадочно предлагая мне свою ничтожную клятву?

– Ложись! – рявкнул я, и парень тут же плюхнулся в грязь.

Тяжело придавив сапогом его шею, я зашвырнул его меч в самую гущу колючек. Затем приложил свой клинок к его лицу.

Красный, покрытый коркой глаз, мигая, косился на окровавленное острие, когда я медленно провел по щеке мальчишки холодной сталью.

– Лежи и не шевелись, пока не услышишь стук копыт моей лошади. Если снова увижу тебя по эту сторону Иного мира, выпотрошу как селедку, понял?

Он лихорадочно закивал, зыркая на своего бывшего главаря, лежащего смятой грудой, – жизнь вытекала из него в запекшуюся грязь. Я попятился, готовый прикончить щенка, если он хоть пальцем шевельнет. Но ему все-таки хватило ума лежать неподвижнее, чем все еще подергивающийся

труп рядом с ним.

Убедившись, что за неухоженной живой изгородью больше не таится никаких сюрпризов, я медленно направился к лошади, дабы не спугнуть ее запахом крови. Но она пошла ко мне довольно охотно: за полсезона в пути успела понять, что я означаю корм и воду. У меня словно гора с плеч свалилась: возможности добыть в Лескаре новую лошадь так же малы, как шансы того мальчишки умереть в своей постели.

У изгиба дороги, прежде чем заросли скрыли меня из виду, я оглянулся. Парень обчищал труп своего жожака. Равнодушно отвернувшись, я поехал дальше. Если щенок и догонит меня, убить его не будет ни великим трудом, ни бесчестьем, так как он потерял бы всякое право на пощаду вместе со своей клятвой. Лошадь остановилась и, задрвав хвост, вывалила на дорогу парящую кучу – будто поставила совершенно уместную точку.

Огонь в крови, порожденный боем, даже таким пустяковым, согрел меня на какое-то время, да и погода к середине весны заметно смягчилась. Но злость на себя, что я так попался, опалила меня не хуже огня. Полуденное солнце засияло высоко в небе, вытягивая из промокшей земли струи пара. Весенний воздух был полон зеленых обещаний новой жизни, но меня охватила внезапная грусть. Я сдержал лошадь, чтобы глотнуть воды и смыть ком в горле.

Когда же я смогу думать об Айтене без этой удушающей боли? Одиночество – вот в чем причина, вдруг осенило ме-

ня. После десяти лет, проведенных бок о бок, мне просто не хватало Айтена, его неисчерпаемого запаса сомнительных шуток, его надежного клинка. Мы защищали друг друга в любой драке, если не могли избежать ее разговорами. А теперь, без Айтена, я потерял уверенность. Один из краеугольных камней моей жизни исчез, оставив скрытую яму, грозящую затянуть меня в свое жерло.

Я развязал ворот пальто, на весеннем солнце в нем становилось жарко. Пальцы запутались в ремешке медальона; его я ношу как вещественное напоминание о клятвах, которые я принес моему принцу, а он, в свою очередь, – мне. Со мной был и медальон Айтена, бронзовый диск, зашитый внутри моей перевязи и ждущий, чтобы я взыскал двойной счет кровью с мерзавца, виновного в его смерти. Я только не решил, что будет лучше, запихнуть его в глотку этому колдуну или забить ему в задницу? Но как бы то ни было, сначала я заточу края. По правилу требовать или прощать тот долг обязан наш господин, но я дал личный обет мести и, чтобы подтвердить его, глубоко вбил гвоздь в дверь усыпальницы Дастеннина. Мы не приносим друг другу официальных клятв, как нашему патрону, но верность между присягнувшими не менее сильна.

Нет, велел я себе, пора двигаться дальше. После того как в юности я едва не потерялся в безграничной скорби по сестре, умершей от лихорадки, я обрел смысл жизни, поступив на службу к мессииру, не так ли? Мой меч – его меч, и мой долг

– исполнять его приказы.

Дорога привела на взгорок, и внизу показалась одна из тех крысиных лачуг, что в Лескаре сходят за трактир. Я все еще держал в руке липкий от крови меч, поэтому отпустил поводья у колоды с водой и разложил на расшатанной скамье масло и тряпки, чтобы очистить подарок моего патрона. Мессир преподнес его мне на Солнцестояние в знак приятия и в утешение за тяжкие испытания, что выпали на мою долю в минувшем году на службе Дому Д'Олбриотов.

А вот вам еще одна иллюстрация того, что представляет собою Лескар. Отнюдь не вид человека, чистящего окровавленное оружие, испугал розоволицую служанку, которая выносила ведро с помоями, но мой акцент: я учился лескарскому, выполняя поручения мессира на границе. Я не мог понять ее беспокойства, ибо девица знала всего с десятков тормалинских слов, хотя вряд ли сумела бы их сосчитать. В конце концов я заключил, что свежего жаркого здесь нет, поэтому взял хлеб из грубой муки, смешанной с песком, и кислый сыр, но отказался от сероватого тушеного мяса, застывшего в горшке со вчерашнего вечера. Явно превысив счет золотыми тормалинскими пенни, я заслужил испуганную улыбку, когда отказался от сдачи в виде половинок и четвертушек монет, настойчиво предлагаемых девицей. Мне совершенно ни к чему лескарские деньги, будь они даже целые.

Приступая к еде, я вытащил письмо, доставленное Императорской Курьерской почтой, чтобы избавить меня от стра-

даний безутешной семьи Айтена. Оно заставило меня скакать по пустынным дорогам Лескара в течение всего праздника Равноденствия, однако это было лучше, чем принимать вместе с братьями чопорных дочерей матушкиных подруг по кружку шитья. Я взял письмо, и описание на внешней стороне вновь привлекло взгляд, в который раз вызвав у меня улыбку.

Райшед Татель. Размах рук и четыре пальца ростом, сложения худощавого, но мускулистый. Волосы черные, курчавые, глаза карие, смуглый, гладко выбрит. Говорит мягко, но манера решительная.

Мой отец выразился бы иначе. «Упрямый как мул, если упрется копытами в землю – с места не сдвинешь» – вот что он сказал обо мне офицеру мессира. Последнее предложение было написано другой рукой. Итак, Камарл стремительно поднимается в советники мессира, раз ему позволили добавлять свои примечания к письмам съера. Дай-то Сэдрин, чтобы прошло много лет, прежде чем мужчины семьи должны будут избрать нового главу Дома Д'Олбриотов, но, похоже, я мог бы выиграть кругленькую сумму, поставив на Камарла. Возможно, так мне и следует поступить, причем в самое ближайшее время, пока шансы стать преемником у младшего сына сестры еще не велики.

Райшеду Тателю, присягнувшему, от мессира Д'Олбриота. Писано в его тормейлской резиденции 26-го дня предвесны.

Я шлю тебе мои приветствия и пожелания, чтобы эта поездка принесла утешение и тебе, и семье, пережившей такую утрату. Пользуясь случаем, хочу повторить, что вместе с ними скорблю о гибели Айтена, и снова напомнить о том уважении, которое я питал к нему. Прошу тебя еще раз передать мои соболезнования его родителям.

Когда этот визит закончится, твое присутствие в Тормейле больше не потребуется. Я получил письмо от Верховного мага Хадрумала Планира Черного с просьбой, чтобы ты поехал в Каладрию и присоединился к некоему Шиввалану Ралсиру, магу. Ты найдешь его с отшельником по имени Вилтред Серн, который живет в лесах севернее Коута, усадьбы лорда Эдринна, на большаке к Абрею.

Сей маг просит твоего содействия в продолжении охоты, в которой вы вместе участвовали в конце предзимья. Когда же маг Ралсир больше не будет нуждаться в тебе, не мешкая возвращайся в Тормейл. А до тех пор держи меня в курсе своих передвижений либо письмами через Императорскую Курьерскую почту, либо другими средствами, которые сочтешь надежными.

Уверен, ты исполнишь сие поручение с обычным своим тщанием.

Ровные строчки были написаны умелой рукой личного писаря мессира. Я живо представил себе, как сьер сидит над кипой документов, расправляясь с каждым краткими приказами. Настроение мое поднялось; я достаточно долго рабо-

таю на мессира, чтобы читать между строк. Я должен стать его глазами и ушами, его связью с планами Верховного мага по одолению Ледяных Людей. Это сулило лучшие перспективы отмщения за Айтена, чем проверка ложных слухов о чужеземцах в глуши океанского побережья, на которую я потратил вторую половину зимы.

До прошлогодней встречи с Шивом я не имел с магами никаких дел; мы в Тормалине предпочитаем держать их на расстоянии. Любопытно, что затевает нынче Шив? Мы с ним обязаны друг другу жизнью после того кошмарного плавания на Ледяные острова. Однако, напомнил я себе, его верность Планиру означает, что цели у нас могут оказаться разными.

Поев, я направился к реке. Надежда на полуденное солнце не оправдалась – снова заморосил дождь. Остатки разграбленной деревни смердели горелым деревом, гниющим после долгой зимы и роняющим черные слезы на выжженную землю. Вот вам и герцогство Марлир, где жизнь считается намного безопаснее, чем в большинстве других мест. Меня вдруг охватила ужасная тоска по чистому запаху соли в океанских бризах там, дома.

Я окинул взглядом долину, рощицы из орешника и ясеня, деревню с крытыми дерном лачугами, раскинувшуюся среди полосатого одеяла неогороженных полей, неровный общинный выгон и голую скалу за ним, на которой местный барон воздвиг свой замок из красноватого камня. Тормалинские

деревни теснятся вокруг господских имений, под защитой своего патрона. Так повелось со времен Хаоса, когда оставшиеся без господина и земли бродяги рыскали по развалинам Старой Империи. Лескарские крестьяне возделывают по мере возможности свою землю и надеются, что сражения минуют их. Я заметил новую зубчатую стену, возводимую вокруг замка, – солома и глина, защищавшие от морозов недостроенные укрепления, уже были сняты. Мессиру эти сведения могли бы пригодиться. Что за угрозу увидел Марлир, когда Равноденствие открыло сезон боев? Я знал, что герцог Триольский со всех сторон укрепил свое родовое гнездо после тяжелых потерь в прошлогодних боях с Парнилессом. Уж не нацелился ли он теперь на эти земли?

Уже вечерело, когда я подъехал к реке. У моста томилась угрюмая очередь крестьян: спасенные пожитки в узлах и на ручных тележках, маленькие дети, коим неведомы улыбки, и дети постарше, озирающие все широко открытыми глазами. То и дело поглядывали они на родителей, ища одобрения, но редко его получали. Я вздохнул. Сколько раз проезжал я мимо таких вот жалких групп по всему Лескару, устало бредущих, с понуренными головами. Завидев чужаков, местные прекращали работу, хватаясь за мотыги и палки от сохи, дабы прогнать любого, кто вздумает остановиться. Мой собственный кошелек изрядно полегчал за время пути. Простые деньги ушли к тем, кто их брал, или же были потрачены на хлеб. Я покупал столько, сколько мог увезти с собой, что-

бы предлагать тем, кто все еще цеплялся за последние крохи своего достоинства.

Я поехал к голове очереди, не собираясь ввязываться в перебранки, вспыхивающие тут и там среди ждущей толпы.

– Осади.

Закованный в броню солдат опустил пику, преграждая мне дорогу, и весь отряд перестал лениво бродить вдоль парапетов.

– Добрый тебе день, – кивнул я, спешиваясь. – Надо платить, чтобы перейти мост?

Стражник окинул меня подозрительным взглядом.

– Смотри кто ты такой.

Ну разумеется. Одно дело – отчаявшийся крестьянин, готовый расстаться с частью своих жалких сбережений, и совсем другое – беглый наемник, который может стоить порки за нерадивую охрану моста, если проскользнет мимо стражи и будет пойман на грабеже или чем-нибудь похуже. Каладрийские лорды отлично понимают, что кровавый хаос Лескара давно перелился бы на их земли, если бы не глубина да коварные водовороты Рела, и потому очень серьезно относятся к охране немногочисленных мостов.

– Я – присягнувший тормалинского принца, – показал я свой амулет.

Стражник разинул рот.

– А что за дело у тебя в Каладрии?

– Дело моего патрона, – вежливо, но твердо отрезал я. Не

зная, что сказать, стражник замолчал, но пику не опустил.

– Вот. – Я протянул ладонь, и он сжал грязные пальцы на паре надежных тормалинских марок, а не хрупких свинцовых монет Лескара. – Почему бы тебе не пропустить бесплатно какую-нибудь одинокую женщину с детьми, а?

Его рот растрескался в усмешке.

– Пожалуй, и пропущу.

Он поставил пику на торец, и копыта моей лошади застучали по доскам широкого моста. Старые тормалинские опоры по-прежнему стойко бросали вызов мутному течению могучего Рела, а обновляемый время от времени деревянный настил был темным от свежего слоя смолы. Отряд с пиками выстроился по сторонам, готовый отразить любую угрозу. Я остановился возле парня, с виду не доросшего даже до бритвы, не говоря уже о мече для защиты владений его господина.

Я заметил цвета и герб на великоватом ему мундире.

– Ты служишь у лорда Эдрина?

Малый опасливо кивнул.

– Ага.

– Мне нужна местность под названием Коут. По какой дороге ехать?

Он нахмурился.

– А в который Коут, сударь?

Теперь я был озадачен.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, если в Верхний Коут, Коут-на-Ключах, Коут-в-Гли-

не и Малый Коут, то езжайте вверх по течению, в Лесной Коут и Коут-под-Холмом – вниз по течению, а в Нижний Коут и Красный Коут – то уж по западному большаку.

Это Каладрия. Парень не водил меня за нос, он искренне старался помочь.

– Где главная резиденция лорда Эдрина?

– Он гостит в Дари, у родни его жены. Он там с Равноденствия.

– А где он живет, когда нигде не гостит?

– Везде.

Без сомнения, этот малый учился языку у кого-то из местных ученых, ибо его старательный тормалинский имел странный акцент, и я не был уверен, что мы понимаем друг друга. Мне лучше всего знаком побережный диалект каладрийского; чем дальше в глубь страны, тем больше может возникнуть путаницы.

– Спасибо.

Я запоздало вспомнил, почему у нас в Тормалине каладрийцы слынут воплощением безмозглости. Этот малый звезд с неба точно не хватал.

Съехав с моста, я пришпорил лошадь, чтобы скорей обратиться от толкущихся там крестьян. Вокруг дорожной развилки теснились деревянные оштукатуренные дома, покрытые дранкой, – подобная деревушка могла бы стоять где угодно от океанского побережья до Западного Энсеймина, самой дальней провинции, которую Империя так и не смогла при-

брать к рукам и выпустила первой. Я напрасно искал природо-
рожные камни, что указали бы мне путь, и в конце концов
вытащил из кармана свою счастливую палочку-руну. Я по-
катал ее в ладонях – сверху вышел Барабан, и я отправился
на север.

Дом Вилтреда Серна, к западу от Коута- в-Глине, Каладрия, 9-е поствесны

Крепкая бревенчатая избушка ютилась под невысокой
скалой на ровной лесной поляне, а перед ней группа мужчин
окружила своего пленника – иссохшего старика, убеленно-
го сединами. Он лежал, привязанный спиной к свежесруб-
ленному бревну, щепки и сучки впивались в тело не по чье-
му-то злому умыслу, а по обычной небрежности. Туго свя-
занные запястья почернели от засохшей крови, вытекшей из
ран, когда старик корчась вырывался из пут. Со скучающим
видом наблюдали за ним его мучители, одетые в черную ко-
жу и металл, – все одинаково белокурые и коренастые. Их
главарь стоял у головы несчастной жертвы, спокойный, как
железо, подогреваемое на костерке. Дым уходил, свиваясь, в
чистое голубое небо, на деревьях зеленели первые листочки
новой весны. Из перебитых рук медленно капала кровь, за-
зубренные кости торчали из сломанных пальцев, ногти были
сорваны с рассчитанной жестокостью. Мучительный спазм
вдруг сотряс пленника, мертвенно-белая грудь задергалась,

как недобитая птица, и так же резко успокоилась, а из выжженных глазниц текли кровавые слезы.

– Жуткая перспектива, согласен с тобой, Вилтред.

Говорящий с трудом глотнул, не сводя глаз с этой страшной картины. Она парила внутри блестящего алмаза, который висел на конце выкованного из меди полумесяца. Сам полумесяц стоял на столе, у нижнего конца горела свеча, освещающая алмаз пляшущим языком пламени.

– Когда ты впервые увидел эту судьбу в своих предсказаниях?

Прокашлявшись, человек оглянулся на обыденный беспорядок избышки, словно желая убедить себя, что явленное видение муки и злобы – не более чем мерзкая иллюзия.

– Четыре дня назад, – проворчал старый маг, угрюмо взирая на образ своей мучительной смерти в двух шагах от собственного порога. – Так что ты думаешь об этом, Шиввалан? Как это связано с твоим внезапным появлением? Долгие целого поколения могущественные маги Хадрумала гнушались мною, считая то ли лжецом, то ли дураком. Когда я был учеником Азазира и мы совершили известное всем путешествие, никто не поверил, что мы нашли острова в далеком океане. – Он показал узловатой рукой на драгоценный камень. – Острова, где жило племя светловолосых людей, столь же похожих на этих, как гончие из одной своры. И вот приезжаешь ты, дабы сообщить мне, что мудрые и благородные маги Хадрумала сами обнаружили эти острова и

наконец-то соизволили мне поверить. Это просто совпадение, что я вижу сейчас тех шавок, охотящихся за мной? В какую беду ввергнет нас всех теперь Верховный маг? – Старик вжался в потертые, выцветшие подушки, устилающие его тяжелое дубовое кресло.

Шив поскреб рукой желтоватый подбородок, темные глаза его смотрели задумчиво.

– Надо немедленно сообщить Планиру. Поверь, Вилтред, я говорил правду. Верховный маг послал меня узнать, что ты помнишь о вашем с Азазиром плавании к Ледяным островам. Прости, мне следовало объяснить. Дело в том, что эти островитяне, эльетиммы, как они называют себя, владеют колдовством, о котором нам в Хадрумале ничего не известно. Хуже того, они сыграли некую роль в падении Тормалинской Империи, скорее всего средствами магии, но ты же знаешь, сколько вещественных доказательств погибло в Хаосе. Планир надеется восстановить что-то из того знания. Клянусь, мы понятия не имели, что те люди тоже тебя ищут, но, очевидно, это так.

Помолчав, молодой маг торопливо продолжал:

– Но, располагая этим предостережением, мы можем постараться его предотвратить. Как часто предсказания сбываются во всех деталях? Не чаще одного раза в горсти, может, реже.

– Я бы предпочел больше шансов дотянуть до Солнцестояния, нежели четыре из пяти. – Вилтред судорожно вздох-

нул, и видение в кристалле, задрожав, растворилось.

С видимым усилием взяв себя в руки, старый маг снова наклонился вперед и, облокотясь на стол, медленно повернул алмаз мерцающими пальцами лазурного света, который выдавал его связь с окружающим воздухом. Ответное янтарное свечение, разгоравшееся в сердце драгоценного камня, говорило о магии, рожденной из земли, и когда мерцающая дымка растаяла, на блестящей поверхности возникли новые образы.

Изображение стало четче: группа людей, собравшихся в просторной комнате. В рамке открытого окна мягко покачивались от невидимых волн мачты с прямоугольными парусами на толстых реях.

– Вон и ты, Вилтред, живой и здоровый, – с облегчением вздохнул Шив.

– Да, только вконец уставший и до бровей облепленный дорожной грязью. Хотя это, конечно, лучше, чем жариться на вертеле вместо праздничного борова, – пробормотал Вилтред.

– Такие галеры ходят в Каладрийском Заливе, – задумчиво произнес молодой маг.

– Лично я хочу знать, кто все эти люди? – буркнул старик.

Шив сосредоточенно изучал крошечные фигурки в колдовском видении.

– Женщину с рыжими волосами зовут Ливак. Она путешествует по Энсеймину; дама обладает многими талантами,

но по большей части игрок.

Вилтред фыркнул.

– Звучит подозрительно.

Шив спрятал улыбку.

– Высокий мужчина сзади – присягнувший мессира Д'Олбриота, Райшед, который должен быть здесь со дня на день. Я говорил тебе о нем, помнишь?

– Я не настолько выжил из ума, чтобы к вечеру забывать то, что мне говорили с утра, – едко изрек старый маг. – А кто эта дурнушка с плечами, как у фермера?

– Хэлис, – медленно произнес Шив. – Подруга Ливак. Последние несколько сезонов она лежала со сломанной ногой.

– И по какой же такой причине я могу очутиться в Релшазе со столь разношерстной компанией? – недовольно проворчал Вилтред. – И прежде чем ты спросишь, скажу: я узнал светящийся маяк. В молодости я неплохо знал этот город.

– У того, другого мужчины лицо обветрено как парусина, и, судя по шрамам от канатов на руке, он наверняка моряк, – анализировал Шив. – А те пергаменты, что Ливак придавливает пивными кружками, вероятно, карты, как ты считаешь? Мы куда в общем-то плывем? Бесспорно, Релшаз – самый крупный порт на западной стороне Залива, но это еще ни о чем не говорит. А может, мы кого-то встречаем?

Вилтред молча пожал плечами, его морщинистое лицо под клочковатыми седыми бровями оставалось мрачным. Погруженный в раздумья, Шив неподвижно сидел за темным

дубовым столом, потом вдруг хлопнул ладонями по исцарапанному дереву.

– Нет смысла строить догадки. Однако противоречивые видения как правило означают, что достижение одного исхода предотвращает другой, верно? А потому положим хорошее начало, собирая вместе всех, кого видим, и Райшед уже в пути.

– Попридержи свой энтузиазм, Шиввалан, толкуя мне о вещах, известных любому ученику. Я проходил все это, когда тебя еще на свете не было. Но все же как ты рассчитываешь за это приняться? – Слабая надежда боролась с недоверием в поблекших глазах старика.

– Собираюсь по крайней мере найти Хэлис, а она должна знать местонахождение Ливак.

Шив повернулся к старомодному буфету у себя за спиной, достал оттуда кувшин и вытащил из кармана бриджей серебряный пузырек. Вилтред молча смотрел, как молодой маг капают в воду черные капли чернил. Зеленоватое свечение поднялось из кувшина и, перелившись через край, тонкими струйками потекло по бокам, впитываясь в испачканную столешницу.

– Один мой друг помогал лечить ее ногу, – все более воодушевляясь, пояснил Шив. – Он нашел у себя ее сапожную пряжку и передал мне: мол, как знать, может, тебе приспичит когда-нибудь кого-то найти.

Закусив нижнюю губу, он бросил пряжку в воду и сосре-

дотоечно склонился над кувшином.

– Только бы у тебя получилось, – пробормотал Вилтред. Внезапно рев ветра и хлещущей воды наполнил комнату.

Шив резко выпрямился. Взгляды магов встретились, и в глазах старика он увидел отражение собственного ужаса.

– Ты установил предупреждающие заклятия по пути сюда? – дрожащим голосом пролепетал Вилтред. – Может, это едет тот воин?

– Нет, боюсь, мои заклятия сотканы только на эльетимов, – прохрипел Шив. – После тех проклятых островов у меня нет желания снова угодить в лапы мерзавцев. Одного из нас постигла участь, от которой мы должны спасти тебя.

– Тогда нужно перенестись в деревню, там безопаснее, – наконец собрался с мыслями Вилтред. – Ты достаточно овладел воздухом, чтобы совершить это?

Шив досадливо нахмурился.

– Мы не успеем собрать все твои ценности, и если просто перенесемся отсюда, то не узнаем, что делают эльетиммы и куда идут. – Он быстро пересек пыльную комнату и, приоткрыв лакированные ставни, посмотрел наружу. – Но если останемся здесь, то окажемся в ловушке, как крысы в бочке. Нет, мы спрячемся в лесу, откуда сможем все наблюдать, – решительно заявил он. – Большой луны нет, Малая на ущербе. Это самая темная ночь сезона, что на руку не только им, но и нам.

– Увижу, что они подходят, унесусь прямо в Хадрумал,

если смогу, – хмуро предупредил Вилтред.

Как только седовласый маг неуклюже выбрался из кресла, Шив отодвинул засовы, подхватил невысокого старика под руку и, распахнув дверь, тотчас потащил его под деревья, в спасительный мрак, сгущающийся по мере того, как солнце на западе медленно садилось в тучу.

– погоди, – сказал запыхавшийся Вилтред. Шив наклонился к нему.

– В чем дело?

– У меня тут расставлены свои заклятия. Против диких зверей, но можно переделать их и против двуногих.

Он потер распухшие костяшки, и слабое голубое свечение собралось в шар между его ладонями. Резким жестом Вилтред отпустил его, и шар, словно болотный огонек, поплыл вдоль опушки, тут и там спускаясь на траву, чтобы оставить на ней маленький, мгновенно исчезающий отпечаток.

– Мы должны спрятаться, – настойчиво прошептал Шив. – Я смогу обмануть их колдовство, если мы не будем шевелиться.

Вилтред кивнул, и оба мага устремились дальше в лес. Едва видимое разноцветное мерцание окружило их и исчезло, превратив обоих в неразличимые темные контуры, слившиеся с сумерками.

Последний луч солнца золотыми бликами рассыпался по водопаду, который низвергался с утеса в ручей, но все остальное окрест было окутано в мириады оттенков серого.

Вдруг по поляне к избушке, низко пригибаясь, побежал человек, весь черный, как тени под пологом леса. Крик разорвал ночное безмолвие – из-под ног человека вырвалась молния и отбросила его назад. Встревоженный, пришелец уполз под защиту деревьев, а дым поплыл прочь на холодном дыхании ночи.

Долгую минуту стояла тишина. Потом еще две фигуры медленно зашагали по траве, исчезая в тени избушки. Ножом неожиданно оконная рама озарилась голубой вспышкой, и тут же раздались испуганные проклятия и торопливое шиканье. Потом все стихло, и, наконец, из укрытия деревьев решительно вышла личность в капюшоне и встала посреди лужайки. За ней почтительно трусила горсть солдат.

Крепкая дверь избушки беззвучно разлетелась на тысячи щепок. Люди в черном ринулись внутрь, только слабые отблески звезд вспыхивали на мечах и одной светлой, непокрытой голове. Из-за разрушенной двери просочились слабые звуки: шарканье подбитых гвоздями сапог по половицам, тяжелый скрежет передвигаемой мебели, грохот разбивавшейся глиняной посуды, глухой стук от злобно швыряемых на пол книг. На пороге показался солдат – ссутуленные плечи и опущенная голова выдавали невезение и страх. Человек в капюшоне нетерпеливо пересек лужайку и ударил его с отвращением. За солдатом вышли остальные. Один что-то показал и тем самым остановил карающую руку главаря. Взмахнув плащом, человек в капюшоне повел свой от-

ряд прочь, растворяясь вместе с ним в лесной ночи.

Бледный серпик Малой взошел над утесом. Из двери и окон избушки поползли струйки дыма. Следом за ними, пугающе оранжевые во тьме, жадные языки пламени лизнули бревна. Через невероятно короткое время крыша обвалилась, и ярко-красный огонь затмил своим полыханием мягкий свет звезд Короны Халкарион, равнодушно стоящей в небесной выси. Пушистые кучки пепла закружились по поляне, под выгоревшей травой дымилась голая земля. И вдруг пожар в одночасье угас, остались только обломки почерневшего дерева.

Пестрая кошка выбежала на поляну, но, испугавшись чего-то, вскочила на дерево. Немного переждав, снова направилась к беспорядочной груде обугленных бревен и, принюхиваясь, осмотрительно обошла кругом, время от времени трогая лапой головешки. Вскоре появилась вторая кошка – уши прижаты, хвост подрагивает у полосатого серого бока. Какое-то время животные исследовали края развалины, воздух вокруг них странно мерцал, размер и окраска созданий менялись, пока заклинание не растаяло, открывая магов в их собственном обличье. Ни тот, ни другой не обратили на это внимания и продолжали что-то искать, растаскивая в стороны обломки.

– Дай-ка я.

Шив сдвинул почерневшую балку, под которой обнаружился люк. С трудом сдерживая кашель от заклубившего-

ся вокруг пепла, Вилтред изо всех сил потянул за искореженную, обгоревшую крышу. Молодой маг помог ему расчистить проход и вознамерился спуститься по вырезанным в камне ступенькам.

– Нет, – буркнул Вилтред, – это все еще мой дом, то, что от него осталось.

Подобрав полы линялого камзола, старик неуклюже сошел по крутой лестнице. Шив ждал со скрещенными руками и, нетерпеливо постукивая ногой, поднимал с земли хлопья сажи.

Немного погодя снизу донесся резкий кашель Вилтрета, и старик вылез из погреба.

– Ну-с, Верховный маг не узнает ничего нового об этих таинственных островах, их злобных жителях и заумном колдовстве из тех немногих сокровищ, что оставил мне Азазир. – Маг сплюнул в пыль и шлак. – Они забрали все до последней вещицы. Вот и скажи теперь, Шиввалан, что надежды Планира не рассыпались в прах!

Большак между Верхним Коутом и Коутом-на-Ключах, Каладрия, 10-е поствесны

– Райшед!

Я так поразился, что меня окликают по имени на этой пустынной ранним утром дороге, что дернул поводья словно новичок. Лошадь прыгнула вперед и возмущенно затрясла

головой, даже кольца на сбруе задрезались.

– Райшед, я здесь!

– Шив?

Оглядевшись, я увидел машущего рукой мага. Такой же долговязый и костлявый, каким я его помнил, с прицепившимися к штанам листьями, он вышел из рощицы, в которой – готов поклясться – не было никого крупнее белки.

– Что, во имя всего святого, ты тут делаешь?

Следом появилась вторая, сгорбленная, фигура, и Шив повернулся, чтобы подать ей руку.

– Позволь представить моего спутника, Вилтреда Серна. Вилтрэд, это Райшед, присягнувший, о котором я тебе говорил.

На службе у принца быстро учишься не выказывать удивления, поэтому я лишь поклонился, совершенно невозмутимо, хотя внутри сгорал от любопытства, что же за человек был учеником одного из самых печально известных и опасных магов, когда-либо вскормленных таинственным городом Хадрумалом. Странно было видеть усталого старика с нечесаной бородой и запавшими глазами, в поношенном плаще, грязном и помятом, словно после холодной ночевки под открытым небом. Хотя чему удивляться? Прошло ведь больше поколения с тех пор, как Азазиру предоставили выбор: изгнание в глушь Гидесты или смерть от рук Совета Магов за его безответственное колдовство.

– Шиввалан, мне нужны тепло и еда, пока мои суста-

вы окончательно не развинтились в этой сырости! – Старик угрюмо выглядывал из-под облезлого меха своего капюшона.

– Что случилось, Шив? – забеспокоился я. – Почему вы идете пешком и даже без вещей?

Маг покачал головой.

– Это долгая история. Что смогу – расскажу. Только прежде давай найдем какое-нибудь местечко с очагом и личным элем.

Я отложил на время расспросы, спешил и помог запрячь старого мага в седло. Усевшись будто мешок с зерном, он с кислым видом забрал поводья.

– Тут недалеко есть таверна, я недавно ее проезжал.

– Отлично, – кивнул Шив. – Все равно нам ехать на юг. Ну давай показывай дорогу.

Как бы потактичнее напомнить магу, что я ему не слуга, а он мне не хозяин? Мессир дает мне поручения, но я привык сам решать, как мне действовать.

Вскоре мы свернули в чисто выметенный двор недавно побеленной таверны, и Вилтред с трудом слез с лошади. Разглядев под редкой бородой его серую кожу, я вдруг понял, что маг гораздо старше, чем мне казалось, и протянул ему руку. Пронзительно глянув на меня, старик все же принял помощь и заковылял в пивную, где Шив очаровывал розовощековую служанку, чтобы она пустила нас в отдельный кабинет рядом с общим залом.

Когда мы разместились в уютной комнатке, даже обшитой деревянными панелями, я налил в кружки густого темного эля, а Шив тем временем закрывал тяжелые ставни на мутном оконце. Вилтред щелкнул пальцами, и загорелись свечи, делая едва заметным слабое голубое мерцание, расходящееся от вытянутых рук Шива.

– Ну вот, теперь нас никто не подслушает, – объявил маг, когда заклинание исчезло в полированном дереве и штукатурке стен.

Разумная предосторожность. Любой, кто видел, как он закрывает ставни, верно, уже наострил уши от любопытства.

– Может, попробуешь гадание, а, Вилтред? Так было бы проще все объяснить, – продолжал Шив.

Старик вздохнул, но согласился.

– У тебя найдется огарок? – Он достал из внутреннего кармана сверток и, развернув промасленную кожу, извлек оттуда медный полумесяц на маленькой подставке.

Я твердо решил ничему не удивляться и молча наблюдал. В Тормалине мы редко пользуемся магией, но мне довелось видеть, на что она способна. Было это минувшей осенью, когда мы с Ливак и Шивом бежали по пустынным Ледяным островам, спасая свою жизнь. Я вспомнил, что с нами маг, чьи силы связаны главным образом со стихией воды, – случайный природный дар, который спас нас тогда от безжалостного океана, спасибо Дастеннину.

От эля щеки Вилтрета порозовели, и я тоже отхлебнул из

своей кружки. Горький от доброго хмеля, напиток был вполне хорош, раз уж нельзя достать приличного тормалинского вина. И, конечно, этот эль был несравнимо лучше той кислятины, что мне подавали в Лескаре.

Шив прикрепил сальный огарок к нижнему концу полумесяца. В этот момент он не следил за своим лицом и выглядел усталым, как сторожевой пес публичного дома, которого будили за ночь десять раз. Вилтред аккуратно повесил на верхний крючок некий драгоценный камень, а Шив, щелкнув пальцами, зажег свечу. В алом магическом пламени было видно, что это алмаз, крупнее любого в императорской короне, и я прикусил язык, чтобы не ахнуть. Вилтред откашлялся.

– Ныне я живу тихой жизнью, почти не практикую магию, но есть одна услуга, которую я оказываю местным в обмен на еду и прочее, – предсказания на будущие сезоны.

Я с сомнением поглядел на старика. Все те ворожеи да предсказатели, что съезжаются обычно на ярмарки, только глупцов могут одурачить своей ложью. И тут вспыхнул янтарный свет, образы заплясали внутри алмаза, притягивая как магнит. Казалось, они захватили меня целиком, и все остальное стало не более важным, чем рама зеркала.

Грань камня потемнела, словно ее затянуло дымом. Но вот он рассеялся, осталось лишь чадающее дыхание факелов вокруг разрушенного зала. Алчное пламя пожирало там груды прекрасных картин, любовно вышитых драпировок, ме-

хов и платьев, натасканных Дастеннин знает откуда. Темная дубовая мебель, заботливо полируемая в течение поколений, валялась, порубленная на куски, выдолбленные пазы белели в старом дереве, как кости в смертельной ране. Сердце заколотилось у меня в груди, когда я узнал сие место. Это был Зал для аудиенций в Императорском дворце в Тормейле. Скрежеща зубами от бессильной ярости, я смотрел, как фигуры в черных мундирах шагают по разбитым плитам пола с охалками награбленного добра, чтобы бросить его в ненасытное пламя. Холодный ужас боролся во мне с горячей злостью, когда я понял, что это Ледяные Люди, сородичи тех злодеев, что прошлым летом ограбили и искалечили племянника мессира. То насилие направило нас с Айтеном на тропу мщения, которая в конце концов привела к смерти моего друга.

В одном углу сгущался темный дым: прожорливый огонь набросился на большую деревянную колонну у дверей в Тронный Зал. Их тяжелые створки, лишённые золотого убранства, распахнулись, пропуская светловолосого человека в окровавленном мундире. Он торжествующе размахивал своим ужасным трофеем.

Голова, насаженная на пику. Лицо распухло от зверских побоев; прежде чем отправить пленного в Иной мир, недобряки переломали ему все кости. Но я все равно узнал его, я видел это юное, когда-то красивое лицо просветленным от радости, глаза, теперь тусклые и безжизненные, горящими от

возбуждения. Это был мой император, Тадриол, третий сын Тадриола Благоразумного, пятый император Дома Тадриолов, еще не так давно занявший этот трон и пока лишь ожидающий провозглашения от принцев Великих Домов, которое торжественно узаконит их одобрение или неодобрение в том эпитете, каким наградит его Собрание.

Не удержавшись, я взглянул на Шива. На миг наши глаза встретились, и его лицо окаменело. Я понял вдруг, что мои руки сжались в кулаки, а ногти впились в ладони, и потянулся за кружкой, пытаясь смочить пересохшее горло, причем не сразу заметил, что сосуд пуст. Магия Вилтреда замерцала. Старик повернул драгоценный камень дрожащими от заклипания пальцами.

Мягкая серая дымка растаяла, и открылись стены из белого камня, согретые светом тонких восковых свечей. Я увидел себя стоящим на возвышении в большом зале какого-то тормалинского принца, пышно убранном для празднования либо Солнцестояния, либо Равноденствия. Очевидно, мы все процветали: я вырядился будто аптекарь публичного дома и темно-бордовый бархат и тонкий лен, на груди поблескивала золотая цепь. Жутко было видеть себя таковым – ведь таким, видят меня посторонние. Я с усилием подавил трепет и перевел взгляд на племянника мессира, Камарла, стоящего впереди. Его полное лицо светилось добродушием, но глаза цепко взирали на собеседника – кого-то из младшей линии Д'Азнаков. Скользнув взглядом дальше, я изумленно при-

открыл рот: в поле зрения попала Ливак, окруженная толпой поклонников из благородной молодежи. Она была невероятно соблазнительна в темно-синем шелковом платье с жемчугами, мерцающими на шее, с красиво уложенными волосами. Любуясь ее непривычной элегантностью, я вдруг понял, что Ливак подбивает своих кавалеров делать ставки, бросая изящный комплект рун из яблоневого дерева, а потом деликатно убирает золотые и серебряные монеты в бархатную сумочку, свисавшую на ленте с пояса.

Шив стоял внизу, в основной части зала, высокий и изысканный в зеленом льняном наряде. Лицо его было гладко выбрито, длинные темные волосы сзади собраны в хвост. Он выглядел спокойным и расслабленным со скрещенными на груди руками и над чем-то смеялся с одной из племянниц мессира. Бедняжка явно не подозревала, что ее очевидный интерес к нему обречен на разочарование. Рядом Вилтред горячо спорил с двумя дворянами. Его черная парадная мантия, неуместная в этой обстановке, придавала старику неожиданно внушительный вид: он взмахивал рукой, а в другой корявой руке сжимал посох, которым ударял по полу для пущей убедительности своих слов.

– То, что ты видишь, – это альтернативные варианты будущего, – начал объяснять Шив.

– Что все это значит? – перебил его я; любые проблемы магов подождут, если всему, с чем я связан клятвой, грозит опасность.

– Мы не знаем.

Откровенное признание Вилтрета меня ошарашило.

– Вы не приняли никаких мер? – От нетерпения мой голос зазвучал резко, и я заставил себя говорить мягче. – Перед лицом столь серьезной угрозы императору?

– Принимать меры, основываясь на предсказаниях, дело весьма рискованное. – Как ни странно, Вилтред не рассердился и не стал оправдываться. Он просто казался уставшим до мозга костей. – Каждое событие зависит от такой цепи причин и следствий, что активными действиями можно выковать роковое звено, способное привести к той самой катастрофе, которой ты пытаешься избежать.

– Ты видел там себя и Ливак, а это значит, что вы оба играете некую роль в положительном исходе. – Шив указал на безжизненный теперь драгоценный камень. – Думаю, наша важнейшая задача – как можно быстрее собрать вместе всех, кто был в том видении.

– Ты знаешь, где Ливак?

– Она со своей подругой Хэлис, – сказал маг, подливая себе эля. – Я искал ее прошлой ночью и сегодня, как тебя. Таким образом мы и узнали, по какой дороге ты едешь.

Ну конечно, эти трюки с магическими заклинаниями и цветными чернилами позволяют Шиву следить даже за незнакомыми людьми. Интересно, как давно он подглядывает за мной? Но этот вопрос отступил под натиском более неотложных проблем. Итак, Шив пытается найти Ливак.

Женщину, которая убила Айтена и спасла жизнь мне, женщину, чью жизнь спасал я, искусного игрока, ловкую воровку, наконец – мою любовницу, когда внезапный ураган страсти настиг нас обоих на пути домой. Я не из тех, кто бросается за каждой юбкой, в молодости я достаточно погулял, но Ливак – нечто иное, первая женщина, всерьез покоровившая мое сердце более чем за десять лет. Одно воспоминание о ней, горячей и темпераментной, воспламенило мою кровь. Что я скажу ей? Чего я от нее хочу? И захочет ли она чего-то от меня, кроме сладостных утех? Надежды и сомнения, которые не имели ничего общего с моими обязанностями, боролись внутри меня.

Я поскреб отросшую за день щетину, но эта мелкая досада не задержалась в моем сознании.

– Что еще мне нужно знать?

Шив заколебался.

– Позапрошлой ночью эльетиммы напали на дом Вилтреда. Возможно, это совпадение, но не исключено, что это я привел их туда.

При мысли о моих врагах и врагах мессира, безнаказанно рыскающих на нашей стороне океана, волосы у меня на голове встали дыбом.

– Что случилось?

– Они вломились в избушку, похитили сувениры, которые Вилтред привез из плавания с Азазиром, а потом сожгли ее. Мы спрятались в лесу.

– Повезло, Шив, что ты оказался там.

Но повезло ли? Или эльетиммы надеялись поймать двух кроликов в один силлок?

– Они идут по Пряному тракту. – Шив допил эль. – А мы рванули напрямик, когда увидели, что ты подъезжаешь к реке.

Я поднял руку.

– Шив, в прошлом году этих мерзавцев было так же легко выследить, как корабль во время шторма. Откуда у тебя такая уверенность?

– Мы искали украденные вещи. Вилтред хранил их в своем погребе больше поколения. При обычных обстоятельствах он нашел бы их даже на другой стороне Каладрийского Залива.

– А где эльетиммы сейчас, вы знаете?

– Не настолько близко, чтобы представлять для нас реальную угрозу, но это, пожалуй, лучшее, что можно сказать. – Судя по гримасе, Шива это так же не удовлетворяло, как и меня. – Мы хотим найти Ливак и Хэлис, затем снова напасть на след, догнать Ледяных Людей и выяснить, что они затевают. А заодно попытаться вернуть украденное, и тут нам пригодится Ливак.

Я не разделял уверенности Шива, что Ливак захочет ему помочь. Наоборот, у меня создалось твердое впечатление, что, поворовав несколько раз для магов, Ливак на всю жизнь возненавидела это ремесло. Она бы и в прошлом году отка-

залась, если бы Шив ее не шантажировал.

– Откуда нам известно, что этим людям не нужен сам Вилтред? – нахмурился я. – Брать его с собой значит подвергать еще большей опасности. Не найдется ли какое-то надежное место, куда бы он мог поехать?

– Ты теперь здесь и защитишь его. – Шив отвел взгляд – Верховный маг считает, что нам лучше оставаться вместе. Все это связано с его проектом, в который посвящено всего несколько человек.

Я взглянул на унылое лицо Вилтрета с опущенными уголками рта. Старик знает нечто такое, чего Шив не говорит мне, или у него просто болят суставы? Мда, слишком много вопросов остается без ответов. Подавив назойливую досаду, я допил эль.

– Вам нужно поесть и достать лошадей. Хотелось бы поскорее вернуться на дорогу, чтобы не терять целый день.

Может, Шив и бежал от эльетиммов в одной рубашке, но под ней был припрятан туго набитый кошель. Снабдив магов верховыми лошадьми – вороным с толстой шеей и чалой, – мы бодро затрусили по сельской Каладрии. После Лескара было приятно смотреть на дюжих фермеров, с весенним азартом пашущих свои поля, и аккуратные кучи гашеной извести для удобрения почвы. На выгонах, за ровно подстриженными живыми изгородями, пасся тучный скот, из жирной черной земли пробивалась молодая пшеница. Возможно, впечатление оказалось бы сильнее, если б я не слышал од-

нажды, как мессир объяснял Камарлу, что вся хваленая каладрийская наука возникла впрямую из необходимости лескарских герцогов кормить своих наемников. Да, мало что из этих щедрот перепадет тем несчастным душам, коих я миновал на большаке Марлира.

Партии крестьян вырубали лес, корчевали пни, и я приметил характерные шарфы на головах у женщин.

– Это лескарцы? – Я повернулся к Шиву. Маг кивнул.

– Лорд Эдрин разрешает некоторым переходить мост каждую весну, чтобы расчищать землю и селиться между Речной дорогой и Релом. Если они преуспеют, он получит ренту, а в случае набегов из-за реки его собственные арендаторы отделаются намного легче.

Оставалось надеяться, что стоический оптимизм тех, кто так усердно работает, будет вознагражден.

– И много случилось набегов в последнее время?

– Не очень, и лорд Эдрин начеку. – Шив привстал в стремених и указал на дальнюю мельницу. – Если крылья у мельницы остановлены прямым крестом, то это сигнал милиции, что стервятники перешли реку. Мало кому из этих подонков удастся спасти свою шкуру.

Я одобрительно усмехнулся. Надо будет упомянуть мессиру про лорда Эдрина. По всему видно, это человек умный и держит в своих руках стратегически важный мост.

Мы ехали до самых сумерек, а как стемнело, остановились в придорожном трактире, не желая рисковать лошадьми: уз-

кие серпики лун – убывающей Малой и нарождающейся Большой – совсем не освещали дорогу. Вилтред за целый день ни разу не пожаловался, но все больше и больше горбился над своими поводами. Когда мы остановились, он едва сумел разогнуться. Шив повел старика в нашу спальню, а я заглянул в пивную – поболтать со скучающим трактирщиком. Выяснив, что никаких необычных путников, в том числе белобрысых, поблизости нет, я немного успокоился, а заодно узнал, что отсюда до Коута-под-Холмом, где Шив ожидал найти Хэлис, всего полдня езды.

Наконец, отчаянно зевая, я отправился наверх в надежде на более хороший сон, чем те, какими Аримелин награждала меня в последнее время. По пути взял у сердобольной хозяйки завернутый во фланель горячий кирпич и, радуясь теплу в озябших ладонях, поднялся в одних чулках по узкой лестнице, засунув сапоги под мышку. Шив и Вилтред уже спали, когда я тихо пробирался к свободной кровати сквозь тяжелый дух поношенных сапог и резкий свежий запах теплой мази для растираний. Сон долго не приходил. Каждый раз, закрывая глаза, я видел Ледяных Людей, громящих самое сердце тормалинской державы.

Огромный дом из белого камня, полный гулкого эха

Утро выдалось холодное и ясное. В тех закутках двора, ку-

да еще не проникло солнце, поблескивал иней, и почерневшие стебли поздних осенних цветов, недосмотренные управляющим, жалко поникли в старинной вазе.

Зазвякал колокольчик. Резво потирая руки в холоде глубоко затененного входа, привратник открыл калитку и впустил юношу. Напряженный и бледный, он нервно крутил на пальце кольцо с сапфиром, но не забыл поклониться слуге, следуя привитым с детства манерам. Его начищенные до блеска сапоги защелкали по плитам – юноша направился в дом, очевидно, не нуждаясь в проводнике.

Войдя в приемную, Темар тяжело вздохнул и оглядел себя в зеркале. Лицо, которое он увидел, поразительно контрастировало с богатым одеянием. Худое, с высокими скулами и длинной, узкой челюстью, оно, на взгляд юноши, больше подходило доспехам или рабочей одежде. И в том, и в другом Темар чувствовал бы себя гораздо уютнее, чем в этом тесном, редко носимом парадном платье. Голубые глаза, настолько бледные, что казались почти бесцветными, усталились на него из-под тонких черных бровей. Строгость взгляда усугублялась длинными черными волосами, зачесанными назад и склотыми на шее. Так требовала мода, пусть ему это и не шло.

Темар поправил воротник рубахи и раздраженно пытался смахнуть соринку с малинового камзола, пока не сообразил, что это изъян в серебрении зеркала. Всего несколько лет назад его хватило бы, чтобы отправить негодную утварь прямо

в комнаты прислуги. Понимание этого лишь укрепило решимость Темара, пока он ждал вызова, чтобы предстать перед дедом.

Не перед дедом, напомнил себе юноша. Нынче утром старик исполнял свою роль главы Дома Д'Алсенненов. Хотя теперь это мало что значило: не было никаких посетителей, нетерпеливо ждущих на полированной скамье, дабы подать прошение или предложить услуги своему патрону.

– Эсквайр!

Камергер с изящным поклоном распахнул двойные двери, ухитряясь делать вид, что выполняет сию обязанность только в честь Темара, а не потому, что семья вынуждена обходиться теперь без услуг лакея.

Юноша вежливо поклонился и, внутренне напряжись, вошел в салон. Он давно здесь не был и невольно сбился с шага, заметив пустые ниши, в которых прежде покоились статуи, и выгоревшие на солнце шелковые портьеры. Слабенький огонь храбро трепетал в массивном камине, ничего не согревая, но лишь привлекая нежелательное внимание к холодной атмосфере.

– Темар, я рад тебя видеть.

Внушительный в своей парадной мантии из темно-бордового бархата, дед восседал в старинном кресле черного дуба, водруженном на возвышении в конце длинной комнаты. Несмотря на белые, поредевшие волосы и глубокие морщины, выцветшие глаза старика были ясными и настороженными.

ми.

– Сьер.

Исполнив церемониальный поклон, Темар опустился на колени и склонил голову.

– Это официальный визит? – В интонации старика проскользнуло веселье.

– Да, – твердо ответил юноша.

Опущенная голова не позволила ему увидеть тревогу, на мгновение удвоившую груз прожитых лет на лице деда.

– Тогда изложи свое дело. – Голос сьера стал жестким и даже немного суровым.

– Я прошу разрешения плыть с мессиром Ден Феллэмионом, – громче, нежели намеревался, объявил Темар.

Эта просьба прогремела на весь зал подобно требованию, и юноша заставил себя не шевелиться, воззрившись в нежные изгибы охровых и кремовых плиток на полу.

– Продолжай, – велел старик. Растерявшись, Темар невольно поднял голову.

– Докажи свою правоту, эсквайр. – Сьер без улыбки глядел на него с возвышения. – Объясни, почему я должен разрешить последнему отпрыску моего рода рисковать собою в какой-то неведомой земле за океаном.

Юноша украдкой вздохнул. Он ожидал сопротивления, спора, втайне рассчитывая, что это поможет ему бросить вызов деду.

– Мне известно, что я последний мужчина из рода Д'Ал-

сенненов, и, движимый долгом крови, я обязан восстановить богатство нашей семьи, ее положение среди равных нам. За последние годы, по мере того как Империя отступала из провинций, мы одно за другим потеряли земли, состояние и положение. Я не вижу никакой реальной перспективы их возвращения и потому искал другие средства поднять наш Дом до его былой славы. – Он замолчал, собираясь с мыслями.

– Император объявил новый рекрутский набор, дабы отбить Лескар у тех самопровозглашенных герцогов. – Лицо старика было непроницаемым.

Темар посмотрел на него в упор.

– Ни один Великий Дом не послал своих рекрутов ни по одному из наборов, объявленных с начала года, мессир, и этот набор не будет иным. У меня не больше уверенности в командирах Императорских когорт, чем в своре дворовых псов, и все эсквайры, служившие в прошлом году, скажут то же самое своим старшим. Вы знаете не хуже меня, что Немит Безрассудный будет последним императором в своем роду и скорее всего мертвым и сожженным еще до конца сезона – при его-то пристрастии к вину и шлюхам.

Сьер медленно наклонил голову.

– Это верно, и когда все принцы соберутся, дабы избрать нового императора, у эсквайров даже незначительных Домов будет масса возможностей заручиться его покровительством. Я уже слишком стар для придворных плясок, а ты не сможешь сделать это за полмира отсюда.

Холод пола начал проникать в колени Темара, икры сводило судорогой. Обругав себя глупцом за церемониальную позу, юноша попытался игнорировать неудобство, но оно проскальзывало в его все более отрывистых фразах.

– Мы – не единственный Дом, пострадавший из-за отступления Империи, дедушка. Почему я должен стоять в очереди с ведром, чтобы кто-то другой пожаловал мне место у высыхающего колодца? Мессир Ден Феллэмион говорит о необъятных землях за морем, плодородных и никем не занятых, о бескрайних лесах, где еще не стояли капканы, о недрах, богатых железом, золотом и даже драгоценными камнями.

– Это больше напоминает речи твоего друга, молодого Ден Ренниона, – угрюмо возразил старик. – Скажи-ка мне, как нынче обстоят дела с долгами у сего доброго эсквайра? Уверен, его отец с великой радостью отправит свое чадо к любому берегу, где нет игорных притонов и публичных домов, лишь бы спасти свой кошелек!

Неужто дед нарочно не хочет его понимать? Как бы то ни было, Темар не собирался ввязываться в пустой спор о последней глупости Вахила; он не опустил взгляд.

– Мессир Ден Феллэмион предлагает место на своем корабле всем желающим, высланным или бегущим с развалин провинций. Он дает им возможность построить новую жизнь, если они присоединятся к нему для создания второй империи по другую сторону океана.

– И ты желаешь ковыряться в грязи вместе с бездомными

да безземельными? Должен ли я напомнить, что ты ни то, ни другое?

Сьер наклонился вперед, сердито глядя с кресла своих предков. Сотворив над собой усилие, Темар надел на лицо маску спокойной рассудительности.

– Мессир Ден Феллэмион ищет людей с опытом командования, способных руководить колонистами, организовывать труд, координировать и направлять их работу. Думаю, ты еще не забыл, что я три года управлял нашими именьями в Далазоре, к твоему полному удовлетворению. Когда Горные Люди перешли реку, я служил положенный срок в когортах, и мне поручили командование моим собственным отрядом в пределах сезона. Я могу использовать обретенные навыки и получить за это признание и награду. Разве это не более достойное занятие для сына Д'Алсеннена, чем околачиваться при дворе и драться за высочайшую милость подобно псу, выпрашивающему объедки?

– Нет, если ты впряжешься в ярмо к особам вроде Ден Ренниона и Ден Феллэмиона. Кто они такие, как ты думаешь? Что, не хочешь говорить? Ну так я тебе скажу: стареющий мечтатель, паразитирующий на угасшей славе, добытой давным-давно в походах с Немитом Мореплавателем, и человек, надеющийся заставить свой Дом пожалеть, что его обошли при выборе сьера. С таким же успехом ты мог бы расплавить эту тарелку и возвращать наши богатства, пытая счастья в бордельных играх, как тот молокосос Ден Реннио-

НОВ!

– Мессир Ден Реннион действительно разбирается в торговле, дедушка. – Впервые в голосе Темара послышалась резкость гнева. – Он бы не поддержал идею колонии, если б не рассчитывал на жизнеспособность и прибыльность. Он сам намерен отправиться в плавание, построить дом и будущее для своей семьи, и он планировал это еще до смерти своего отца. Его брат, сьер, полностью его поддерживает.

– Стало быть, долги и впрямь гнетут его, коль он готов бежать за океан, чтобы спастись от кредиторов! Нет, пока сам не увижу, как Ден Реннион поднимает на борт свою задницу вместе со своей монетой, ни за что не поверю. Тебе не кажется, что он всего лишь проворачивает быстрые деньги, играя на чаяниях легковерных? Судя по тому, что я слышу, ему придется возместить изрядную сумму, дабы поспевать за тратами твоего дружка Вахила.

Почему старик все время поминает Вахила? И Темар вдруг понял, потрясенный своим открытием, что у деда нет ни одного стоящего возражения, он лишь пытается закончить разговор, провоцируя ссору. Юноша уставился на старика и заморгал – то, что он видел, внезапно изменилось, словно под воздействием какой-то зловещей алхимии. Сейчас перед ним был не внушительный, гордый глава некогда Великого Дома, с поводьями многих жизней в своих руках, время от времени сдерживавший одних и отпускавший других, чтобы вся упряжка бежала ровно, не даже тот неиссяка-

емый источник ободрения и безопасности, на который Темар привык рассчитывать, пока рос, слишком рано возмужав, – к своим обязанностям и долгу. Это был просто дряхлый человек, усталый и испуганный, лишенный своих сыновей и будущего своего Дома, одиноко и неуверенно стоявший перед лицом старческой немощи.

Темар встал, с гримасой потер колени. Потом сел на ступеньку возвышения, как часто делал ребенком, когда этот зал был полон арендаторов и клиентов, а его дяди ходили в толпе, пока сьер разбирался с просителями. Устроившись поудобнее, юноша посмотрел вверх, на деда.

– Я правда хочу это сделать, дедуля. Корчить из себя шута при дворе, выведывая сплетни, чтобы обратить их в преимущество и золото, – все это не по мне. Ты же знаешь, я привык говорить открыто, как ты сам меня учил. Я устал спасать наши деньги и достоинство от каждой волны бедствий, постоянно чувствуя, что, когда император в очередной раз заблажит, я снова буду по горло в свежем дерьме.

Старик потер лицо. На какой-то миг глаза его затуманились отчаянием.

– Лучше уж барахтаться в дерьме, чем сгинуть в океанской пучине. Или я должен напомнить тебе, сколько кораблей ушло с Немитом Мореплавателем, да так и не вернулось?

– Мессир Ден Феллэмион вернулся, деда, и с тех пор не раз повторил тот путь. Я ему доверяю.

Темар пытался избежать укорительной интонации. Не

удалось.

– Что это значит? – Былой огонь ярко вспыхнул в глазах сьера. – Ты доверяешь ему? Тебе больше по вкусу ехать его форейтором, нежели хозяином собственной упряжки? Уж не думаешь ли ты отречься от собственного имени и взять его?

Темар рывком встал, отбросив непривычную покорность.

– О будущем моего Имени я и забочусь, мессир. Я хочу, чтобы мои сыновья и внуки почитали мой прах и благословляли наследство, которое я завещаю им. – Он бессознательно сжал кулаки и почувствовал, как отцовское кольцо вдавилось в кожу.

– А что ты будешь тогда делать с моей урной для праха? Подпирать ею дверь? Неблагодарный мальчишка! – Сьер поднял искривленную руку и едва не ударил юношу. – Разве я виноват, что сначала оспа украла сыновей моего Дома, а затем этот спившийся развратник профукал наши земли в погоне за своими ненасытными амбициями?

Темар открыл рот, чтобы ответить в том же духе, в обычной манере семейных разговоров Д'Алсенненов, но что-то в обличье деда остановило его. Неизбывное горе лежало под гневом в глазах старика, и продолжать этот спор показалось вдруг бессмысленным.

– Я не хотел оскорбить тебя, деда, совсем не хотел. Я отлично знаю, что наш Дом мог бы пеплом развеяться по ветру много лет назад, если б не ты.

Старик хотел ответить, но его слова потерялись в присту-

не кашля. Темар торопливо огляделся, в поисках воды или вина.

– Оставь.

Из складок мантии съер извлек колокольчик, и на его серебристый звон прибежал камергер.

– Я обдумаю твое прошение, эсквайр. – Ухитрившись сдержать кашель, старик поднял глаза на внука, обманчивый румянец здоровья выступил на его щеках. – А пока меня ждут другие дела. Загляни в мой кабинет перед обедом.

С некоторым трудом он выбрался из кресла, но раздраженно отмахнулся от стоявшего над душой камергера и с высоко поднятой головой спешно покинул салон.

Глядя ему вслед, Темар не мог понять, обеспокоило его поведение деда или скорее раздосадовало. Какие у старика могут быть другие дела? По всей видимости, он просто откладывал решение, собираясь вздремнуть. «Ну и ладно, а мне-то зачем полдня торчать в этом склепе?» – подумал Темар со свойственной ему решительностью. Он стремительно вышел из комнаты и с силой захлопнул тяжелые двери. Огонек в камине испуганно трепыхнулся, выпустив перышко дыма. Юноша тем временем направился к черной лестнице, ведущей на кухню. Его каблуки сердито цокали по каменным ступеням.

– Темар, утеночек мой, как же я рада тебя видеть! – Сухощавая женщина в чистом, хоть и выцветшем фартуке отвернулась от дверцы буфета, держа в руке наполовину запол-

ненную травмами банку.

– Джетта! Ну, знаешь, я рад, что ты все еще здесь, – с нарочитой небрежностью произнес Темар, но его слова не произвели ожидаемого впечатления. Юноша тяжело рухнул на стул и угрюмо устался на сучок в выскобленной добела столешнице, ковыряя его обломанным ногтем. – Я уж думал, все распродано и вся прислуга укладывает вещи.

– Что, наверху стало немного голо, да? – сардонически протянула кухарка, и Темар удивленно вскинул голову.

– Кабы не знал, то сказал бы, что у нас побывали люди от ростовщика! – горько ответил он. – Что делает этот старый дурень? Платит алхимику за зелья? Надеется заполучить проститутку, чтобы она родила ему лучшего наследника?

– Он дает кров и пищу своим обездоленным арендаторам, юноша. – У Джетты подозрительно заблестели глаза. – Сьер всегда помнит об обязательствах Дома.

– Думаешь, я не помню? Нечего меня обвинять! – огрызнулся Темар. – Я все лето работал как проклятый с утра до поздней ночи, чтобы сохранить остатки имений, дающих хоть какой-то доход. Легче было бы доить свиней ради сыра, и результат был бы весомее! Почему я так долго не приезжал сюда, как ты думаешь?

– Нечего на меня нападать, юноша! Сам чувствуешь себя виноватым, а мне отдуваться? Я шлепала тебя, когда ты носил мягкие башмачки, и отшлепаю снова, если будет нуж-

но. – С улыбкой, противоречащей ее словам, кухарка поставила перед Темаром тарелку кексов.

– Спасибо.

Он взял кекс и вдруг ощутил необъяснимое умиротворение.

– Ты здесь обедаешь? – Джетта закрыла буфет и пошла к очагу, повесить чайник над огнем.

– Кажется, да. Дед велел мне зайти перед этим к нему в кабинет. – Сарказм Темара несколько утратил свою остроту.

Джетта засопела.

– И чем же ты его так расстроил?

– С чего ты взяла, что он расстроен? – виновато краснея, возмутился эсквайр.

– А с чего бы еще господину Отнейлу звонить вниз требуя колокольчиковый отвар? – Джетта указала на открытую дверцу подъемника в углу кухни.

– Он болен? – У Темара екнуло сердце.

– Не больше, чем любой в его годы, но его зимний кашель начался рано, к тому же твой дед слишком много времени проводит в кабинете и слишком мало в постели.

А он-то думал, старику нечем заняться. Не зная, что сказать, юноша раздраженно выдернул из волос заново отполированную серебряную заколку.

– А как поживает твоя матушка? – Джетта достала чашки и налила в них кипятка.

– Спасибо, хорошо, – ласково улыбнулся Темар. – Отра-

щивает волосы для свадебной косы.

– Да что ты? – Кухарка тоже заулыбалась, сжимая в руке банку с травами. – И кто же отрежет ей косу, чтобы положить на алтарь Дрианон?

– Райан Тор Олдер. Слышала о таком?

Джетта на миг задумалась.

– Он торгует шерстью, да? – вспомнив, выпалила она. – Семья держит овец в горах на Бремилейнской дороге?

– Он самый. Они дружат уже пару лет, и он наконец-то уговорил маму выйти за него. Я так рад за них. Райан хороший человек, он может сделать маму счастливой.

– Я привяжу ленту к двери Дрианон, чтобы пожелать добра твоей матушке. Уж она-то заслуживает счастья! – Кухарка ловко завязала душистые травы в лоскут муслина и опустила узелок в чашку с кипятком. – Ты сказал сыеру?

– Нет еще. – Темар помешал настой серебряной ложкой. – Лучше, если мама сама ему скажет, но она всегда так нервничает из-за него. Боится, как бы дед не решил, что она предает память отца и имя Д'Алсенненов.

– Чушь! – Джетта энергично покачала головой. – Он будет только рад за твою матушку, да и твой отец вовсе не хотел бы, чтоб она так долго оставалась вдовой, особенно после того как провела поминальный год в заботе о сыере.

Темар выловил из чашки намокший узелок с травой и осторожно отпил горячего настоя.

– Я ей сказал то же самое. – Он невидяще уставился в

огонь. – Эх, знать бы, что бы он мне посоветовал... Я имею в виду отца.

– О чем? – Джетта накрыла его руку своей.

– Я хочу присоединиться к колонии мессира Ден Фелл-эмиона.

Кухарка широко открыла глаза.

– За этим ты и пришел к деду?

Темар кивнул.

– Я должен что-то сделать, Джетта, или сойду с ума от безнадежности. Дела идут все хуже и хуже, и будь я проклят, если примкну к остальным стервятникам, разгребаящим воюющую падаль, в которую превратилась Империя.

– Ты говоришь скорее как твой дядя Арвил, чем как твой отец. – Кухарка сморгнула непрошеное воспоминание.

– Что сделал бы отец, как ты думаешь? – Эсквайр не сводил с нее глаз.

– Он сделал бы то, что считал лучшим для Дома. – Джетта стиснула руку юноши. – Но он был бы достаточно честен, дабы понимать: это должно быть то, что он считает правильным и для самого себя.

– Уверен, я тоже так делаю, – вздохнул Темар. – Но иногда спрашиваю себя, не ищу ли я повод просто куда-то сбежать, уйти от всех этих обязанностей и долга.

– Трудно быть единственным наследником Имени, – сочувственно покивала женщина. – Знаешь, когда твой дед перейдет в Иной мир, не Сэдрин будет задавать вопросы,

прежде чем отпереть дверь. Сьер сам потребует ответа на вопрос, для чего была послана та проклятая чума. Ему придется быть убедительным!

Темар улыбнулся.

– Думаешь, старик и у Полдриона потребует бесплатного проезда? За то, что наш Дом и так уж слишком много ему уплатил?

– Я бы и не заикалась об этом после него! – засмеялась Джетта. – Ну, коли ты остаешься на обед, то нечего бездельничать. Поди принеси уголь со двора, а потом можешь браться за овощи.

Юноша отвесил ей комичный поклон.

– Слушаюсь, госпожа.

Физическая работа помогла Темару расслабиться. Он даже ухитрился отложить до поры до времени все мысли о будущем, долге и конфликте, когда вдруг наверху, в доме, резко зазвенел колокольчик. Юноша жалобно посмотрел на Джетту.

– Думаю, это меня.

Кухарка обошла стол и вытерла Темару руки тряпкой, словно он все еще был ребенком.

– Постарайся не поддаваться, ты же знаешь, что за человек твой дед. Если ты уверен в своем желании, ему придется с этим смириться.

Джетте легко говорить, сумрачно думал Темар, взбираясь по узкой лестнице к парадным покоям. Когда такое бывало,

чтобы человек, носящий имя Д'Алсеннен, так просто сдавался? Скорее сука оценится котятами, чем дед уступит.

Перед кабинетом юноша вспомнил, что надо собрать волосы. Вытащив из кармана заколку, он помедлил, глядя на блестящее серебро. Потребовалась уйма времени, чтобы устранить тусклость из глубоко вырезанных листьев. Темар вздохнул: о, как они блестели в свете свечей, когда отец, пожелав детям спокойного сна, поворачивался к двери! Ну что ж, раз нельзя спросить совета у отца, остается быть верным себе и своему Имени.

Собравшись с духом, эсквайр постучал в черную дверь.

– Входи, – послышался твердый голос деда.

Лицо старика было решительным, но уже не столь сердитым.

Темар закрыл дверь и с бесстрастным видом сел напротив, гадая, какую роль все эти книги и свитки на столе будут играть в их дискуссии.

– Я обдумал твое прошение, – официальным тоном произнес сэр. – Поскольку ты – единственный наследник Дома, то первым моим соображением должна быть забота о будущем Имени. Однако я понимаю, что обязан считаться и с твоими собственными желаниями и нуждами.

Он помолчал. Темар сидел тихо, изображая внимание и почтительность.

– Я не вижу никакой пользы в том, что ты один присоединишься к Ден Феллэмиону и пересечешь океан.

С вызовом глядя на Темара, старик отпил вина, но эскавайр не клюнул на эту наживку, даже не шелохнулся.

Сьер фыркнул, возвращая бокал на серебряную подставку.

– Однако вполне возможно, что те заморские земли предложат нам поместья и положение взамен всего, что мы потеряли за последние годы. Я не могу это игнорировать. Я решил позволить тебе примкнуть к сей затее, но на определенных условиях. Если согласишься с ними, то, возможно, поплывешь с моим благословением.

– И каковы ваши условия, мессир? – вежливо осведомился Темар, изо всех сил стараясь не выдать ликования.

– Многие наши арендаторы лишились дома, а те, что остаются на наших землях, испытывают нужду в теперешних напряженных условиях. – Старик принялся раскладывать перед внуком пергамента. – Тебе нужно увидеть цифры, чтобы понять всю картину.

Юношу так и подмывало напомнить деду, что именно он, Темар, и составлял большинство этих гроссбухов и отчетов, но он вовремя прикусил язык и посмотрел на указательный палец сьера.

– Видишь тут и тут? Сравни цифры хотя бы с прошлогодними. – Старик откинулся в кресле. – Это хорошие люди, страдающие без всякой своей вины, и если ты намерен любым путем исполнить свои обязательства перед арендаторами, то должен предоставить им шанс присоединиться к тебе.

Темар во все глаза глядел на деда. Он и представить себе не мог, что старик способен такое придумать.

– Мы можем собрать капитал на покупку двух кораблей и, проявив небольшую изобретательность, снарядить их из собственных наших запасов. – Сьер извлек свежий список. – Хочу, чтобы ты посмотрел его, вдруг я что-нибудь пропустил?

Эсквайр ошарашено взял пергамент, но, начав читать, невольно ухмыльнулся.

Ответная улыбка сняла целое поколение лет со старика, в его глазах блеснуло озорство.

– Нечего сказать, мой мальчик? Должен заметить, на тебя это не похоже.

Юноша оторвал взгляд от списка.

– Ты предлагаешь нам играть главную роль в этом походе. А как же Ден Реннион и Ден Феллэмион?

– Это уж твоя забота, мой мальчик. Если ты хочешь сделать это, то сделаешь так, чтобы принести выгоду своему Дому, или вообще ничего не сделаешь.

Забыв про заколку, Темар запустил пальцы в волосы и поморщился, когда она больно царапнула кожу.

– Я принимаю твои условия, – вымолвил наконец эсквайр, внутренне содрогаясь от мысли, какую ношу он на себя взвалил.

– Вот и умница. Я знал, что ты меня поймешь.

Сьер встал и налил обоим вина. Юноша рассеянно при-

губил, все еще пытаюсь осмыслить новую ситуацию. Потом слегка отстранил бокал и посмотрел на него внимательнее.

– Калиферийское вино?

– Урожай последнего года перед оспой, – кивнул дед, смакуя ярко-рубиновую жидкость. – Последний графин, и как нельзя кстати.

Темар не нашелся, что ответить, поэтому молча допил вино.

– У меня есть еще кое-что, и пора тебе его получить.

Поставив свой бокал, старик заторопился к длинному сундуку. Снял с шеи цепочку, на которой висело кольцо с маленькими ключами, и, отперев замок, вытащил длинный полотняный сверток. Вернулся с ним к столу и смахнул документы на пол, освобождая место.

– Это меч, который я заказал для твоего дяди Арвила. Я был уверен, что он станет следующим сьером Д'Алсенненом, когда мне придет время отойти от дел. – Негнущимися пальцами старик начал развязывать льняные тесемки, но отмахнулся от помощи внука. – Сам справлюсь.

Он развернул ткань. Внутри лежал меч в темно-зеленых ножнах с замысловато резной гардой. Но это был не просто парадный меч. Рукоять удобно лежала в ладони, и, когда сьер вытащил клинок, он заблестел, яркий и безупречный, с узором из листьев, выющимся по всей его длине.

– Держи.

Темар взял меч и проверил его великолепный баланс, в

радостном восхищении открыв рот.

– Это просто чудо, дедушка! – выдохнул он, делая несколько осторожных выпадов.

– Надо думать, если вспомнить, во что он мне обошелся, – грубовато фыркнул старик. – Только не руби им дрова в тех заморских лесах.

– Ну что ты! – засмеялся Темар.

Сделав еще выпад, юноша остановился, и лицо его вдруг стало торжественным.

– Это царский подарок, мессир. Даже не знаю, как вас благодарить.

– Добейся успеха в этой экспедиции, дай нашим арендаторам новую жизнь, а нашему Дому – новое будущее. Вот та благодарность, которой я требую.

Старик устремил на Темара горящий взгляд. Оба напряженно замерли, словно придавленные грузом обязательств и неуверенности в будущем.

В коридоре зазвенел серебряный колокольчик, и чары рассеялись.

– Не мешало бы тебе подумать и о продолжении рода. Не пора ли присмотреть какую-то девицу? Ты ведь не можешь позволить себе пристрастия твоего дяди Сайнела!

Темар захохотал над шуткой деда и последовал за ним в столовую.

Коут-под-Холмом, владения лорда Эдрина, Каладриа, 11-е поствесны

Проснулся я рано, весь разбитый после неясных снов о каких-то людях и спорах. Недовольно щурясь на тусклый свет, сочащийся в ставни, я решил, что нет смысла валяться в постели, когда вопросы гоняются друг за дружкой в голове, как крысы, снующие наверху, в соломе. И вновь заснуть вряд ли удастся, поскольку Шив храпел в своем углу как целая корзина поросят.

От окна тянуло утренней сыростью. Вздрагивая от холодного прикосновения льна к голой коже, я торопливо натянул бриджи и куртку. Затем подхватил сапоги и, удивляясь миμοходом, как это я не расшиб себе лоб о балки вчерашним вечером, тихо пробрался мимо груды неподвижных одеял, под которыми покоился Вилтред.

Сидя в одних чулках, я завтракал в пивной, когда ко мне присоединился Шив.

– Жаль, что я до этого не додумался, терпеть не могу надевать мокрые сапоги, – с чувством вымолвил он, кивая на мою обувь, надетую на каминные железяки.

– Каждый солдат знает, как важны сухие ноги, – пожал я плечами, в то время как маг потянулся за хлебом и мясом. – А еще ему нужна информация. Ты многого не говоришь мне, Шив.

– Клянусь, я рассказал тебе все, что знаю наверняка. А в остальном я и сам не уверен. – Шив вздохнул. – Предполагалось, что поездка будет быстрой. Мне надо было только выяснить, не знает ли Вилтред чего полезного, и забрать любые остатки, которые Планир мог бы дать своим ученым для работы.

Я хотел уточнить, что он имеет в виду, но вместо этого зевнул, едва не вывихнув челюсть.

– Устал? – озабоченно спросил Шив. Я кивнул.

– С самого Солнцестояния не спал как следует.

– У хозяйки полно всяких трав, – робко предложил маг. –

Вилтред стряпает себе какое-то зелье.

– Нет, – отрезал я. – Нет, спасибо.

После смерти сестры я начал жевать тассин, чтобы хоть как-то притупить ту удушающую боль. Будучи молодым, высокомерным и уверенным в себе, я и сам тогда не заметил как увяз с головой. Потребовалось два сезона ночного пота и иссушающей жажды, чтобы избавиться от этой привычки, и я не желаю вновь пристраститься к чему-нибудь подобному. Заметив обиду в глазах Шива, я перевел разговор на другое.

– Почему Вилтред так упорно зовет тебя Шивваланом?

Маг скривился.

– А Сэдрин его знает! Меня так звала моя мать, и когда я слышу это имя, до сих пор чувствую себя так, будто еще не сбрил свои первые бакенбарды для алтаря Мизаена. Да, кстати о Вилтреде. Мой уважаемый и почтенный коллега просил

горячей воды для настоя.

Не знаю, что старик намешал в свое утреннее варево, но это было что-то весьма мощное, ибо он оказался в седле куда быстрее, чем я ожидал. После сухой ночи дороги стали лучше, и лошади резво бежали сквозь тающие туманы разгоравшегося дня.

– Тут мы и должны найти Хэлис, – объявил Шив некоторое время спустя, когда мы огибали заросший лесом холм.

Солидные каменные фермочки, каждая с участком старательно возделанной земли, раскинулись вокруг рынка и усыпальницы по другую сторону холма. Люди занимались своими делами, не обращая на нас внимания. Шив свернул в проулок к типичному длинному дому с толстыми стенами под замшелой соломенной кровлей. Во дворе крепкая женщина в суконном коричневом платье, из-под которого виднелось опрятное белье из небеленого льна, поднимала воду из колодца. Как только мы остановились, она положила мускулистые руки на ведро и с вызовом уставилась на нас. Вокруг ее костяшек и предплечий я заметил слабый узор серебристых шрамов. Мускулы – это не редкость, но сомневаюсь, что найдется много фермерш со шрамами от меча. К тому же из всех женщин, виденных нами за день, она оказалась первой с непокрытой головой, ее темно-русые волосы были коротко подстрижены.

– Что нужно?

Шив поклонился.

– Ты Хэлис?

Женщина разглядывала нас без улыбки, ее темные глаза на крупном лице были непроницаемы.

– А кто спрашивает?

– Шив Ралсир. Я ищу Ливак.

Глаза под тяжелыми бровями загадочно вспыхнули.

– Она не захочет тебя видеть, маг, – беззлобно изрекла Хэлис.

– Я рискну, – тепло улыбнулся Шив, но на женщину его обаяние не очень-то подействовало.

Потянувшись за спину, он вытащил из сумки бутыль.

– Помнится, Ливак говорила, что ты равнодушна к далазорскому вину.

Тонкие губы Хэлис дрогнули в улыбке.

– Что ж, оставайтесь, поешьте с нами. Могу зажарить вам курицу, которая перестала нестись. Лошадей поставьте в хлев. Ливак ушла на соседнюю ферму, скоро вернется.

Она потянулась за костылем, который стоял, невидимый, с другой стороны колодца. Когда женщина пошла к дому, я заметил, что одна ее стопа едва выглядывает из-под нижних юбок и при этом вывернута вбок – результат серьезного перелома и неправильно сросшейся кости.

Я спешил и бросил поводья Шиву.

– Дай помогу.

Хэлис остановилась, смерила меня взглядом и протянула ведро. Потом оглядела кур, бестолково кружащих по двору,

и не торопясь поймала одну.

– Как вы, чародеи, насчет того, чтобы ощипать и выпотрошить свою еду?

Небрежным движением она скрутила птице шею и, повернувшись спиной к негодующему Вилтреду, тяжело захромала к дому, где широкий проход отделял хлев от его жилой половины.

Я отдал ведро Шиву.

– Неси, а я займусь лошадьми.

В хлеву стоял застарелый, тяжелый запах скота, но чувствовался и более недавний запах и признак лошадей: в яслях лежало сено, стоял наготове ларь с зерном, а на полу была постелена солома. Видно, женщины не сидели здесь сиднем всю зиму. Я разобрал сбрую, когда появился Шив.

– Как там Вилтред?

– Отлично, теперь у него есть очаг, где можно погреться. А эта Хэлис – крепкий орешек, да? – Он грустно покачал головой.

– Ага, и не признает ничьей жалости. – Я взвалил на плечо мою седельную сумку. – Она не служила раньше наемницей в Лескаре?

– Служила, Ливак мне как-то рассказывала. – Шив подобрал свой новый ранец. – Еще она говорила о самом большом преимуществе Хэлис. И знаешь, в чем оно? Стоит людям разок взглянуть на Хэлис, и они начинают обращаться с ней, как с глупой сестрой деревенского дурачка.

Я улыбнулся.

– Их можно понять. Как она сломала ногу?

– Упала вместе с лошадьёю на каменистой дороге. – Маг скорчил сочувственную гримасу. – Ей еще повезло, могла бы и вовсе остаться без ноги.

Не успел я согласиться с этим, как женщина собственной персоной возникла в дверях. Мы с Шивом вздрогнули, словно ученики-прогульщики. Должен признать, для калеки она передвигалась на редкость бесшумно.

– Ну, кто наколет дров?

– Позволь мне, – дружелюбно улыбнулся Шив, взмахнув хорошо наточенным топором.

Я вышел за ними на задний двор. Раздевшись до рубашки, маг сноровисто принялся за дело, и на лице Хэлис отразилось ничем не прикрытое удивление. Однако, заметив мой взгляд, наемница тотчас отвернулась, а лицо ее вновь стало безразличным. Я складывал в корзину расколотые поленья, когда услышал сзади ровные шаги.

– Ливак! – тепло воскликнул маг, опираясь на топор. Она остановилась и долго не закрывала рот. Я позволил себе роскошь полюбоваться ее грудью, которую живописно облегал тесная куртка. Ливак похудела с тех пор, как мы виделись в последний раз. Отросшие рыжие волосы были небрежно заплетены в косу, от чего зеленые глаза казались особенно яркими на бледном лице: Лесная кровь ее бродячего отца проявлялась явственнее, чем я помнил. В руках у нее белел

завернутый в муслин прессованный творог.

– Привет, Шив. Некому больше надоедать?

Она решительно вошла в уютное тепло выстланной плитой кухни, где Вилтред дремал у очага, положив бороду на грудь. Когда хлопнула дверь, старик тотчас проснулся и с любопытством уставился на дерзкую женщину в бриджах из буйволово́й кожи. Ливак не удостоила мага даже взглядом.

– Упаси меня Дрианон от твоей назойливости, Шив, честное слово, – проворчала она, посылая мне мгновенную улыбку, обдавшую меня теплом, как глоток спирта.

Хэлис повернулась от очага, занимавшего всю дальнюю стену, и Ливак едва заметно подняла брови. В ответ бывшая наемница чуть поджала губы. Мне эти ужимки ни о чем не говорили, но я знаю, что моя мать со своими сестрами тоже ухитряются одним взглядом говорить друг другу больше, нежели сотней слов. Вопрос в том, насколько Ливак прислушивается к мнению подруги.

– Так чем ты занималась всю зиму? – Шив складывал Дрова в аккуратную поленницу.

– Чего бы ты, Шив, ни хотел, ты вытянул не те руны, – предупредила его Ливак.

– Как я понимаю, на днях ты была за границей?

Непринужденный тон мага не обманул меня, но Ливак подозрительно глянула на Хэлис. Та медленно покачала головой, давая понять, что ни о чем не болтала. Я промолчал. Я определю свой курс, когда узнаю, куда дует ветер.

– Мы работали в вербовочных лагерях вдоль Рела: я, Сорград и Соргрэн, два брата, наши знакомые, – медленно подтвердила Ливак. – Все наемники только и ждут, как бы напиться да покатать руны, пока не установится хорошая погода, чтобы начать сражения, и командиры корпусов не подпишут контракты. Мы стригли барашков, трусящих завербоваться на службу, чьи бестолковые головы набиты идиотскими балладами.

Она дерзко усмехнулась Шиву, но была вознаграждена плохо скрытым фырканьем отвращения с другого конца кухни – то Вилтред заерзал на скамье. Ливак обернулась к нему, провокационный огонек вспыхнул в ее глазах.

– Посмотри на это так, старик: если какой-то молодой дуралей, подрядившийся на чужую войну, потеряет свои деньги и амуницию прежде, чем поступит на службу, то по крайней мере он останется жив, – с нарочито грубым энсейминским акцентом процедила Ливак и ухмыльнулась.

Вилтред возрился на нее неожиданно стальным взглядом.

– Барышня, наше дело гораздо...

– Всею свое время, – мягко перебил его Шив. – Что ты думаешь о перспективах в Лескаре в этом году?

Его поза была непринужденной и беззаботной, угловатое лицо – открытым и привлекательным. Со своим мягким говорком Кевильских болот он выглядел типичным каладрийцем в представлении всех менестрелей – крепко привязан-

ным к земле и семье и не слишком далеким. Это было очень убедительно, вернее, было бы, если б вы никогда не видели, как он швыряет вокруг горсти силы, отправляя Ледяных Людей напрямик в Иной мир, причем так быстро и далеко, что, поди, избавляет их от переговоров с Полдрионом о цене за перевоз.

– Герцог Парнилесский умер при весьма темных обстоятельствах, и трое его сыновей спорят о том, кто станет наследником, – в тон ему молвила Ливак, но глаза выдавали ее настороженность. – Их земли будет легко захватить, если они не наскребут денег на какой-нибудь хороший корпус.

Это интересные сведения. Казалось бы, старший сын должен получить титул без всяких там споров и разговоров. В конце концов, именно это упрямое лескарское настояние на праве наследования по линии крови и положило начало всем их бессмысленным войнам.

– Судя по тому, что я слышала, старого герцога наверняка отравили, – заметила Хэлис, ловко вешая над огнем уже разделанную и насаженную на вертел курицу. Затем бросила щепоть соли в чугунок, кипящий в тагане на углях. – Сорград уверен, что его сыновья развяжут свою собственную маленькую войну еще до Солнцестояния.

Я тут же подумал, как лучше переслать отсюда письмо мессиру и нельзя ли предупредить семью Айтена.

– Шиввалан, – рявкнул Вилтред, – дело Планира гораздо важнее, чем обыденные склоки Лескара!

Воцарилось неловкое молчание, пока Ливак не заговорила. Ее голос сочился сарказмом.

– Да, Шив, изложи свое дело. Только позволь дать тебе одну руну бесплатно: нет такой силы по эту сторону Иного мира, которая заставила бы меня снова связаться с Верховным магом.

В ее тоне не было и тени компромисса. Что же за кости припрятал в руке Шив, если надеется склонить ее снова работать на магов?

– У Вилтреда, – Шив кивнул на скамью, – украли кое-какие ценности, вот мы и хотели спросить, не поможешь ли ты нам выследить воров и вернуть его добро?

Услышав имя старика, Ливак невольно вздрогнула, но по обыкновению бросилась в атаку.

– Уж не тот ли это Вилтред, что якшался с полоумным Азазиром?

Старик нахмурился.

– Азазир, барышня, был одним из величайших умов за десять поколений магов...

– Азазир настолько потерял рассудок, что не нашел бы его даже с подозрительной трубой, и позволь тебе сказать...

Шив торопливо вмешался.

– Пожалуйста, Ливак, нам правда нужна твоя помощь. Эти грабители – Ледяные Люди.

Ливак побледнела.

– У тебя что – шляпа на ушах? Нет!

– Ты не прогадаешь, – настаивал маг.

– Мне не нужны твои деньги, Шив, равно как и деньги Верховного мага, – отрезала женщина.

– Подумай, Ливак. – Шив красноречиво повел рукой. – Эти люди здесь совсем недавно, ибо весенние шторма только-только закончились. Мы напали на их ранний след – и можем выкопать мерзавцам здоровущую яму!

Никогда еще я не видел у Шива такого напряженного лица.

– Да? И если Планир Черный решит, что его медвежьей яме не хватает приманки, он просто сграбастает ближайшее теплое тело, а я лично не намерена болтаться поблизости, чтобы играть роль козла.

Ливак пошла к очагу и встала рядом с подругой, всей своей позой выражая непреклонность. Но меня поразила та сосредоточенность, с какой Хэлис уставилась на Шива.

Маг попробовал зайти с другого боку.

– Есть обстоятельства, которые ты просто не можешь игнорировать, предсказания...

– Жутьничество чистой воды, – перебила его Ливак. – Я не желаю ничего знать. И ты меня не заставишь. В этот раз у тебя ничего на меня нет. Скорей я рискну прогуляться голой по дикому лесу.

Шив поджал губы.

– Неужто тебе не хочется отомстить за Джериса?

– Я делила с ним постель, Шив, но я вовсе не обязана раз-

делить его участь. – В тоне Ливак сквозило презрение. – Забудь об этом. Вот поедим, и можете катиться отсюда на все четыре стороны.

С этим заявлением, еще звенящим в воздухе, она вынеслась из кухни, хлопнув дверью. Стряхнув внезапную рассеянность, Хэлис снова занялась стряпней. Шив хотел встать, но я его остановил. Маг выглядел пристыженным – и поделом. Пытаться сыграть на чувстве вины Ливак из-за гибели парня – прием, достойный лошадиного барышника. Я с горечью вспомнил об одинокой, мучительной смерти Джериса в руках эльетиммов. Я не мог осуждать Ливак за отказ, но предсказания утверждали, что без нее нам не отвести беду от Империи. Значит, я должен сделать все возможное, дабы убедить ее присоединиться к нам, не так ли? Я вышел из кухни, надеясь лишь на то, что не занимаю деньги под пустой кошелек. Стук вил привел меня в хлев.

– Помощь не требуется?

Ливак хмыкнула, явно не веря в мой добровольный порыв.

– Ведро. – Она безапелляционно ткнула в угол. Прихватив ведро, я отправился за ней к колодцу.

– Рад снова тебя видеть, – заметил я, крутя ворот. Ливак улыбнулась. От ее улыбки мое сердце взыграло, но я знал, что уговорить эту женщину разделить со мной жизнь будет еще труднее, чем убедить ее снова работать на Шива.

– Я иногда думала, не приведут ли тебя дела когда-нибудь

и к нам, сюда, – небрежно промолвила Ливак.

– Почему ты не выслушаешь Шива? Эти его предсказания стоят внимания. – Я налил прозрачной холодной воды в подставленные ведра. – Верховный маг предупреждал, что Империи грозит серьезная опасность.

Ливак только фыркнула.

– Все эти блестящие когорты и Империя не смогут выгнать кучку эльетиммов, пытающихся стянуть овец из Далазора?

– Блестящие когорты не слишком эффективны против тех проклятых заклинаний, – честно ответил я. – И вряд ли эльетиммы станут врубаться в чащобы Гидесты или захватывать пару далазорских рыбацких деревень, когда на юге – всего в нескольких неделях плавания – их ждут богатые города, приличные гавани и хороший климат. Ну же, Ливак, ты видела, где они живут: голый камень, скудная трава. Они не останутся там, раз нашли способ добраться до материка.

Ливак схватила ведро, расплескивая воду на утоптанную землю двора.

– Меня это не касается, – сурово бросила она через плечо.

– Зато касается меня. – Я взял второе ведро и пошел за ней. – Многие из старых принцев не желают признавать это, но дни, когда тормалинские когорты держали под своей пятой шесть провинций, давным-давно прошли. А если добавить угрозу эльетиммской магии, то было бы глупо для нас не принять помощь, когда ее предлагает Верховный маг.

– И у вашего императора хватит духу это признать? – с вызовом спросила Ливак.

– Может, Тадриол и молод, но он знает, когда принимать совет, да благослови его Дастеннин. – Я придвинулся ближе к Ливак, чтобы таинственно прошептать ей на ухо, вдыхая лавандовый аромат ее белья. – Ходит слух, что на Летнее Солнцестояние должно состояться его провозглашение. Мессир выступает за «Тадриола Предусмотрительного», но держит это при себе.

У Ливак сверкнули глаза.

– Сделайте подходящие ставки на этот титул, пока Собрание его не утвердило, тогда Шив сможет купить своему Вилтреду любые безделушки, какие тот захочет, и пусть забудет о возвращении тех, что он украл.

– Ну, ему их точно нипочем не вернуть, если ты не поможешь. – Я хотел обнять ее за плечи, но Ливак отошла, бормоча что-то на незнакомом мне энсейминском диалекте.

– Верховный маг не скупится и платит надежной монетой, – попробовал я другую гирию, чтобы склонить чашу весов.

– Почему все думают, что меня можно купить? – набычилась Ливак. – А этот самый Планир так щедр лишь потому, что выплачивать обещанное ему приходится всего один раз из десяти. Остальные кончают тем, что любят внутренним глянцем в своей урне.

Я стал раскидывать солому.

– Ты отложила что-нибудь из прошлогодних денег на черный день?

– Как та умная полевая мышка, что прятала на зиму каждое второе зернышко? Твоя мать рассказывала тебе эту сказку? Она и сама так поступает? – Издевка в голосе Ливак задела меня. – Нет, мы все потратили в Зимнее Солнцестояние. Устроили себе праздник, чтобы запомнился на всю жизнь. Накупили вчетвером новой одежды, пили хорошее вино, вкусно ели, в общем, десять дней всего самого лучшего, что могла предложить «Кавалькада» в Коле. – Ливак посмотрела на меня вызывающе. – Деньги Верховного мага, может, и надежный металл, но слишком много на них крови, чтобы держать их в своем кошельке. Однако ты прав, мне следовало найти им лучшее применение. Надо было потратить все на благовония Тримону, чтобы сбросил Шива вниз головой в какой-нибудь глубокий овраг, если он снова попытается меня найти!

Видно, и мне придется сделать пожертвование богу путешественников, чтобы помог вытащить на дорогу нашу разношерстную пятерку.

– Лагеря наемников скоро закроются, – напомнил я Ливак. – Где ты тогда возьмешь деньги? С такой ногой Хэлис не примут ни в один приличный корпус.

– Что-нибудь придумаем, но я точно не собираюсь охотиться с вилами на сверчков для Шива, когда нужна Хэлис здесь.

Вонзив вилы в тюк, Ливак вышла во двор и с остервенением принялась швырять в корзину щепки на растопку. Я проглотил досаду и начал помогать.

– Не понимаю, как ты можешь! – взорвалась она через несколько минут. – Как ты можешь снова связываться с магами?

– Я выполняю волю моего патрона, – как можно мягче ответил я.

– Он посылает тебя за дичью будто собаку? – Ливак покачала головой, ее тон был опасно близок к насмешке. – Прибегай и убегай по его свистку или отведаешь плетки? Скажи, в его своре уже есть другой несчастный взамен Айтена? Исполнение хозяйской воли не принесло ему большой пользы, не так ли?

Я зажмурился от внезапного воспоминания: тело Айтена в моих руках посреди безжалостного океана, из его ноги хлещет теплая кровь. Ливак перерезала ему вену и тем убила моего друга, чтобы спасти остальных, когда эльетимские чары похитили разум Айтена и заставили его напасть на нас.

– Я должна была так сделать, и ты это знаешь, верно? – резко спросила Ливак с побелевшим лицом. – Иначе он бы всех нас убил.

– Я знаю. – Наши глаза встретились, и я приложил немало усилий, чтобы голос мой звучал ровно. – Я знаю и не виню тебя. И Айтен бы не винил. Мне только стыдно за себя, за то, что свалил на тебя эту ношу. Вынудил делать то, чего сам

сделать не смог.

– Я отвечу за это Сэдрину, вот что я знаю. – Изумрудные глаза Ливак вдруг налились слезами, и она сердито заморгала. – Это было то самое убийство, о котором предупреждают все старые наемники, убийство, которое остается в твоих снах, и ты просыпаешься с запахом крови в ноздрях.

– Ты не обязана мне это рассказывать. Я здесь столько же ради Айтена, сколько ради чего угодно. – Я и сам испугался своей злобы. – Мы клялись одинаковыми клятвами и жили по ним. Я верен тем клятвам.

– А я верна своим друзьям, не каким-то лицемерным словам и потускневшей бляхе, – огрызнулась Ливак, тыча пальцем в мой медальон. – Я слишком высоко ценю свою свободу.

Страдая от жгучей боли, я сжал кулак с горстью щепок и почувствовал, как деревяшка впилась в ладонь.

– Свободу умереть нищей в канаве? Ни один присягнувший с таким увечьем, как у Хэлис, не был бы предоставлен милости своих друзей! Сьер серьезно относится к возложенным на него обязательствам.

– Однако сам он ничем не рискует, не так ли? – гневно возразила Ливак и повернулась ко мне спиной, чтобы снова пересечь двор. – Это не то, что я называю ответственностью.

– Да что ты знаешь об ответственности! Ты, кто никогда не задерживается в одном месте больше чем на полсезона!

Я стиснул зубы, чтобы остановиться. Я мог лишь пред-

положить, что только постоянное недосыпание способно вызвать во мне невоздержанность и спровоцировать гнев. Я вытащил занозу из ладони, пососал царапину и, немного успокоившись, вновь отыскал Ливак – она собирала яйца в высокой траве под ягодными кустами. Поросяенок протрусил в свой загон, сопя, обнюхал стену, поднял к нам свой вонючий пяточок и разочарованно захлопал ушами, поняв, что у нас нет еды.

– Я не должна была идти с Шивом в прошлом году, сгнои Дрианон его глаза, – забормотала Ливак себе под нос. – Я ведь знала, что Хэлис больна. Так нет же, поддалась как последняя дура на его уговоры. Шив сказал, что у него есть друг, который о ней позаботится. Отрезать бы ему яйца для рогатки!

– Даже императорский аптекарь в Тормейле ничего бы не смог поделаться с таким переломом, – возразил я. – Ты не можешь винить Шива или себя, коли на то пошло.

Ливак подняла голову.

– Помнится, я говорила тебе то же самое об Айтене.

– Это другое дело! – огрызнулся я, не сдержавшись.

– Неужели?

Ливак стала выдергивать первые весенние ростки на ухоженном огорожке, и у меня невольно потекли слюнки. Дома я успел вкусить ранней зелени, прежде чем приказы мессира снова отправили меня на север, где холодная земля еще ждала улыбки Ларазион. Однако сейчас не время предавать-

ся мечтам.

– Ты можешь остановиться хоть на минуту? – Во мне пробудилась внезапная ярость.

Ливак подняла глаза – темные, как бурное море зимой. Я едва овладел собой.

– Ты нужна нам, Ливак...

– Ты нужна нам, Ливак! – с издевкой повторила она. – Я нужна тебе? Ты говоришь, Райшед, ну прямо как благородный рыцарь из плохой солурской баллады, обхаживающий свою даму!

Этот неожиданный поворот совершенно сбил меня с толку.

– Я-то надеялась, ты сам захочешь найти меня, а не потому, что Планир тебе свистнул. Ну, и каков твой следующий шаг? Приударить за мной, чтобы уговорить идти с вами, как какой-нибудь солдат, трясущий перед горничной своими причиндалами? Забудь об этом. Хватит того, что мать так попалась!

– О чем ты?

– Я думала, что дорога тебе. Едем, познакомишься с моей семьей, вот что ты говорил в прошлом году.

– Но ты же сама не захотела! – возмутился я. – Я лишь просил тебя поехать со мной в Зютесселу на Солнцестояние, но ты отказалась!

Ливак покачала головой.

– И сколько бы прошло времени, прежде чем твоя мать

начала вышивать ленты для волос, предлагая мне починить белье? Если б я хотела быть чьей-то служанкой, я бы осталась дома!

– Ну, решайся! – Я был сыт по горло этим разговором, что, должно быть, проявилось на моем лице.

– Ладно, забудь. – Ливак покраснела и протиснулась мимо меня обратно в дом.

Я прикусил несколько отборных ругательств и потопал за ней, тяжело дыша от злости.

Когда мы вошли, Хэлис беседовала с магами.

– Нам нужно кое-что сделать до завтрашнего отъезда. – Она захромала к буфету за грифельной доской. – Поросята мы продадим легко, но, думаю, кур правильнее будет зарезать и приготовить мясо.

– О чем это ты толкуешь? – грозно спросила Ливак.

– Я еду с этими магами. – Видно, Хэлис служила в тех корпусах, что специализируются на штурме укреплений. – Если им нужен вор, а ты не желаешь помочь, то в Релшазе найдутся охотники за подходящую плату.

Миска с яйцами упала на чистые плиты и разлетелась вдребезги. Не обратив на это внимания, Ливак яростно напустилась на подружку.

– Чего ради ты вздумала связаться с чародеями? Ты же знаешь, что случилось! Из-за них я оказалась на другом конце океана, на островах, о которых никто никогда не слышал, со злобным мерзавцем, который чуть не вытолкнул мои моз-

ги через нос своей магией, о которой никому ничего не известно. Спроси-ка Райшеда, как ему это понравилось? Разве Шив знает, как они это делали? Бьюсь об заклад, Планир со всеми его бесполезными магами до сих пор не нашли разгадку. Беднягу Джериса замучили до смерти, ты забыла, что я тебе рассказывала? Я вышла живой только потому, что Дрианон подарила мне трехсезонное везение! С тех пор я делаю жертвоприношения у всех ее усыпальниц, а ты знаешь, что я не набожна...

У Ливак кончились слова, а может, дыхание, и наступила долгая пауза, пока Хэлис не заговорила спокойным, как будто заученным тоном, хоть и не поднимала глаз, дабы не встретиться взглядом с Ливак.

– Все, что я помню, так это твой рассказ о том, как Шиву сломали руку. Удар меча начисто перерубил кость, говорила ты. – Под тихими словами голос наемницы был жестким. – Большинство лекарей отрезали бы ее у плеча, пока рана не загнила. Все равно такой рукой нельзя было бы пользоваться, даже если б удалось ее спасти. Но те маги ее спасли, не так ли? Он только что держал в ней топор и колот дрова, Ливак, да не какие-то сухие чурочки, а здоровенные поленья. Я помогу им выследить воров, а за это они починят мне ногу.

Оба мага и я сидели не шевелясь, ибо понимали, как опасно вступать между двумя ссорящимися женщинами.

– Две здоровые ноги не стоят такого риска, Хэлис! Поверь мне, я знаю. Эти Ледяные Люди – убийцы, палачи...

Голос Ливак задрожал от бешеной злобы, и я услышал ответный гнев, нарастающий в тоне Хэлис.

– Ты понятия не имеешь, на что я готова пойти ради двух здоровых ног, Ливак, вообще никакого понятия! Ты хоть представляешь, как я ненавижу здесь торчать? С козой и то нашлось бы больше о чем говорить, чем с нашей шлюхой-соседкой, а она – самая смышленная на лиги вокруг. Попробуй-ка заикнись кому-нибудь в деревне о любом местечке, до которого дольше одного дня пути, и они вылупятся на тебя, будто ты поющая свинья. Вы с братьями уходите и развлекаетесь всюю, отделяя идиотов от их кошельков, а я должна сидеть в собственной моче как увечная старая бабка и просто брать у вас четвертую долю. Это я взяла тебя на твою первую игру в лагерь наемников, а теперь должна слушать, как ты рассказываешь о последних планах в лагерях, кто из командиров корпусов заключает контракты, кто собирает отряд для набегов, и все это время я знаю, что никогда не смогу вернуться к этой жизни со своей проклятой ногой, которая скручена сильнее, чем притязания на лескарский трон! Да лучше бы зеленая гниль купила мне проезд с Полдрионом!

Ливак круто повернулась, вся алая от ярости и боли, и выбежала вон из кухни. На сей раз я не видел смысла идти за ней, а потому остался сидеть, разглядывая бронзовый амулет, сверкающий на полотне моей рубахи. Шив со скрежетом отодвинул стул и направился к вину, брезгливо обходя месиво из разбитых яиц и зелени. Я двинулся следом к бу-

фету и достал глиняные кубки, думая о бесспорной справедливости выступления Хэлис. Подобных увечий мы, присягнувшие, страшимся больше смерти и быстрой переправы в Иной мир.

– Ты сделаешь это? Исправишь ей ногу? – тихо спросил я Шива.

– Конечно. Сэдрин запрет меня между этим миром и следующим, если я обману. – Маг простодушно раскинул руки.

Он только что принес убедительную клятву, и я рассудил, что она не позволит магу смошенничать.

– Надеюсь, Шивалан, твой мешочек с деньгами Планира еще довольно увесист, потому что нам нужно купить легкую коляску, – внезапно заявил Вилтред.

– Зачем это? – покосился на него Шив.

– Затем, что я не могу сидеть на лошади, пока вы не выправите мне ногу, – с завидным спокойствием ответила Хэлис.

– С коляской мы будем привязаны к большакам, – покачал головой Шив. – Да еще сменные лошади... Нет, мы должны двигаться быстро и...

– Если нужна коляска, значит, покупаем коляску, – сказал как отрезал я, заметив непоколебимость в глазах наемницы. – Эльетиммам тоже придется держаться большаков. Кроме местных путей к рынкам, все остальные проселки будут в непролазной грязи.

Шив досадливо поджал губы.

– Я не вижу...

– Я не могу ехать верхом до самого Релшаза со своей больной спиной. – Вилтред безапелляционно махнул рукой. – Дейлай, как тебе говорят, Шиввалан.

Избегая встречаться взглядом с Шивом, я раздал всем вино и, глядя на опухшие костяшки Вилтреда, невольно подумал, сколько же мучений доставляет старику его спина.

– Ну ладно, – нехотя сдался Шив, – если думаете, что найдете здесь что-то подходящее.

– У меня есть на примете несколько человек, у которых можно спросить, особенно если мы предложим им поросенка как часть оплаты, – заверила его Хэлис.

Вспыхнувшая в огне капля жира напомнила о курице, которая уже успела зарумяниться. Поели мы в молчании. В какой-то момент Шив хотел мне что-то сказать, но прикусил язык, когда Вилтред сощурился и покачал головой.

– Спасибо за великолепную еду. – Старик положил ложку в тарелку, вытер свой нож и, встав, церемонно поклонился Хэлис. – А теперь, если вы извините нас, мы с Шивваланом пойдем во двор и попробуем поискать наших грабителей, – добавил он непререкаемым тоном, и Шив покорно отодвинул стул.

Как только они ушли, Хэлис неуклюже опустилась на колени перед разбитой миской. Я принес ведро.

– Что будет делать Ливак, если ты поедешь с нами? Останется с этими братьями?

Хэлис забрала у меня тряпку.

– Сомневаюсь. Они хотят идти за денежным сундуком Драксимала. В последний раз, когда заезжали сюда, только об этом и говорили. Сорград узнал, который из корпусов будет его получать и где заступать на службу. – Ее голос задрожал от обиды. – Он еще говорил, как, мол, жаль, что мы не можем пойти с ними. Ни один, мол, командир не возьмет меня с такой ногой, а Ливак если и возьмут, то только на перине, о чем она вряд ли мечтает. Нарядившись шлюхой, она проберется в лагерь, но она сама знает, сколь опасно долго играть подобную роль, не желая при этом ложиться.

Я очень надеялся, что Хэлис права, но строго напомнил себе, что связан другой верностью, особенно если Ливак займет столь непреклонную позицию. Дастеннин покарай эту женщину, ну почему она так упряма? Но все равно, сведения об этом заговоре будут ценны для мессира, не так ли?

– Какой корпус получает эти деньги?

– «Железный Каблук», по пути на юг, чтобы охранять границу от герцога Триолльского. – Хэлис покачала головой. – Я не хочу в этом участвовать. Их командир, Кис, служил под моим началом несколько лет назад, и я многим ему обязана.

Выходит, за свою карьеру наемницы Хэлис не только меси-сила ногами грязь, если имеет таких друзей. Большинство корпусов держатся пару сезонов, прежде чем развалиться из-за споров о награбленном добре или из-за того, что их слишком часто втоптывали в дерьмо. Наберется всего с горсть от-

рядов, столь же хороших, как этот «Железный Каблук», который выбивает звонкую монету из лескарских страданий уже более семи лет.

– Как эти братья надеются в одиночку захватить сундук с деньгами?

– Не знаю. – Хэлис полоскала тряпку в ведре, заодно поглядывая на меня. – Я тут и сама могу управиться, почему бы тебе не заняться чем-то полезным для нашего отъезда?

Я понял намек.

– Здесь где-нибудь есть переписчик, который торгует картами?

– Иннел, живет возле Рива.

Оставив Хэлис доказывать свою независимость уборкой без посторонней помощи, я отправился в деревню.

Я довольно легко отыскал писца Иннела и, немного потолковав с ним, решил, что ему можно доверить письмо для мессира. Иннел переправит его лорду Эдрину с просьбой отослать дальше Императорской Курьерской почтой. Я дважды запечатал письмо, но не слишком беспокоился, что кто-нибудь его прочтет. Все секретные сведения я изложил на южном тормалинском диалекте океанского побережья – повседневном языке нашего родного города Зьютесселы. Если бы здесь, в пределах сотни лиг, нашелся хоть один человек, способный его понять, я бы слопал мой сургуч еще горячим. Однако благоприятный отзыв о лорде Эдрине я написал на официальном тормалинском – на случай, если его любопыт-

ство одержит верх над чувством чести. У Иннела нашлось на продажу несколько томов карт, которые я тщательно сравнил, пока не убедился, что они достаточно совпадают. Я всегда настороженно отношусь к картам, составленным за пределами Тормалина; можно здорово заплутать, если сведения картографа устарели или попросту выдуманы. Но эти карты были хороши, достойны самого Тормейла.

Проходя через деревню, я быстро осмотрел трактир, усыпальницу, женщин, продающих свои изделия вокруг маслобойни. Ливак нигде не было видно, и она не вернулась домой к тому времени, когда я принес книги. Шив отправился покупать лошадь и коляску, а Вилтред показывал Хэлис предсказания. Бывшая наемница бесстрастно взирала на ужасы. Ее лицо оставалось неподвижным, и лишь неровное дыхание выдавало ее потрясение. Я не стал смотреть второй раз, не нуждаясь в напоминании о моем долге, как бы Ливак к нему ни относилась. Вскоре вернулся Шив в сопровождении опрятного шарабана, запряженного длинномордой лошастью с грубой зимней шерстью буланой масти. Я помог ее распрячь и отвести в хлев.

– Усердно поторговался? – с легкой усмешкой спросил я мага, раскидывая солому. – Планир не остался в большом убытке?

– Сделка была честная. Оказывается, на поросят здесь, в округе, самый большой спрос, – заверил меня Шив, к нему явно вернулось хорошее настроение.

Я посмотрел на лошадь. Она показалась мне какой-то уж слишком покорной, но я ничего не сказал. Когда мы пошли спать, Ливак все еще не вернулась, и на этот раз мне долго мешала уснуть досада. Что я мог сделать, если единственная женщина, которая нам нужна, наотрез отказывается сотрудничать с нами, а та, что обещает повиснуть гирей на шее, полна решимости идти?

Глава 2

Копия письма, посланного лордам всех владений Эглином, бароном Шейлхолом, позднее Первым Председателем Каладрийского Парламента, взятая из библиотеки Парламента и обычно датируемая 7-м годом Хаоса.

Я пишу сие воззвание в надежде, что Каладрия еще может спастись от бедствий, кои со всех сторон осаждают нашу несчастную землю. Каждый день я слышу жалобы голодных, вижу отчаяние избитых и горе обездоленных; я не в силах больше это выносить. Сэдрин зрит горе простых людей и помнит, что, принимая их верность, мы приняли на себя и обязательство защищать их от подобных страданий. Нет сомнения, что он задаст немало жестких вопросов, прежде чем позволит некоторым из нас войти в Иной мир. Но все, что я слышу от равных мне, это бесплодные оханья да раскольнические споры о том, какой способ правления нам следует перенять у тех, кто живет вокруг нас.

Есть такие, кто отступил бы на поколение назад и посадил на трон императора или короля. Но что бы это дало? Как избрать такого человека? Какие качества мы хотим видеть в кандидате, чтобы доверить ему такую большую власть? Что касается меня, боюсь, тени моих предков обратились бы с петицией к Аримелин,

где просили бы насладиться демонами в мои сны, если я сознательно подчинюсь тирании, против которой они так долго и упорно боролись и которую в конце концов свергли. Возможно, мы должны подражать самопровозглашенным герцогам Лескара и позволить сильнейшим захватить все, что они сумеют, пока никто не осмелится бросить им вызов. Роскошные дворцы их светлостей, возможно, выглядят прекрасно теперь, когда поля сражений заросли травой, но давайте не забывать, что сами они мало чем отличаются от разбойников, предъявляющих права на лесное убежище. Так же, по локоть в крови, раздирают они щедроты Лескара, как браконьеры – тушу убитой оленихи. Я слышу, вы спрашиваете меня: неужто нам осталась лишь одна перспектива раздела и распрей, кои терзают Энсеймин? Неужто нашим сыновьям и дочерям предстоит смотреть, как наша любимая страна распадается на лоскутное одеяло мелких царьков и алчных городов, грызущихся между собой, будто помет голодных дворянок? Клянусь молотом Мизаена, я не допущу этого и призываю всех честных людей помочь мне.

Почему мы ищем ответ за нашими пределами? Давайте искать у себя, у мудрости наших предков. Прежде чем Коррел, так называемый Миротворец, послал свои когорты, чтобы растоптать нашу землю под пятою тормалинского господства, мы были мирным и прилично управляемым народом. Наши предки знали, сколь опасно отдавать много власти в руки одного или

даже нескольких человек, и правила сами, честно и справедливо, через Собрание Мужей. Все собственники могли говорить, все люди доброй воли могли работать вместе на общее благо. Никакой тиран, великий или малый, не мог задушить свободы, которые являются исконным правом всех людей. Те самые свободы, коих наши отцы вновь добились для нас, когда сбросили проржавевшую железную руку Дома Немитов. Мы сумели возродить многое из того, что было потеряно до нас. Так давайте же снова вместе войдем в Собрание Мужей и возьмем свою судьбу в наши собственные руки.

На юг по Речной дороге, владения лорда Эдрина, Каладрия, 12-е поствесны

Ливак появилась только утром, когда мы с Шивом обсуждали маршрут, а Хэлис, пропуская мимо ушей повелительные указания Вилтреда, запрягала лошадь в шарабан. Утро выдалось прекрасное, в ясном голубом небе высоко белело единственное тонкое облачко.

– Что там у вас? – с ходу спросила Ливак.

– Путеводители.

Если она не хотела обсуждать свои решения, то и я не хотел. Найдя том, который показывал ближайшие отрезки Речной дороги, я развернул длинную карту.

– Их случайно не рационалист чертил, а? – с ехидцей по-

интересовалась Ливак. – Если он, то вы скоро заблудитесь. Все расстояния и детали будут искажены в угоду их представлениям о порядке и равновесии.

– Нет, карты точные. – Я не собирался заглатывать ее наживку и указал на группу нарисованных деревьев с толстыми ветвями. – Что ты знаешь об этом месте, Прозайнской Пуще?

Ливак глянула поверх моей руки.

– Это где земли лорда Эдрина встречаются с владениями других лордов, Тивайса и Дарди. Они сохранили лес как охотничий заповедник.

Я постучал пальцем по реке.

– На мой вкус, она чересчур близко.

Шив кивнул.

– Убежище для оленей и кабанов отлично сгодится и лескарским беглецам. Возможно, там и не столь опасно, но лучше бы присоединиться к какой-нибудь крупной группе.

– Зима была долгая, суровая, – согласился я. Ливак показала на голубой кружок у дороги.

– Вот хорошее место, чтобы остановиться и напоить лошадей. Обычно народ собирается там, прежде чем пересечь Пущу.

– Не худо бы заодно поспрашивать об эльетиммах. Может, удастся напасть на след... – вслух размышлял я.

– Это идея, – подхватил Шив. – Надеюсь, их будет довольно легко проследить. Они должны бросаться в глаза как пу-

гала на каладрийских огородах.

Ливак рядом со мной шевельнулась.

– Скажи-ка, Шив, каладрийцы расценивают как простое невезение необходимость отправляться за округ, где ты родня половине жителей, или это считается действительно безнравственным?

– О, и то, и другое, – весело заверил ее маг.

Ливак фыркнула, но в уголках ее губ задрожала слабая улыбка.

– А чародеи путешествуют с шиком, да? – Она пренебрежительно уставилась на маленький опрятный экипаж. – Где вы его достали?

– У Коротышки Меррика. – Хэлис хлопнула упряжную лошадь по крестцу и неуклюже забралась на сиденье.

– И что Коротышка с ним делал? Не репу же в нем возил?

– Его покойная жена была из Абрея. Дороги там куда лучше, вот она и привыкла к шикарнейшей жизни, которая ее муженьку была не по карману, – сухо ответила бывшая наемница.

Я с облегчением увидел, что обе женщины примирительно усмехнулись.

– А работка-то хреновая, – фыркнула Ливак, ковыряя ногтем кусок отваливающейся инкрустации.

– Да кто ты такая, чтобы судить? – возмутился старик Вилтред, глядя на нее с высоты шарабана.

– Повозка – та же столярная работа, маг, только с колеса-

ми. А за свою жизнь в Ванаме я наполировала столько дорогой мебели, что могу считаться лучшим судьей деревянных изделий во всей здешней округе. – Ливак подбоченилась и, задрав голову, дерзко уставилась на него.

– В общем, Ливак, ты поедешь на лошади Вилтреда, – торопливо вмешался Шив. – Да пошевеливайтесь, пока погода держится. Если отправимся сейчас, к полудню должны выехать на большак.

Вскоре у Хэлис был полон рот хлопот с упряжной лошадей, которая определенно освободилась от того, чем ее там кормили, дабы смягчить ее норы. Вилтреду стало вовсе не до смеха, когда его чуть не опрокинули в живую изгородь, и поначалу все ехали молча. Утро медленно тянулось, но в конце концов Хэлис присмотрелась к животному и, к моему облегчению, завязался какой ни на есть разговор. Я вовсе не горел желанием ехать три сотни лиг в компании четырех человек, которые не общаются друг с другом, и меня опять мучила тоска по Айтену.

– Скорей бы уж выбраться на приличную дорогу, – заметил я, обращаясь к Ливак, когда мы преодолели особенно топкое место под пологом ранней листвы.

– Ага, – согласилась она, убеждая свою чалую обойти лужи. – Если б у нас дома кто-то позволил своей изгороди так разрастись, то платил бы изрядный штраф Купеческому Конклаву.

И неудивительно, ведь торговля – источник жизненной

силы Ванамы и других крупных городов-государств Энсеймина. Однако Ливак права. У мессира Д'Олбриота тоже есть управляющий дорогами, который шесть сезонов из восьми разъезжает по его землям и следит за ремонтом. Но, похоже, каладрийские лорды иначе понимают свои обязанности и только клюют носом в этом своем Парламенте, как те черные птицы, что сушат крылья по краям причалов. С другой стороны, они быстро умеют договариваться, когда заходит речь о новых налогах, вроде этого налога на очаг – еще одного способа грабить крестьян и наряжать своих дамочек в атласы.

– Шив говорил, будто для каладрийских дам считается вполне уважаемым наносить визиты в повозке, запряженной волами, если местные проселки так плохи. – Я покачал головой, все еще сомневаясь, не водил ли он меня за нос.

Ливак мимолетно улыбнулась.

– А мне все равно нравятся высокие деревья. И не только в рощах и садах.

Я поддакнул, спросив себя, не отголосок ли это ее Лесной крови. Так или иначе, а проблема сия всегда будет стоять между нами. Может, это старая шутка, но из всего, что я видел, неоспоримо верно единственное: чтобы заставить лесного жителя усидеть на одном месте, надо прибить его ногу к полу. Пускай Великий Лес стоит на другом краю Старой Империи, отделяя западные пределы Энсеймина от королевства Солура, – лесные менестрели всегда являлись обычным

зрелищем в Тормалине. Мало кто из других народов забредает в такую даль ради простого любопытства и страсти к путешествиям.

Я вспомнил, что рассказывала мне Ливак в прошлом году, прежде чем вопросы долга и независимости разлучили нас.

Ее отец тоже был лесным менестрелем, соблазвившим ее мать-горничную, когда Западный тракт через Энсеймин привел его в Ванам. Насколько я понял, он находился рядом, пока Ливак была маленькой, успев за это время передать дочери больше наследия своего Лесного племени, чем она себе представляет, через те песни, что пел ей, бывало, перед сном. Но едва Ливак подросла, он вновь откликнулся на зов странствий, оставив ее мать одну с ребенком, как вечным напоминанием о горькой утрате возлюбленного, и одну-одинешеньку перед насмешками семьи. Неудивительно, что у Ливак сложилось предвзятое мнение о семейной жизни.

Если подумать, то ее отказ провести со мной Солнцестояние был, вероятно, только к лучшему. Успокоить мою мать после моего весьма приукрашенного рассказа о нашей прошлогодней поездке оказалось нелегким делом. И вряд ли было бы уместно знакомить ее с моей любовницей, одетой в мою запасную куртку и бриджи, с ее прошлым, которое не поддается благопристойному описанию. Мать все еще надеется, что один из нас приведет домой скромную девушку в юбке с собственной вышивкой и длинными косами для алтаря Дрианон. По мне, это прекрасно, пока сию почетную

обязанность исполняет кто-то из моих братьев. Хенси или Риднер вполне могут отложить на время свои колотушки да зубила, если Мисталь слишком занят своей учебой.

– Знаешь, у меня есть собственное дело в Релшазе, – внешне сообщила Ливак чуть погодя. – И если уж Шив ухитрился втравить Хэлис в свои планы, почему бы мне не доехать туда вместе с вами? Как ты сам говорил, дороги опасны для одиночки.

В устах женщины, которая сбежала из дома с пустыми руками, едва выйдя из девичества, это прозвучало не слишком убедительно.

– Что за дело? – с умеренным любопытством спросил я в надежде, что она не замышляет ничего слишком бесчестного. Кое-какие приемы, которыми Ливак зарабатывала на жизнь, плохо уживались с моей совестью.

– Есть один тип, его зовут Арл Кордайнер. – Ее глаза стали далекими и холодными.

– И что он тебе?

– Он мне должен, – твердо ответила Ливак. – Кордайнер – мошенник, один из лучших, потому что выстраивает других в очередь к позорному столбу или на виселицу, если что-то идет не так. Нас четверых едва не повесили из-за него в Селериме где-то с год назад. Он не смог бы опустить нас в большее дерьмо, даже если б оставил по шею в выгребной яме.

– Думаешь найти его в Релшазе?

– Я видела его на Речной дороге сразу после Равноденствия. – Лицо женщины пылало решимостью. – Он весь был разодет, как тормалинский торговец шелком, и с окладистой бородой. Но я никогда не забуду его рук и ушей.

Я ободряюще кивнул. Знает ли этот Кордайнер, что Рэпо-нин собирается потребовать с него счет, дабы подвести баланс в гроссбухах правосудия?

– Я поеду с вами до Релшаза, – продолжала Ливак. – Хочу убедиться, что Шив сдержит слово. Что бы ты ни говорил, я все равно не доверяю магам.

Вот мы и добрались до сути дела, решил я.

– Если нападём на след воров с этих Ледяных островов, я постараюсь вернуть сокровища Вилтреда, но только пока буду уверена, что риск того стоит. И если маги будут у меня в долгу, то пусть заплатят его, починив ногу Хэлис. – Ливак хмуро посмотрела на спины магов, едущих впереди нас, но злость в ее глазах сменилась болью, как только ее взгляд упал на подругу. – Это должно уладить любые счета между ней и мною, хотя все выигрышные руны опять достанутся Шиву. Но если вдруг снова запахнет бедой, как в прошлый раз, я смоюсь оттуда быстрее чем кошка, пойманная у миски со сливками.

– А я, вероятно, побегу следом. – Я отважился на теплую улыбку, которую Ливак вернула, хоть и с саркастическим блеском в глазах.

– Сэдриновы потроха! – Громкие ругательства Хэлис опо-

вестили нас о том, что шарабан угодил колесом в болотистую колею.

– Как тебе лошадь? – поинтересовался Шив у Ливак, когда экипаж выбрался на сравнительно твердый грунт.

– Отлично. – От улыбки ямочки заиграли у нее на щеках. – Но что годится для Вилтреда, для меня и подавно сойдет, разве нет?

– В молодости, барышня, я был выдающимся наездником... – встрепенулся маг, словно старый кот-мышелов, разбуженный нахальным котенком.

– Мы попадем на большак около полудня, верно? – Я оглянулся, обращаясь к Шиву, который ехал теперь замыкающим.

Иронично улыбнувшись старику, Ливак пришпорила лошадь и легким галопом умчалась вперед.

– Верно.

Шив перевел сердитый взгляд с исчезающей спины Ливак обратно на Вилтреда. Потом ударил коня в бока и рысью поехал рядом со мной.

– Ты не можешь сказать Ливак, чтобы кончала его подначивать? – тихо спросил он.

Я пожал плечами.

– Сказать-то могу, но пока он продолжает заглатывать червячка, она будет его дразнить, если не найдет чего-то позабавнее. А почему бы тебе не намекнуть Вилтреду, чтобы перестал обращаться с ней как со служанкой, уволенной за

флирт с лакеем? Это могло бы помочь.

Шив что-то проворчал, но я не вслушивался. Дорога начала взбираться на длинный склон, и шарабан замедлил ход. Мы ехали шагом, слушая, как Вилтред пытается узнать что-нибудь о Хэлис. Так как на все расспросы наемница отвечала одним словом, самое большее двумя, старик все сильнее раздражался, и его вопросы в конце концов перешли от дерзких к оскорбительным.

– Я думал, женщине твоего возраста давно пора остепениться и завести детей. – Вилтред покосился на Хэлис, чтобы увидеть ее реакцию. – В мое время считалось несчастьем, если девица встречала свой праздник поколения незамужней.

– А я руководствуюсь солурскими поколениями, – неожиданно заявила Хэлис. – И это тридцать три года, а не двадцать пять по тормалинскому календарю. У меня в запасе еще два года, прежде чем надо будет беспокоиться.

Вилтред заткнул рот, а мы с Шивом усмехнулись. Интересно, нельзя ли убедить мою матушку поступать, как Хэлис? С тех пор как ей перевалило за пятьдесят, она отчаянно жаждет внуков.

Старый маг не сразу оправился от того щелчка, но спустя некоторое время стал потчевать нас все более скучными историями из своей молодости, швыряясь знатными именами, как идущий за плугом крестьянский парень, бросающий камни в ворон.

– Кто этот Фелмат из Широкого Эйла? – прошептал я Ши-

ву.

– Понятия не имею, – покачал головой маг. Я наморщил лоб.

– Лорда Уотрела я знаю, но его жену зовут Майла. Эйбрин была его матерью.

Я говорил достаточно громко, чтобы Вилтред услышал.

– Ты присягнувший мессира Д'Олбриота, не так ли? – Старик все больше пыжился от гордости. – Ты должен передать мои поклоны его очаровательной жене, госпоже Кориан. Я имел удовольствие познакомиться с ней несколько лет назад.

Я не знал, что на это ответить, ибо дама, о которой шла речь, уже девятнадцать лет пребывала пеплом в урне. К счастью, Вилтред не ждал ответа, предпочитая бахвалиться своими высокими связями.

– Да, мы познакомились, когда я гостил у Сульеллы, герцогини Парнилесской. Весьма любезная дама, знаете ли, элегантная, и хозяйка чудесная.

Хэлис взмахнула кнутом, чтобы привлечь внимание запряженной в шарабан буланой.

– Вдовствующая герцогиня, ты хочешь сказать.

– Прошу прощения? – надулся старик, недовольный, что его перебили.

– Герцогиня – Лайфиналь, жена герцога Морлина. Сульелла живет на своих вдовьих землях в Тарборне.

– Кажется, ты хорошо осведомлена... – промолвил Вилтред.

– Я три года командовала личной стражей герцога Марлирского, – отрезала Хэлис и щелкнула кнутом по шее лошади.

То ли ее замечание, то ли внезапная тряска образумили Вилтреда, и он замолчал, но я был до смерти рад, что он оставил свои попытки произвести на нас впечатление. Я надеялся, что темп погони в ближайшее время ускорится, но пока это было так же интересно, как сопровождать незамужних тетюшек мессира в их ежегодном объезде семейных поместий, давая им возможность поучать младших дам Имени, как следует воспитывать детей.

Выбравшись на большак, мы поехали быстрее и вскоре достигли того озера. Я позаботился прежде о собственной лошади, затем помог Вилтреду сойти с шарабана, после чего достал и пристегнул свой меч. Я не вспоминал о нем с тех пор как оставил Лескар, но если в этой Пуще скрываются разбойники, я буду готов. Рассматривая других путешественников, толпящихся на берегу, я увидел Шива с каким-то незнакомцем. Я приблизился, но не настолько, чтобы вмешаться в их разговор, – вдруг магу удастся узнать что-то полезное для нас.

– Райшед! – Шив замахал мне, и я сделал вид, будто только что его заметил. – Это Найл, капитан Стражи у того торгового каравана. Они направляются на юг.

Незнакомец коротко кивнул.

– Мы возьем товары для Сершана и сыновей из Дари в Рел-

шаз, готовые шерстяные ткани и гончарные изделия.

Говорят, первых людей Мизаен вылепил из глины, и этот человек поразительно напоминал одну из ранних попыток бога-кузнеца. Из-за короткой шеи казалось, что плечи капитана начинаются сразу под ушами, а его фигуре в любой комнате было бы тесно. Рослый, на несколько пальцев выше меня, этот Найл был такой мускулистый, что издали выглядел приземистым. В его глазах застыла вечная настороженность охотничьей собаки, сходство с которой усиливалось его квадратной челюстью и отвислыми щеками, а также жесткими пегими волосами.

– Сколько вам нужно времени, чтобы пересечь Пушу? – продолжал Шив.

– Послезавтра уже будем в «Парящем Орле» у Южного Вариса. Там мы дадим лошадям отдохнуть, а после отправимся дальше. – Найл подмигнул магу. – Уж поверьте мне, вы не захотите пересекать Пушу в одиночку.

– Не в это время года, – согласился Шив.

– Платите хозяину мулов, марка за голову.

Найл пошел к следующей группе путешественников, и я услышал, как он повторяет свое предложение защиты.

В пути караван стоит денег, зарабатывают они лишь тогда, когда приедут и продадут свои изделия, поэтому владелец каравана уже поторапливал своих работников, чтобы выводили мулов после остановки на водопой. Более сорока животных заставили погонщиков изрядно попотеть за свой

хлеб.

– Найл сказал, чтобы мы ехали между мулами и фургонами, так как у шарабана колеса меньше. – Шив подъехал на своем вороном, едва не сбросившем его с седла, когда мулы потянулись на большак под аккомпанемент разноголосых криков и людской ругани.

Следом тронулись мы, а за нами – еще восемь разных повозок, присоединившихся к горсти караванных фургонов. Вскоре старый маг снова одаривал нас своей житейской мудростью.

– Чем увеличивать список своих доходных земель, лучше бы лорд Эдрин подрядил тех попрошаек-лескарецов разбивать камни для ремонта дорог, – проворчал он, когда пашни остались позади и мы въехали на окраины самой Пущи, где дорога вновь стала хуже.

Постепенно низкорослые кустарники сменились крупными деревьями, окутанными зеленой дымкой над коврами ярких цветов. Мшистый запах весенниц поднимался со всех сторон. В их голубых лепестках словно отражалось небо, виднеющееся сквозь ажур веток и новой листвы, а в придорожной траве стали попадаться кремовые оборки кружева Ларазион. Мы ехали без приключений, но из-за узкой дороги приходилось двигаться по большей части гуськом. Неожиданно я поймал себя на том, что мой ум блуждает от скуки.

– Райшед?

Лошадь шархнула в сторону, и я испуганно схватился

за поводья.

– Зубы Даста, Ливак, ты что делаешь?

– Пытаюсь не дать тебе сломать шею при падении с лошади, – ехидно ответила она.

Я провел перчаткой по лицу.

– Прости?

Странные обрывки полусна о какой-то погоне по бескрайним лугам вертелись в моей голове. Неужто Аримелин мало губить мои ночи, что она насылает на меня сны даже днем? Должно быть, я задремал, чего никогда раньше не случилось со мной на лошади, но, с другой стороны, я никогда еще не чувствовал себя таким усталым, по крайней мере в последнее время. Уж не значит ли это, что я заболел? Или чем-то прогневил богиню? Тут, разгоняя мои путанные мысли, вдоль вереницы мулов понеслись крики, и я понял, что мы останавливаемся на ночлег. Для лагеря Найл выбрал большую травянистую поляну, как видно, хорошо знакомую ему. Когда Хэлис повернула шарабан с большака, Стража уже расхотелась срубать ранний подлесок. Погонщики втыкали колья и натягивали веревки для своих животных, обкладывая загон колючими ветками. Мы направились к удобному месту, а вслед за нами на поляну тянулись фургоны и подводы, становясь в защитный круг, и скоро их брезенты были уже надежно зашнурованы.

Мы разбивали внутри круга наш собственный маленький лагерь. В это время к Шиву подошел Найл.

– Я хочу, чтобы все поили своих животных у тех ив. – Он указал на речушку на дальней стороне поляны. – А для отхожего места используйте тот овраг.

Он говорил с Шивом, но то и дело поглядывал на меня. Мне это показалось странным, и позже, когда мы с Ливак кружили по поляне, собирая хворост, я поделился с ней своим наблюдением.

Ливак пожала плечами.

– Вряд ли Найл зарится на твое тело, он не похож на тех, кто пьет с обеих сторон чашки. По-моему, тебе просто мерещатся элдричские человечки в тених. Это все от усталости.

Спорить я не стал, но чувствовал себя по-прежнему беспокойно.

– Как вы думаете, здесь очень опасно? – спросил я за ужином, всматриваясь в сгущающийся под деревьями мрак.

– Мелким бандам такой лагерь не по зубам. – Хэлис задумчиво оглядела поляну. – Все зависит от того, насколько суровой была тут зима.

– По словам одного погонщика, местные лорды каждую весну посылают своих лесничих выкуривать отсюда бродяг, прежде чем оленихи начнут телиться, но мы явились немного раньше, – прошамкал Шив, обгладывая куриную ножку. – Найл не рискует, он выставляет полную Стражу.

Вокруг костров смыкалась ночь. Мы позаботились о лошадях, решили, кто где будет спать, и теперь смотрели, как стражники отрабатывают свои деньги, обходя дозором поля-

ну.

– Люблю видеть часовых, зная, что мне не придется дежурить, – широко улыбнулась Хэлис, заворачиваясь в одеяла.

Шив уже мелодично храпел, и Ливак зевала над стаканом вина. Свернув плащ вместо подушки, я подоткнул под себя одеяла и закрыл глаза, прислушиваясь к голосам вокруг больших костров. Откуда-то доносились нескончаемые куплеты далазорской песни, в которой перечисляются все парни, пытающиеся залезть под одеяло к девственнице. Время от времени пение терялось во взрывах смеха за дружеской игрой в руны. Пряный запах древесного дыма смешивался с влажным дыханием пробуждавшегося леса, и я задремал, смутно надеясь, что Ливак не соблазнится игрой с нашими попутчиками.

Из сна меня вырвали настырные крики; мой оцепенелый мозг не мог уловить их сути. Я машинально сел и тупо уставился на черноволосого незнакомца, стоявшего передо мной. Его бледно-голубые глаза на узком лице были широко распахнуты, он упорно протягивал руку, чтобы поднять меня, и в сапфировом перстне блестело пламя костра. Я потянулся к нему, но, должно быть, неверно оценил расстояние – мои пальцы сомкнулись в пустоте. Незнакомец снова заговорил, но я опять не понял ни слова. Вроде это был тормалинский, но какой-то совсем неизвестный мне диалект.

Сзади раздался крик. Круто повернувшись, я увидел, как из-под ближайшего фургона, выставив перед собой зазуб-

ренные серпы и ржавые мечи, вылезают трое грязных оборванцев, в глазах – жадный блеск, на лицах – горечь лишений. От троицы разило немытым телом, перегаром и жевательной травой. Ну ничего, еще недолго ветру надувать их паруса. В Гидесте мне встречались типы и пострашнее.

Выхватив меч, я пошел на оборванцев, мельком глядя по сторонам. Шив бежал к центру поляны, магический шар тускло светился в его пальцах, а сам чародей вертел головой, выискивая, кому бы помочь. Вилтреда я не увидел, но решил, что он где-то возле Шива, вероятно, с кучкой женщин и детей, жмущихся у главного костра. Решетка сапфирового света неожиданно возникла вокруг самых уязвимых, пугая их немногочисленных защитников.

Хэлис уже была на другой стороне поляны, где двое ошеломленных стражников пытались удержать большую группу бандитов, вылезających из ручья. Должно быть, черноволосый незнакомец разбудил наемницу первой, не зная о ее ноге. Мокрые и отчаянные, бродяги слепо рубились за вожделенные деньги и еду. Изможденные и грязные, все они имели жалкий вид, у многих были старые раны или болячки, но не знали пощады их ржавые клинки, и только смерть пылала в их глазах. Я поискал взглядом незнакомца, но его нигде не было видно.

Человек с крысиным лицом в грязных лохмотьях пошел на меня, бешено размахивая утыканной гвоздями дубинкой, но я скосил его ударом в бедро. Падая, он дал подножку юн-

цу позади себя, и тот воспользовался случаем, чтобы удрать. Третий оказался слепленным из более сурового теста или был просто отчаяннее. Он продолжал идти, тыча без устали некогда прекрасным клинком, который нынче выглядел так, будто им кололи дрова. Я сделал финт, парировал, снова сделал финт и, как только бандит слишком далеко вынес руку, хватил его по костяшкам. Если б он сохранил тот здравый смысл, что дал ему Мизаен, он бы сбежал, но, перехватив меч другой рукой, бродяга снова набросился на меня с искаженным от боли лицом. Я закончил его страдания одним ударом, который отхватил ему ухо и уложил глупца на месте. Тень мелькнула у моего плеча, я отскочил, но, к счастью, там никого не было, просто игра неверного света, половинка Большой луны не могла самостоятельно рассеять мрак. Однако это было невольным напоминанием о том, как обнажен мой фланг без Айтена.

Внезапный удар сзади повалил меня в повозку, и я пополз вперед, спасаясь от копыт обезумевшей кобылы: она мчалась в панике от звуков боя и тошнотворного запаха крови, лопнувший недоуздок болтался у нее на шее, а из загона неслись проклятия – погонщики изо всех сил старались удержать мулов, но ужас распространялся среди животных со скоростью лесного пожара. Их тонкое ржание и вопли испуганных детей пронзали ночное небо.

– На помощь, сюда! – прорвался сквозь гвалт вопль Хэлис. Выглянув из повозки, я увидел, что бывшая наемница од-

на противостоит двоим разбойникам. Стражники не могли помочь, они сдерживали нападающих, ломившихся в щели между фургонами. Искалеченная нога Хэлис пригвоздила ее к месту не хуже капкана, и левый рукав уже был в крови. Ругаясь на чем свет стоит, я начал пробиваться через свалку.

Я был уже недалеко, когда блестящий нож прорезал тент фургона и темно-рыжие волосы мелькнули в свете костра. Низкорослый юнец, который, пятясь, насмехался над Хэлис, упал с придушенным криком. Пена заполнила его нос и рот, голова в непроизвольной судороге дернулась назад, а из шеи, среди нарывов, торчал кинжал – справедливое возмездие, по-моему. Спрыгнув с повозки, Ливак всадила второй клинок в почки звероподобного громила – его тяжелый тесак кромсал защиту Хэлис. Он схватился за бок, разинув рот в беззвучном удивлении, да так и застыл, ожидая, когда яд ускорит его конец. А Хэлис между тем двинула мечом в физиономию его испуганного сообщника. Падая в брызгах крови и раздробленных зубов на собственный охотничий нож, он выпустил себе кишки.

Еще двое стражников с суровыми лицами вышли из-за моей спины и бросились на бандитов, внезапно замешкавшихся на другой стороне костра. Я тотчас схватил Хэлис за талию и поволок из свалки. От неожиданности женщина выругалась.

– Заткнись, Хэлис, пусть он поможет.

Ливак пошла с нами, напряженно всматриваясь в темно-

ту. Свой кинжал, поблескивающий масляными пятнами, она держала в вытянутой руке подальше от тела.

Я тащил ее подругу задом наперед. Прыгая, чтобы удержаться на ногах, Хэлис поливала меня бранью как бывалый солдат.

– А я-то думал, куда ты подевалась, – пропыхтел я. Ливак с отвращением покачала головой.

– Когда ты последний раз вступал в бой в Каладрии? Все мои яды лежали на дне сумки, дважды запечатанные воском и свинцом!

– Вы не ранены?

Оглянувшись, я увидел возле себя Шива.

– Где ты был? – напустилась на него Ливак. – Не пора ли хоть малость поколдовать?

– И кого ты предлагаешь мне принести в жертву? – съязвил маг, и я увидел в его глазах отражение моей собственной досады на этих женщин.

Я остановился, чтобы Хэлис могла вернуть равновесие, и мы вчетвером дружно огляделись. В трех сторонах поляны стражники отбивались от атакующих.

– Я не знаю, с кем мы путешествуем – как прикажешь мне отличать друзей от врагов? – Шив крутанулся на месте, резко взмахнув рукой.

Я воззрился на мерцающий полусвет и увертливые тени за окружностью костров и вынужден был согласиться с ним.

– Ко мне!

Рев Найла посрамил бы разъяренного быка. Его квадратная голова возвышалась впереди стражников, державших оборону, когда неистовый натиск бандитов угрожал пробить кордон у последней щели.

Я побежал по траве, увертываясь от животных и охваченных паникой купцов. Еще один оборванец с кровоточащими язвами на руках выскочил из-под фургона, норовя зацепить меня ржавой косой. Но прежде чем я успел поднять меч, копье голубого огня швырнуло бандита на землю – лицо его почернело, волосы дымились. Не оглядываясь, я благодарно помахал Шиву и встал в строй на место купца, схватившегося за рассеченный живот.

По-далазорски держа тяжелый меч обеими руками, Найл размахивал им, сея вокруг смерть. Кровь брызнула в него, когда сверкающий металл снес противнику пол-лица, но Найл даже не моргнул. Выпучив глаза, он яростно ринулся в брешь и превратил еще одного бандита в воющий бесформенный клубок. Видимо, тот гаденыш когда-то обучался фехтованию, но без милицейских доспехов оно не помогло ему защитить кишки. Шаг за шагом Найл продвигался вперед, подбитые гвоздями сапоги уверенно стояли на скользкой земле, отшвыривая в сторону любого, кто не мог снова подняться. Сражаясь плечом к плечу, мы все ощутили прилив отваги и, образовав клин за гибельным острием Найла, начали оттеснять бандитов к ручью.

Длиннолицый тип с выжженным клеймом угонщика ско-

та на щеке пошел на меня. Он парировал один мой удар, затем другой, но старый тормалинский прием, который я оттачивал всю зиму, выбил зазубренный меч из его руки; я прикончил врага, рубанув между шеей и плечом. От этого зрелища у его сообщника сдали нервы, и он побежал. И тут же смелость, порожденная выпивкой и отчаянием, покинула остальных. Их строй рассыпался, как кегли в детской игре. Те, кто соображал слишком медленно, расплачивались за это: их прямо на бегу рубили в спину. Самые быстрые устремились к ручью, но едва добежали до него, как вспышка магического света выгнала ночь из-под деревьев. Панические крики смешались с ехидным смехом стражников, и под аккомпанемент странного треска разносились вопли умирающих. Я немного постоял, затем повернулся спиной к моим соратникам. Зачем попусту рисковать собой? Пусть рискуют те, кому за это платят. Бандиты отогнаны, остальное – не моя забота.

– Тише, тише, – мягко успокаивала Хэлис наших лошадей словами и сушеным яблоком, пока Ливак рылась в шарабане в поисках какой-нибудь тряпки, чтобы вытереть свои кинжалы.

– Знаешь, Райшед, я как-то слышала, что Аримелин заставляет людей ходить во сне, но не знала, что она заставляет их сражаться. – Ее зеленые глаза казались огромными в свете костра.

– О чем это ты?

– Как ты узнал, что они подходят?

Хэлис оглянулась через плечо. Она привязала лошадей и занялась своей раной: держа зубами один конец повязки, туго затянула узел и выплюнула изо рта кусок тряпки.

– Что ты говорил, когда будил меня? Я не сильна в тормалинском среди ночи.

Я заморгал, не понимая, о чем она толкует, но в эту минуту подошел Шив, смахивая с перчаток что-то похожее на иней.

– Ну, думаю, это убавит работы лесничим лордов.

Маг казался весьма довольным собой, хотя у него сочилась кровь из длинной раны ниже локтя.

Хэлис закатала ему рукав и, бесстрастно взмахнув ножом, сорвала рубашку.

– Это надо зашить, – отрывисто предупредила она и повернулась к шарабану.

– Сэдриновы потроха!

Хэлис попятилась, а я в мгновение ока выхватил кинжал, но это был только Вилтред, вылезаящий из своего плаща, как бабочка из кокона.

– Ты все это время был тут? – недоверчиво спросил я.

– Я не воин, – с потрепанным достоинством изрек старик. – Я подумал, что лучше оставаться в стороне, и сделался невидимым.

Все просто онемели. Придя в себя, я взглянула на Шива, ожидавшего, когда Хэлис прокалит изогнутую иглу в пламе-

ни головешки.

– А ты что сделал?

– Большинство пытались уйти по ручью, не знаю уж почему. Вот я и заморозил воду, чем удержал их весьма прочно для Найла и его людей.

Маг засмеялся, но тут же задохнулся от боли. Ливак протянула ему фляжку.

– Что это? – поинтересовалась Хэлис.

– Белое бренди. Я прихватила его в последнем лагере, но мы так и не собрались его распить. – Ливак покосилась на меня из-под ресниц. – А еще у меня есть комплект новейших гравюр о любовной жизни герцога Триолльского.

Гравюры обещали быть весьма забавными, если не откровенно непристойными. Я посмотрел на ивы у ручья, но темнота скрывала следы кровавой бойни под ними. Так и не решив, нравится ли мне идея захватывать людей в ледяные ловушки, чтобы их убивали там, как хищников в капканах, я выбросил из головы эти мысли. Мертвый есть мертвый, а Шив не одного стражника спас от ран, а то и от верной смерти.

– Ты знаешь эти звезды? – спросил я Ливак. – Который теперь час?

Она посмотрела вверх.

– Корона Халкарион уже прошла зенит, стало быть, рассвета ждать недолго.

Интересно, сколько запросит Полдрион с мертвых банди-

тов за то, что они появятся в его владениях на стороне полуночи? Тем временем Хэлис покончила с рукой мага, и швы получились аккуратные.

– У хирурга мессира и то выходило хуже, – заметил я. – Мало кто из солдат овладевает этим искусством.

– Я выросла в пяти днях ходьбы от Остриновых куличек, – прозаично ответила женщина. – Мне не было еще и десяти, а я уже много чего умела.

Запах свежей смерти, исходящий со всех сторон, страшно беспокоил животных, и мы принялись наводить порядок. Я предпочел оттаскивать ближайшие трупы за кольцо фургонов. Работенка не из приятных, но мертвый грабитель не причинит тебе вреда, тогда как нервная лошадь, отдавившая тебе ногу, способна вывести из строя на много дней – урок, который я давно и накрепко выучил на службе у мессира.

На всякий случай я осмотрел убитых – нет ли у кого соломенных волос, – но никого, похожего на эльетиммов, не нашел. Дальше я разглядывать не стал. Эти люди вытащили свои руны и должны примириться с их раскладом. Единственный труп вызвал у меня раздумья: это был тощий парень, которого я перекатил на спину, чтобы ловчее ухватиться за его порванную куртку. Он давно потерял половину кисти и большую часть мяса с руки, вероятно, в одном из тех волчьих капканов, что фермеры ставят вдоль опушек леса. Если у него и был свой заработок, то наверняка он потерял его вместе с пальцами. Но какова бы ни была его история –

крестьянина или вора, честного или подлого, – чей-то меч пропел ее последний куплет, когда вошел в его ребра: в зияющей ране на груди белели осколки костей. Глупый мерзавец, подумал я, волоча труп по пропитанной кровью земле.

Я остановился на краю оврага и посмотрел на Хэлис – она неуклюже стояла на коленях со своей искривленной ногой. Опуститься так, как этот парень, ей не позволят Ливак и остальные ее друзья, они держат ее на плаву, но жизнь, которую она знала и которой наслаждалась, кончилась, и я увидел это понимание на ее лице. В каком-то смысле она была такой же погибшей, как этот несчастный с его кишками, тянущимися по траве, когда я скатил его по склону в овраг, чтобы лежал вместе со всеми в путанице мертвых конечностей. Неудивительно, что Хэлис достало отчаяния согласиться работать на магов.

– Предлагаю выпить.

Я вернулся к костру и взял фляжку с бренди. Сделав глоток, глубоко вдохнул, дабы освободить ноздри от запаха крови и опорожненных кишок, но тут же закашлялся: от крепости спиртного перехватило дыхание. Мы передавали фляжку по кругу, пока остатки жидкости, примерно с палец, не заплескались на дне.

– Не так я хотела выпить отличнейшее белое бренди ценой в четыре кроны, – заметила Ливак, делая большой глоток.

– Я рад, что оно у тебя есть. – Шив прижимал руку к груди, но, похоже, спиртное неплохо притупляло боль.

– Ну, не то чтобы я за него платила, – великодушно призналась Ливак.

– А мы не пользуемся большой любовью, – весело заметил Вилтред, передавая мне фляжку, его глаза блестели на морщинистом лице.

И точно, купцы, спавшие ближе всех к нам, сгрудились теперь на дальней стороне своего костра и старались отодвинуться как можно дальше. Особенно подозрительные взгляды доставались Шиву. Два дородных возчика завернулись в плащи, готовясь провести оставшиеся ночные часы на сиденье повозки.

Но я их не винил. Видеть, как магия убивает и помогает убивать другим, – это действительно потрясение, никто не спорит. Мы, тормалинцы, не слишком жалуем магов, но в любой порядочного размера деревне отыщутся торговцы любовным зельем и хироманты, и среди них довольно много настоящих. Я вспомнил девочку с соседней улицы, которая оставила нашу маленькую школу, чтобы заниматься с магом в большей половине города на стороне Залива. Да, у многих из нас есть знакомые, друзья или родственники, чей рыболовный нюх или садоводческое чутье оказались магическим даром. Просто человек не представляет себе, что они пустят молнию из пальцев, оставляя бандита хрустящим, как печеная рыба. Однако это проблема Шива, не моя, во всяком случае, в данную минуту. Я зевнул, закутался в плащ и лег, чтобы ухватить свою долю недолгого сна, что нам еще предла-

гался.

Просторная тормалинская усадьба, стоящая среди садов на травянистом склоне холма

Темар глядел, все больше досадуя, как еще одно стадо костлявых коров, мычащих и фыркающих, втягивается в загоны. Пастухи перекрикивались, торопливо связывали переносные загородки, чтобы ни одно упрямое животное не отбилося и не погубило их дневную работу.

– Где мне найти эсквайра Лачальда? – грубовато спросил у Темара смуглый гуртовщик.

– В доме, – коротко ответил юноша. – Нет, погоди, я сам тебе покажу.

Пора поговорить с Лачальдом, решил он внезапно, пора разъяснить, что имел в виду съер, когда писал распоряжения, привезенные Темаром. Он быстро зашагал через сад к воротам, ведущим в заросший травой внутренний двор. Невысокому гуртовщику приходилось едва ли не бежать, чтобы не отставать от длинноногого юноши. Эсквайр дал выход раздражению, сильным толчком распахнув дверь длинного одноэтажного дома, окружавшего лужайку.

– Чем могу помочь? – поднял голову Лачальд.

Он сидел за столом, почти невидимый из-под пергаментов, испещренных цифрами и пометками, нередко зачеркнутыми и исправленными. Его толстые пальцы были испачка-

ны чернилами, а редкие белокурые волосы торчали в разные стороны.

– Мое почтение, ваша честь. – Гуртовщик неуверенно покосился на Темара, однако продолжал: – Мы пригнали стада с западного пастбища, и это, считай, последний скот. Овцы шли сразу за нами, должны быть здесь через час, от силы два.

– Спасибо, Ран. – Лачальд порылся в пергаментях и втиснул пометку на узкое поле листа. – Ступай поешь. Да, передай управляющему, что я велел открыть для всех бочонок вина. Нет смысла тащить его обратно в Тормалин, если можно выпить здесь, не так ли?

– Очень вам благодарен, ваша честь. – Ран поспешно наклонил голову и исчез, радуясь возможности сбежать от ошутимого раздражения Темара.

– У вас что-то важное, эсквайр? – Лачальд чинил перо, не поднимая головы. – Я очень занят.

– Почему мы медлим? Почему ждем, когда пастухи приведут еще одно стадо тощих коров и паршивых овец? – Темар даже не потрудился умерить свою досаду. – Я ведь сказал, что главное – это лошади, они намного ценнее для сыера. Мы должны были уехать еще несколько дней назад.

– Сыер приказал мне вывезти его движимое имущество и арендаторов с этой окраины Далазора в том порядке, какой я сочту наилучшим. – Лачальд положил ладонь на пергамент, на котором Темар разглядел личную печать деда. – Я не собираюсь жертвовать будущим семей, преданно работавших

на это поместье в течение поколений, только ради того, чтобы удовлетворить ваше желание получить быстрые деньги.

– Деньги – это то, что нужно сыеру, – сердито парировал Темар.

Лачальд справился с пергаментом.

– Он объяснил, что желает финансировать участие в создании новой колонии, и я всецело доверяю его решению. Однако моя задача – обеспечить, чтобы каждый, кто уезжает отсюда, увез с собой как можно больше своего имущества и чтобы каждое животное, которое удастся найти, было взято.

– Какой прок собирать изголодавшийся за зиму скот? У него же мясо жесткое как подметка!

– Он еще откормится на пастбищах вокруг Великого Западного тракта. – Лачальд склонился над своими документами, давая понять, что разговор закончен.

– Но это значит, что его не продать до второй половины лета!

Упершись ладонями в стол, Темар наклонился вперед и зловеще уставился на Лачальда. Но толстяк и бровью не повел.

– Ден Феллэмион хочет отплыть еще до конца поствесны, а нам будет нужен целый сезон на подготовку, если мы намерены присоединиться к нему.

– Пусть мессир Ден Феллэмион отплывает, когда захочет. – Сталь, спрятанная под жирком Лачальда, зазвенела в его голосе. – Доходы от продажи скота помогут обосновать-

ся арендаторам по эту сторону океана. Желание съера, чтобы никто не остался в нужде, совершенно понятно.

– Они не останутся в нужде, они могут поехать со мной в новую колонию, если, конечно, мы когда-нибудь купим и снарядим судно! – с презрительной гримасой процедил Темар. – Вот почему нам следует возвращать лишь ту ценную собственность, которую можно немедленно превратить в деньги: племенных животных, лошадей для когорт, вино и спирт, в меру зрелые для продажи. Нам необходимо двигаться быстро, а мы не сможем двигаться быстро, если будем останавливаться через каждые пол-лиги из-за телящейся коровы!

– А как же быть с теми, кого съер заставляет уезжать отсюда, но кто не желает рисковать жизнью в океане в поисках неведомой земли, полной Талагрин знает каких опасностей? – Теперь в голосе толстяка слышалось раздражение. – Бросить их здесь вместе с разбитыми кухонными горшками?

– Если они хотят остаться, в то время как благоразумные Дома отступают из Далазора, пусть остаются. В любом случае уже через пять лет не будет никакого тормалинского присутствия по эту сторону Астовых болот.

– И какое это имеет отношение к делу?

Онемев от неожиданности, юноша молча буравил Лачальда взглядом, затем резко повернулся и шагнул к двери.

– Знаете, эсквайр Д'Алсеннен, если вы намерены когда-либо стать достойным съером нашего Дома, вам придет-

ся научиться по-человечески поступать с людьми. – Толстяк откинулся на стуле и с насмешливым видом скрестил руки.

Раскрыв рот, Темар полуобернулся, удивление на его лице несколько опередило закипавший гнев.

– Меня послали сюда с конкретным заданием, а ты...

Юноша теперь кричал, но Лачальд все так же бесстрастно сидел за столом со скрещенными руками.

– Да заткнись ты! – рявкнул он во все горло, легко заглушив запальчивые обвинения Темара.

Теперь молодой эсквайр клокотал от злости, разрываясь между двумя желаниями – продолжать спор или уйти, хлопнув дверью.

– Возьми-ка вина и обсудим наш выбор как разумные люди, – едко промолвил Лачальд. – Он повернулся к полке и достал из-за книг два зеленоватых кубка и бутылку вина. – Риэль считает, что я слишком много пью в течение дня, – объяснял толстяк, протягивая Темару кубок. – Если я позволю, она пришлет одно слабое пиво. Ну, сядешь, что ли?

Мгновение поколебавшись, Темар взял вино и отыскал табурет под стопой гроссбухов.

– Так-то лучше. – Сделав долгий глоток, Лачальд прикрыл глаза, обведенные серыми кругами усталости. – Я знаю, что именно верховые лошади, быки, бараны и так далее зарабатывают кроны на покупку вашего корабля. Я желаю вам всего наилучшего, и мы воскурим благовоние Дастеннину, когда вы отплывете. – Он поднял тост, и юноша нехотя отпил из

своего все еще полного кубка.

– Тогда почему мы не... – взговорил Темар. Но Лачальд перебил его.

– Меж тем я должен смотреть на игру в целом, видеть, куда упадут руны. Я не требую, чтобы ты ждал стада и запряженные волами повозки, когда мы минуем Астовы болота. Желаете снять сливки? Пожалуйста, как только мы снова будем под защитой когорт. Но до тех пор нам нужно держаться вместе, иначе одно нападение жителей равнин порубит нас на куски. Будь я также проклят, если оставлю здесь хоть что-нибудь, что эти сучьи дети смогут использовать против других поселений в округе. Если б я не думал, насколько дурно это повлияет на дух людей, я бы поджег усадьбу накануне завтрашнего отъезда!

– Почему ты мне раньше этого не сказал? – в сердцах упрекнул его Д'Алсеннен.

– А почему ты не спрашивал? – бросил в ответ Лачальд, сверкнув темными глазами. – Почему ты не захотел принять во внимание тот факт, что я хорошо знаю свое дело, почти поколение управляя этими пастбищами для сыера?

– Примите мои извинения, эсквайр, – натянуто выговорил Темар.

– Принимаю, эсквайр, – с ироничной церемонностью ответил толстяк.

Юноша осушил кубок и деликатно поставил его на край стола.

– Увидимся за ужином, – твердо произнес он, направляясь к выходу.

Покачав ему вслед головой одновременно с досадой и смехом, Лачальд вновь склонился над бесконечными списками, порожденными этим отъездом.

В колоннаде за дверью конторы Темар в нерешительности остановился. Из-за низких черепичных крыш неслись усталые крики людей и недовольное мычание скота. Юноша посмотрел на ссадину от веревки, тянущуюся поперек ладони, синяки на обеих руках и решил, что выполнил за один день достаточно тяжелой работы для процветания своего Дома.

Солнце пряталось за главным зданием, когда Темар шагал к нему прямо по траве, и в темнеющей голубизне неба золотились облака, гонимые вечными ветрами Далазора. Отломив веточку жар-пера, растущего в одной из ваз, расставленных вдоль колоннады, юноша остановился, растер в пальцах листья и вдохнул резкий аромат. На минуту закрыв глаза, он подумал о матери, она любила добавлять эту траву в свои настои. Ее свадьба на Зимнее Солнцестояние была единственным приятным событием за последнее время, когда не велись споры по поводу экспедиции Ден Феллэмиона.

Темар вошел в большую прихожую. Эхо его шагов отражалось от голых стен. Затейливые драпировки, демонстрировавшие качество выращенной здесь шерсти, были уже упакованы и сложены на повозку. Со всех сторон доносились звуки хлопотливой деятельности, и у юноши мелькнула вина-

тая мысль, что он продолжал работать со скотом лишь для того, чтобы не таскать оставшуюся мебель. Из одной двери торопливо вышла горничная. Она удивилась, увидев Темара, как, впрочем, и он – увидев ее, и быстро сделала книксен.

– Извините, – пробормотала горничная, прошмыгнув мимо с охапкой книг и дорожной конторкой Риэль.

Должно быть, они наконец освобождают личные апартаменты, заключил эсквайр. Новая мысль осенила его, и Темар потянул носом, повернув голову к кухонному крылу. В доме совсем не пахнет ужином, мрачней, понял он. Стук сковородок и глиняной посуды, вероятно, означал, что их тоже складывают, дабы везти с собой. В этом случае они потащатся с большим числом фургонов, чем если бы везли поклажу в императорском поезде.

Вернувшись в колоннаду, юноша направился кругом к усыпальнице и закрыл за собой дверь. Две статуи воззрились на него с мраморной бесстрастностью. Темар взял стул и сел, задумчиво глядя на фигуры высотой в половину человеческого роста.

Талагрин был не тем богом, которому он привык поклоняться. Благосклонность владыки диких мест кажется немного неуместной, когда живешь в одном из крупнейших городов Тормалина. Эсквайр внезапно испугался: не услышал ли бог эту невольную непочтительность? Безусловно, милость Талагриня придется весьма кстати, когда они будут врубаться в дебри той далекой земли. Юноша открыл ящик

в постаменте фигуры, задрапированном в шкуру давно забытого хищника, и вынул благовонную палочку. Она была свежая и еще липкая, а в чаше для жертвоприношений перед богом серел недавний пепел. Видно, не один Темар искал божественной защиты от опасностей предстоящих путешествий. Эсквайр высек огнем искры на скрученную прядь сухой шерсти и зажег благовоние. Чуть погодя юноша вдохнул ароматный дым, чувствуя, как он снимает напряжение за глазами, которое весь день грозило взорваться головной болью.

Ларазион взирала на него поверх охапки цветов, фруктов и голых веток, пока Темар готовил второе жертвоприношение. В свое время он сделал их немало, с печальной улыбкой подумал юноша: то просил ясную погоду, намереваясь провести часок на лужайке с хорошенькой девицей, то молил о холодных ветрах и дожде, если некая практичная барышня приглашала его на семейное торжество, дабы представить своим родителям. Что было, то было, но своевременный дождь и солнце для обильного урожая будут означать успех или провал колонии Ден Феллэмиона, а не просто прибыль и убыток в гроссбухах Д'Алсенненов. Юноша с серьезным видом зажег благовоние и посмотрел на строгое прекрасное лицо богини, надеясь, что она поймет его невысказанные мольбы.

Дверь открылась, и внутрь заглянуло овальное личико, обрамленное золотыми косами.

– О Темар, я прервала твои молитвы?

– Нет-нет, Дарья, входи.

Темар встал, и девушка проскользнула в усыпальницу, принеся с собой аромат духов, который вместе с благовонием составил пьянящую смесь. Дарья улыбнулась и грациозно села на стул.

– Тетя Риэль весь день нагружала меня работой в кладовой. – Она обмахнулась чуть испачканной рукой, причем изящный маникюр на ней нисколько не пострадал. – Одна Халкарион знает, как я теперь отчищу пальцы.

Девушка предложила Темару осмотреть несколько незначительных пятен и для этого оставила свою руку в его немногочисленных, чем было необходимо.

– Я подумала, что найду здесь тишину и покой и избавлюсь хоть ненадолго от новой работы, – призналась она, бросив шаловливый взгляд из-под накрашенных ресниц.

– Как и я, – с подчеркнутой любезностью ответил Темар. Дарью отправили на пару сезонов сюда, на север, после некоей выходки на Солнцестояние. Поговаривали о меднике или о ком-то вроде того, но, несомненно, она переступила за рамки, предписанные дочерям из добродетельных семей.

Девушка зевнула и вытянула руки над головой. Широкие рукава платья упали, открыв соблазнительную молочную кожу. Она напомнила Темару бледно-золотистую кошку, что была когда-то у его матери, кокетливую и ласковую, и эскавайру стало интересно, как поведет себя Дарья, если ее погладить.

– Я проголодалась, – заявила вдруг девушка. – Никто не

вспоминает об ужине, ты знаешь?

– Почему бы мне не сходить за хлебом и мясом? Найдем тихий уголок и поужинаем, только мы вдвоем... – Темар наклонился вперед и был вознагражден волнующим промельком нежных выпуклостей.

Дарья понимающе улыбнулась.

– А я принесу вина. Никто не хватится бутылки-другой во всей этой неразберихе. Встретимся у огородной калитки.

Выходя вслед за девушкой из усыпальницы, эсквайр оглянулся на статуи и неожиданно улыбнулся. Что бы там ни думали Талагрин или Ларазион, Халкарион явно благоволил ему.

В результате Темар чувствовал себя бодрым и даже веселым, возвышаясь в седле и глядя, как фургоны выкатываются за ворота в раннем свете следующего утра. Стада уже пошли, пыль клубилась в холодном воздухе, отмечая их путь на юг.

– Никого не забыли? – Лачальд неуклюже сжимал список вместе с поводьями. На его виске чернело пятно – он снова укладывал за ухо угольную палочку.

– Нет, все на месте.

Проследив за упаковкой статуй из усыпальницы, Риэль устремилась к своей коляске. Высокая, худощавая, с угловатым лицом, она, как говорят, не терпела вздора ни от кого, начиная с императора. Темара изрядно удивило ее требование, чтобы статуи последними покинули усадьбу, – яко-

бы это поможет отвести беду. Когда лакей распахнул дверцу коляски, эсквайр увидел внутри Дарью. Вид у девушки был недовольный. Но, заметив Темара, она посветлела и заговорщицки улыбнулась. Юноша с облегчением вздохнул. Ему бы очень не хотелось думать, что их вчерашние утехи не доставили Дарье удовольствия. Жаль, из нее не выйдет хорошая жена, размышлял эсквайр. Хоть ей не занимать очарования, необходимого для дамы сьера, Темар не имел охоты вступать в брак со столь доступной девицей.

Затрубивший рядом рог испугал его лошадь, и юноша чуть не свалился с седла. Колонна фургонов медленно тронулась в путь. Мычание недовольных волов, скрипы неподатливого дерева и кожи слились в одно монотонное гromыхание, когда повозки выехали на проселок. Темар огляделся, высматривая своих разведчиков, и кивнул Рану, которого отметил еще раньше как полезного человека, несмотря на отсутствие почтительности. Ран поднял вымпел на пике, прочно водрузив ее в стремя. Темар прищпорил лошадь и легким галопом поскакал вдоль колонны. Отряд собирался позади него: назначенные в охрану мужчины оставляли свои семьи и пожитки. Юноша повел их на взгорок, откуда хорошо были видны повозки, извивающейся вереницей катящие среди безбрежных луговых просторов.

– Я не вижу никакой реальной опасности, но будет разумнее оставаться начеку, – заметил Темар.

– А как же жители равнин? – нервно спросил кто-то из

молодых пастухов.

Остальные выказывали то же самое беспокойство.

– Последние настоящие жители равнин были изгнаны когортами более двадцати поколений назад, – твердо произнес Темар и, услышав из задних рядов скептические шепотки, слегка повысил голос: – Конечно, есть налетчики, грабящие порядочных, трудолюбивых пастухов, таких, как вы сами, и они не против воспользоваться отъездами вроде нашего, поэтому всем нужно смотреть в оба. Не думаю, что у них больше храбрости, чем у четвероногих падальников, и если они увидят, что мы готовы защищаться, то удерут, поджав хвосты, обратно в свои берлоги.

Это вызвало неоднозначную реакцию, кто-то хохотнул, и Темар поспешил разбить своих людей на пары, объявив каждому расписание дозоров. К счастью, проснувшись ночью по нужде, эсквайр вспомнил, что его еще нужно составить. Он быстро нашел лампу, пергамент и стал вспоминать установленный Лачальдом порядок следования, стараясь разместить своих стражников возле их семей и имущества, дабы они не теряли бдительность. Темар ухмыльнулся. Свет лампы разбудил Дарью, и она приняла его в тепло постели со своим собственным заново разожженным огнем.

Его хорошее настроение вмиг испарилось, когда сзади какой-то парень сообщил вполголоса своему другу:

– Это только так говорится, что все жители равнин померли аль ушли. Я слышал, были середь них такие, что могут

вертаться из Иного мира. Элдрический Народец, так они зовутся. Вот как выскочат сейчас из теней да забросают тебя всего своими маленькими медными стрелами.

Темар повернулся к прыщавому юнцу.

– Что за чушь ты несешь? Иди вон да пугай своими байками детишек вокруг костра, пока женщины не смогут их успокоить. Бьюсь об заклад, твоя мать выдрала бы тебя, если б услышала, какой вздор ты мелешь.

Малый покраснел до ушей, а его товарищи засмеялись, может, чуть принужденно, но достаточно громко, чтобы отбить у него охоту и дальше рассказывать эти сказки.

– Беритесь за дело, – приказал Темар и с удовлетворением наблюдал, как мужчины разъезжались – немного неуклюже из-за непривычного меча на поясе, и все напряженно всматривались в равнины.

– Давай разведем, что впереди, – велел он Рану, пуская лошадь в галоп.

С завидной легкостью держа и вымпел, и поводья, пастух устремился за ним. Темар направился прочь от дороги, подалее от навоза и пыли, остающихся за стадами. Ран наклонил пику с развевающейся на ней алой тканью. Ответная вспышка красного дала знать, что охрана не дремлет.

Обозрев горизонт, юноша сдвинул брови. Его взгляд привлекло рукотворное возвышение среди однообразия пастбищ.

– То кольцо – единственное укрытие на много лиг вокруг.

Надо убедиться, что там никто не прячется.

Не дожидаясь ответа Рана, он ударил шпорами, радуясь поводу промчатся галопом. Но уже вблизи земляного укрепления его стихийный порыв заметно угас. Эсквайр осадил лошадь и осторожно поехал кругом, держась на безопасном расстоянии, что позволит ему спастись, если по какой-то ничтожной случайности за травянистыми стенами действительно притаились грабители.

– Здесь никого, – уверенно молвил Ран. – А если кто и был, то давно.

Из отверстия в подветренной стороне вала потянуло старым костром, и Темар насторожился.

– Давай-ка проверим.

Он приблизился к проходу, но, прежде чем въехать, вытащил меч. Как и ожидалось, внутри не было ни налетчиков, ни человечков, возвращающихся через тени из Иного мира, Темар улыбнулся. Однако в короткой траве темнел выжженный круг. Эсквайр спешился и, покопавшись в золе, вытащил осколок почерневшей кости.

– Это старинный способ готовить мясо, традиционный для жителей равнин, – неожиданно сказал Ран.

Темар с любопытством поднял голову.

– Объясни.

– Ты убиваешь животное, опустошаешь его желудок и кладешь в него мясо, срезанное с костей. Из очищенных костей разводишь костер, вешаешь над ним желудок и ждешь, пока

мясо не упреет.

Темар посмотрел на коренастого скотовода, темнокожего и черноволосого, и вспомнил дневник молодого Д'Алсенне-на, служившего в когортах во время покорения Далазора. Из него юноша узнал о жизни коренных обитателей этого края.

– В твоей семье течет кровь равнин, да, Ран? – спросил он с полуулыбкой.

– Трудно сказать. – Черные глаза Рана были непроницаемы. – Знаю только, что мы – пастухи и всегда ими были.

– И все же для чего жители равнин использовали эти места? – Темар встал и медленно повернулся кругом, разглядывая земляные стены.

– Для переговоров и обрядов, брачных да погребальных, – пожал плечами Ран. – Умиротворяли духов.

Он показал на растрепанные перья, воткнутые в ряд слева от входа.

– Так благодарят небесных орлов за взятие падали.

С минуту эсквайр смотрел на оголенные концы птичьих перьев, затем, решительно отбросив назойливую тревогу, вернулся к насущным делам.

– Когда, по-твоему, жгли этот костер?

– Дня три-четыре назад.

– Тогда беспокоиться не о чем. Но остальным скажем, что нашли недавний след налетчиков, чтобы не расслаблялись.

Вскочив в седло, юноша направился обратно к фургонам, растянувшимся теперь на добрые пол-лиги.

Этот нескончаемый день и следующий прошли без всяких событий. Первоначальное возбуждение Темара от того, что наконец-то они тронулись в путь, неизбежно убывало, особенно когда он понял, сколь частый и долгий отдых требуется волам. Стремительно теряя энтузиазм, юноша с обидой заключил, что его роль командира так называемой стражи придумана Лачальдом лишь затем, чтобы он, Темар, не пугался под ногами.

– При таких темпах Ден Феллэмийон отплывет прежде, чем мы дотащимся до Астовых болот, – пожаловался Темар тем вечером толстяку, встав перед ним со скрещенными руками.

– Съезди-ка погляди, не вышли ли стада к броду. – Лачальд взял у жены миску тушеных овощей, заправленных крупой. – Спасибо, моя дорогая.

Эсквайр шепотом выругался и зашагал к лошади. Глядя ему вслед, толстяк покачал головой.

– Капитан? – Ран отставил свою миску.

– Ешь, – буркнул юноша, рывком повернув голову упирающегося животного.

Дымы многочисленных навозных костров свивались в безбрежной пустоте неба, когда Темар ехал мимо фургонов и стреноженных волов, с тупым довольством щиплющих траву. Юноша в раздражении поджал губы. Солнце еще не коснулось горизонта, а они уже остановились на ночлег. Въехав на вершину холмистой гряды, он увидел серебристую ленту реки, петлявшую среди зелени. Стада переходили брод,

шлепая по замутненной воде.

– Неужто так трудно выполнить даже самый простой приказ? – кипятился эсквайр, срывая досаду на боках несчастной лошади.

– Ты что делаешь? – крикнул он пастуху на другом берегу. – Лачальд же сказал, что мы перейдем реку все вместе, завтра!

– Поди скажи это коровам. – Пастух, очевидно, не узнал Темара. – Они начали переходить...

Его заглушили настойчивые вопли и мычание пасущегося скота.

– Вот болваны! – выругался эсквайр и галопом поскакал по воде в поисках людей, которые должны были охранять скот.

Свернув в небольшую ложбину, юноша сразу наткнулся на них – перепуганные, они сидели вокруг костра, жарили на вертеле грубо нарезанные куски мяса.

– Поднимайте свои задницы и вытаскивайте мечи! – зарычал он, угрожая ближнему малому плоской стороной клинка.

Перебивая друг друга, стражники начали наперебой оправдываться, пока Темар не заставил их замолчать непристойной солдатской бранью.

– Живее!

Он первый выехал из речного оврага и увидел группу оборванцев, отрезающих часть встревоженного стада. Темар за-

кричал, но, углядев стражников, налетчики растворились в сгущающейся тьме и ложбинах пастбища. Юноша только открыл рот, чтобы разделить под орех свой никчемный отряд, когда с другой стороны стада послышались крики о помощи.

– Мерзавцы! – выругался он, не веря своим ушам, и стал прокладывать дорогу через толкущихся животных.

Охрана бросилась следом, но все напрасно, только зря разогнали всю скотину. Налетчиков и след простыл, и лишь один, получивший дубиной по голове, лежал, окруженный испуганными животными. Теперь среди них поднималась настоящая паника, и люди Темара закружили вокруг стада, чтобы вновь согнать его и как-то успокоить.

– Сколько мы потеряли? – напустился Темар на пастуха.

– Не знаю, что угнано, а что разбежалось... – беспомощно залепетал пастух.

Не удовлетворенный ответом, эсквайр грозно насупился. В сером вечернем небе затрубил рог Рана. Даже не взглянув, есть ли кто с ним, Темар галопом поскакал обратно к броду. От вереницы неподвижных фургонов неслись крики и вопли. Оранжевое пламя вспыхнуло в сумерках – это горящая головня вылетела из темноты и разогнала стайку визжащих женщин. Мелькнув силуэтом на фоне костра, пролетел всадник, на всем скаку хватая вертел с половиной туши. Неистовый лай из-за фургона вдруг затих, а плач испуганного ребенка превратился в пронзительный визг. Рука Темара потянулась к метательным ножам, но юноша вовремя

одумался. В такой неразберихе легко попасть в друга вместо врага. В этот самый момент кучка серых фигур украдкой проскользнула вокруг костра. Заметив, где они остановились, Темар завертел головой, пока не углядел Рана, легким галопом скачущего вдоль колонны в поисках стражников. Выехав навстречу, эсквайр схватил его лошадь под уздцы и без всяких извинений потащил в промежуток между двумя повозками.

– Они выжидают за головным фургоном. Возьми несколько человек и поезжай кругом, чтобы отогнать их.

Не нуждаясь в дальнейших указаниях, Ран ускакал, а Темар галопом помчался в другую сторону, к позиции Лачальда. Чья-то повозка стояла брошенная, задние дверцы раскачивались, мешки и бочонки вывалились на дорогу, пока ее испуганный возница в спешке тащил семью под защиту Лачальда.

Когда юноша пронесся мимо, маленькая фигура выскочила из-под осей и исчезла в ночи, жадно прижимая к груди свою безымянную добычу.

– Вы целы? – крикнул Темар, с облегчением увидев коляску Лачальда в кругу с двумя фургонами и людей, что держались поблизости с обнаженными мечами.

– Возьми кого сможешь и скачи к реке! – проревел Лачальд. – Мы слишком растянулись.

Темар круто повернул лошадь и указал на прыщеватого юношу.

– Дуй к голове вереницы, вели им запрягать волов и двигаться к броду. Постой! – раздраженно крикнул он, когда малый уже убегал. – Скажи, чтобы действовали группами, не разделялись.

Отворачиваясь, эсквайр уловил какое-то движение: некие темные фигуры обходили коляску Лачальда.

– Пошла! – Он вонзил шпоры в кровоточащие бока лошади и с яростью налетел на оборванца, не вовремя сброшенного с седла норовистым конем. Темар успел полоснуть бандита по спине, но дальше мог только наблюдать да ругаться, когда грабитель, усмирив коня, исчез, проглоченный спасительной тьмой. Все в Темаре протестовало, требуя идти за разбойником, но юноша сумел сдержать себя.

– Оставайтесь здесь, отгоняйте их, но не выходите за свет костра, – приказал он кучке запоздало подъехавших вооруженных мужчин.

Он начал еще один объезд колонны и наконец заставил своих стражников работать эффективными группами, каждая защищала свою часть фургонов от изматывающих налетов. Сам Темар с маленьким отрядом поскакал защищать брод. Когда повозки сдвинулись в оборонительный круг, нападения прекратились, но юноша оставался начеку, пока небо на востоке не заалело. А как только восходящее солнце озарило пустые со всех сторон пастбища, Темар, дрожа от навалившейся усталости, отправился на поиски Лачальда.

– Каковы потери? – спросил он, жадно глядя на котелок с

овсянкой, булькающей над костром Риэль.

– Убитых нет, есть несколько раненых, но легко, – отрывисто промолвил Лачальд. – Кое-что из еды и припасов похищено, еще больше рассыпано или испорчено.

Темар с облегчением вздохнул.

– Нам повезло.

– Ты хочешь сказать, тебе повезло. Если б налетчики захотели, они бы искромсали нас в лапшу, – беспощадно осадил его Лачальд. – Ты командуешь охраной, а в ней царил полный кавардак.

Люди стали оборачиваться на повышенный голос толстяка, а юноша стоял с открытым ртом, неспособный опровергнуть это обвинение.

– Я думал, ты должен высылать разведчиков! Какие приказания ты отдал на случай нападения? Почему сразу не сообщил мне, что скот перешел реку? Ты знаешь, куда добрались лошади и овцы? Пойди и выясни!

Темар не произнес ни слова, повернулся кругом и, избегая любопытных взглядов, нашел свежую лошадь. Вонзив в нее шпоры, юноша мигом ускакал, на этот раз благодарный вечному далазорскому ветру, который остудил его щеки, пылающие от унижения.

Речная дорога от Прозайнской Пущи до Южного Вариса, Восточная Каладрия, 13-е поствесны

Настало утро, но вывести караван на дорогу оказалось не так-то просто. Пока разместили по фургонам раненых и изменили порядок следования с учетом поредевшей охраны, солнце уже поднялось высоко над деревьями. Владелец мулов, лысоватый коротышка, едва не подрался с надменным типом в дорогих сапогах, теперь совершенно грязных и исшарканных. Как я понял, это торговый посредник, и он волнуется из-за задержек, которые могут дорого стоить им в Релшазе. В конце концов вмешался Найл, чтобы помирить скандалистов. Его хмурый взгляд удержал их от дальнейших споров. Я с интересом наблюдал за перепалкой, но отвернулся, когда Найл заметил, что я смотрю. По какой-то причине капитану это не понравилось, и он всю дорогу косился на меня, проверяя время от времени, не делся ли я куда. К концу дня мне это стало надоедать.

Либо по лесу разошелся слух, либо мы прикончили единственную группу бандитов, но остальную Пущу караван одолел без помех. Солнце садилось за западные холмы, и тени деревьев протянулись через дорогу, когда впереди показался «Парящий Орел». Это было добротное, с пристройками здание из местного камня и кирпича, окруженное широкими

загонами и конюшнями из крепкого просмоленного дерева. За ним лежало скромное озерко, а на другой его стороне раскинулся сам Южный Варне – типичный каладрийский городок с опрятными фермочками и аккуратными мастерскими, сияющими свежей побелкой. Лампы в домах гасли, местные жители ложились спать вместе с солнцем.

Подкованные копыта зацокали по булыжникам, нагруженные повозки с грохотом вкатили в арку конюшенного двора, и Найл с владельцем мулов зычно призывали слуг. Посредник спешил с кислой миной на худощавом лице и, оставив свою лошадь мальчишке, зашагал, не оглядываясь, к передней двери. Через минуту оттуда донесся его властный голос, требующий его постоянную спальню и горячую ванну. Появились конюхи и подсобили вновь прибывшим разгрузить вьючных животных, а также развести их, ржущих и фыркающих, по конюшням.

– Я помогу Хэлис с багажом и поставлю шарабан. Ливак, вы с Шивом найдите кого-нибудь, чтобы позаботился о лошадях. Вилтред, отыщи трактирщика или кто тут распоряжается и добудь нам комнаты, пока их все не разобрали.

Старый маг, явно не привыкший получать приказы, укоризненно глянул на меня, но безропотно заковылял к главной двери. Это меня обрадовало, я не собирался всю дорогу нянчиться с его самомнением, как с протекающей лодкой.

Я спешил и зевнул. Нет, это просто смешно – легкая дневная поездка в ясную погоду не должна так утомлять ме-

ня. Одна надежда, что хороший сон в удобной постели вернет мне силы.

– Если найдется свободный конюх или скотник, попробуем узнать, не видели ли они каких-нибудь необычных путешественников. – Шив оглядел конюшенный двор.

– Подмогнуть вам, судари? – Сутулый старик, весь пропахший лошадыми, подошел бочком из соседнего хлева. – Вам, дамочки, самим не обойтись, – изрек он и с плохо скрываемым любопытством уставился на ногу Хэлис.

– Нет, обойдемся, – с понятной резкостью возразила бывшая наемница.

– Думаю, мы справимся, если вы нужны в другом месте, – смягчил я ее слова вежливым кивком. При таком наплыве постояльцев было важно, чтобы с нашими животными хорошо обращались.

Конюх прислонился к косяку и заискивающе улыбнулся, обнажив редкие желтые зубы.

– Да покудова нигде не нужон. А вы, стал быть, едете на юг?

Ливак повернулась к нему – очаровательная простота с широкими, доверчивыми глазами и лучезарной улыбкой.

– Да, в Релшаз, – ответила она с хорошо рассчитанным придыханием. – У дедули там инвестиции, и оба наших дяди тоже вложили туда деньги, поэтому наши кузены поехали с нами.

Я поймал взгляд Шива, давая ему понять, что надо пре-

дупредить Вилтреда об этой новой цепочке родства, и быстро отвернулся, чтобы мы оба смогли сохранить бесстрастное лицо.

Глаза старого сплетника загорелись.

– И че за дело у вас тама?

Он уже представлял себе все самые заманчивые возможности – пряности, шелка, драгоценные камни, бронзу. Релшаз – главный порт восточной Каладрии, и большинство алдабрешцев торгуют там же.

– Фураж. – Ливак даже меня едва не провела своим энтузиазмом. – Ячмень, овес и все такое. Видишь ли, корма слишком объемисты, возить их невыгодно, но зерно – совсем другое дело. Если правильно выбрать время, можно получить изрядную прибыль, переправляя его в Архипелаг.

– О-о. – Старый конюх заметно потерял интерес.

– Ага, если только алдабрешцы сами не начнут ввозить его, – кисло вставила Хэлис. – Я слышала, одна группа вынюхивала что-то под Требином. Ты не видал их на этой дороге? Человек шесть, все в черном и держатся особняком?

Я мысленно отдал крону находчивости Хэлис, но старик с искренним неведением покачал головой. Сам не знаю, что я почувствовал – облегчение или разочарование.

Я протянул серебряную марку.

– Присмотри, чтобы все лошади были поставлены и сбруя почищена.

– Счас кликну мальчика.

Конюх немного разочарованно взял монету и, ссутулясь, пошел прочь, резким свистом подзывая двух парней, лениво разбрасывающих для мулов тук соломы.

– Ливак, может, в следующий раз заранее договоримся, какую балладу ты будешь петь? – Голос Шива звучал приглушенно, ибо маг наклонился к своему коню, чтобы ослабить подпругу.

– А ты что собирался делать? Стоять тут с хитрым видом, дабы он навоображал себе невесть что? – Качая головой, Ливак повела животных к конюшням.

– Здесь не о чем спорить. – Шив пошел за ней, твердо решив настоять на своем.

Я разгрузил сиденье шарабана и потянулся вниз за багажом.

– Ничего страшного не случилось. Надо лишь обрадовать Вилтреда, что он только что стал дедом.

Засунув меч под клапан моей сумки, я передал ее Хэлис, а сам нагнулся за сумкой Вилтреда.

Хэлис с завистью присвистнула. Я обернулся – она восхищенно разглядывала изящное тиснение ножен.

– Может, и мне стоит присягнуть какому-нибудь тормалинскому патрону, если после этого я буду носить на своем поясе фамильную вещь некоего принца?

Я не собирался отвергать ее первое дружеское обращение за целый день и протянул ей меч.

Хэлис повертела им туда-сюда и улыбнулась, ощутив его

превосходный баланс. Выдвинула немного клинок и осмотрела блестящую сталь.

– Это не фамильный меч Д'Олбриотов, это добыча от сумасшедшего старого мага, которого Вилтред когда-то знал, – объяснил я.

– Это тот самый меч Азазира? – Некрасивое лицо наемницы осветилось любопытством. – То-то Вилтред так жаждет догнать воров. Ты не в курсе, что именно у него украли? Пара таких мечей потянула бы на приличный слиток золота.

– Давай спросим его, – любезно предложил я и снова зевнул во весь рот. – Зубы Даста, надеюсь, здесь найдутся чистые постели! Кажется, я с Солнцестояния толком не спал.

– Не ты один, – резко заметила Хэлис, когда мы пошли искать остальных.

Вилтред обнаружился в уютной пивной. Старик говорил с полногрудой девицей в белоснежном переднике и с лоснящимися волосами. Служанка ничуть не возражала против его покровительственной манеры, лишь бы та сопровождалась надежной монетой.

– А, вот и вы все наконец-то. Ну-с, я снял нам три спальни, одну для девочек, а ты, Райшед, переночуешь с Шивом. Ужин вот-вот будет готов, мы как раз успеем умыться.

Если Вилтред и дальше будет так обращаться с нами, то никто не усомнится, что мы – его внуки. По крайней мере до тех пор, пока Ливак не обольет его супом или чем-нибудь похлеще.

– Ваши комнаты – с видом на озеро, – сообщила служанка, соблазнительно улыбаясь Шиву. – А грелки я принесу позже.

Хорошо бы мне вместо грелки согреть простыни для Ливак, но надежды на это было мало. Я вздохнул. А ведь тогда бы я точно спал крепко.

Вслед за Вилтредом мы гуськом поднялись по лестнице – ну прямо как благодетельные потомки – и набились в его комнату.

– Думаю, нам всем не мешало бы знать, что забрали у тебя эти Ледяные Люди, – начал я разговор.

– В таких трактирах часто торгуют краденым, – вставила Ливак. – Если мне кто-то предложит кольцо за две марки, которое должно стоить десять, то хотелось бы знать, не твое ли оно.

– Это хороший вопрос, – согласился Шив.

– Так что вы с Азазиром свистнули у эльетиммов? – без обиняков спросила Хэлис.

Старый маг оскорбился за то, что его посчитали вором, но смолчал и с минуту разглаживал перед своего линялого бархатного камзола.

– Было четыре меча, две рапиры для ношения при дворе и два палаша. Еще два парадных кинжала, кольцо с ключами, несколько простых золотых колец-печаток, жемчужное ожерелье, несколько кубков и пивных кружек с фамильными гербами, дощечка для записей дворянина, чернильница...

Я поднял руку.

– Пока хватит, да, Ливак? Пошли есть.

Мы насладились великолепным ужином из десяти блюд и немного задержались за отличным портером. Я принял ванну, с удовольствием сбрил отросшую за несколько дней щетину и все равно оказался в кровати прежде, чем донесся слабый бой полночных курантов из Южного Вариса. Спал я плохо, только не могу сказать отчего: то ли из-за нескончаемого храпа Шива, то ли от досады при мысли о Ливак, спящей по другую сторону оштукатуренной стены.

Разбудил меня грохот повозок во дворе. Одеваясь, я открыл ставни, чтобы вдохнуть свежего воздуха.

– А я бы не прочь дать той рыжей пару оборотов на вертеле.

Одинокий голос из группы конюхов, лениво бросающих руны, прозвучал во время той непредсказуемой паузы, которая возникает как бы специально для непристойных замечаний. Я повернул голову вправо и увидел Ливак, облокотившуюся на подоконник.

– Идем завтракать? – засмеялся я. – Или хочешь поймать его на слове?

– Нечего ухмыляться, – проворчала женщина, отступив от окна, но ей не удалось сохранить бесстрастный вид. – Рано или поздно я обязательно пройду по Великому Западнему тракту и обыщу тот проклятуший лес, пока не найду кого-нибудь, кто скажет мне, действительно ли Лесной народ так ненасытен в постели, как утверждает молва, – прибави-

ла она, когда мы спускались по лестнице. – Представляешь, каково жить с такой репутацией? Просто ужас один!

– Ну, не скажи. Ты могла бы узнать что-то полезное, если та компания будет больше следить за пуговицами на твоём корсаже, чем за тем, что они говорят.

– Это было бы не в первый раз, – с бесстыжей улыбкой призналась Ливак.

Мы сидели в пивной, уплетая свежий хлеб, лучшим из тех, что я ел со дня отъезда из дома, с вареньем, которое моя мать постыдилась бы дать свиньям, и наблюдали за проезжающими. После завтрака мы вышли позагорать на скамье перед конюшенным двором и развлекались, угадывая, откуда и куда держат путь все эти экипажи и вьючные животные. Немного погодя с юга прикатила целая толпа местных купцов и независимых торговцев. Один из них, в фургоне с релшазскими колесами, высадил у ворот темноволосую девицу в открытом платье, а сам направился к конюшням. В конце концов, езда ради езды – обычная сделка, ни больше ни меньше, стало быть, эта девица как раз того сорта, что я ищу. Меж тем она, не оглядываясь, пошла к задней двери трактира, и я решительно встал.

– Думаю, пора заняться расспросами.

Если мы охотимся, то самое время заняться поисками следа. Ливак понимающе кивнула и ослабила немного ворот сорочки, изображая из себя распутницу с большими глазами и крошечными мозгами.

– А я поболтаю с возчиками, что приехали нынче утром. Она неторопливо удалилась, заманчиво покачивая бедрами.

Я пошел вокруг трактира к кухонной двери. На цепи у столба сидела собака; я опасливо покосился на нее и тут же скорчил гримасу – с задворок воняло помойкой. Из-за угла донеслись голоса, и я остановился в надежде, что собака не станет возражать, хотя она следила за мной наострив уши.

– Я буду работать за остатки еды и хлеба, пока не смогу уехать отсюда.

Меня восхитило отсутствие просительных ноток в голосе девицы с повозки.

– Мы не нанимаем, – с презрением отрубил служанка, которая нас обслуживала.

– Я не ищу постоянного места, просто немного еды в обмен на то, чтобы на денек-другой облегчить тебе работу. По мне, этот дом выглядит порядком набитым.

Молодец, девица, подумал я, не упрашивает, а делает разумное предложение.

– Ну ладно. Можешь помочь нам сегодня вечером, но спать будешь в конюшнях.

Послышались быстрые шаги по кухонным плитам, затем шарканье каблуков, когда служанка, что-то вспомнив, повернула назад.

– Занимайся своими делами во дворе, я не хочу, чтобы ты докучала посетителям в пивной. А вздумашь красть, пошлю в Варне за Стражей, чтобы выпороли тебя на рыночной

площади.

Я прислонился к бочке для дождевой воды, ожидая, когда темноволосая девица выйдет из-за угла.

– Ты едешь на север? – Смерив меня взглядом, она остановилась в двух шагах от бочки.

Я покачал головой.

– На юг и интересуюсь дорогой.

Засунув большие пальцы за пояс, я колыхнул висящий на нем кошелек. Монеты тихо звякнули.

– И что тебя интересует? – насторожилась девица.

Оно и понятно. Эти смазчицы осей или упряжечные медяшки, называйте их как хотите, живут опасной жизнью, один Дастеннин знает, каковы бывают награды. Девица имела обычную нечистокровную наружность, была излишне худа и лицом старовата для своих лет.

– Меня зовут Райшед. – Я протянул руку.

– Ларрель. – Она держала свои руки оборонительно скрещенными.

– Я ищу горсть мужчин, путешествующих вместе, все в черных мундирах и с соломенными волосами. Мы думаем, они на дороге к югу отсюда.

– И что это стоит?

По глазам девицы я понял – она их видела.

– Смотри что ты можешь сказать мне? – Я тоже скрестил руки и небрежно улыбнулся.

– Их было шестеро, все шли пешком, один в длинном пла-

ще и налегке, остальные нагружены, будто конники, потерявшие лошадей.

По ее ответной улыбке стало ясно: она не дура и, что важнее всего, не лгунья, по крайней мере в этом вопросе. Я полез в кошелек.

– Марка за название ближайшей деревни и марка за то, когда это было.

– Тормалинские марки, не каладрийские, – предупредила она, – пять пенни в марке, не четыре, я, знаешь ли, не такая тупица.

– Договорились, – пожал я плечами; два лишних медяка ничего для меня не значат, но обеспечат этой бродяжке возделенную горячую еду.

– Они были в половине дневного пути к югу от Армангара, позавчера.

Ларрель протянула руку, и я отдал деньги.

– Спасибо.

Удивление вспыхнуло в глазах девицы, когда она засовывала деньги в кошелек на талии. Проводив ее взглядом, я нашел кость в мусорной куче, бросил ее собаке, а сам отправился на кухню поболтать с тамошним персоналом в перерыве между завтраком и полуденной суетой. Увы, никто из них не видел даже полированной заклепки с эльетиммского мундира. Хотя что в этом странного? Ледяные Люди не походили на тех путешественников, что каждый вечер останавливаются в ближайшем трактире побалагурить за элем.

Размышляя, я пошел искать остальных.

Во дворе трактира было поразительно тихо, но откуда-то из-за конюшен доносился нарастающий шум голосов. Я направился туда. У ограды пустого загона толпились местные попеременно с заезжим людом. Шив увидел меня и помахал.

– Ну, узнал что-нибудь о черных мундирах? – Маг облокотился на жердь и рукой пригладил волосы.

Я передал ему услышанное и огляделся по сторонам.

– А где Вилтред?

– Отдыхает в своей комнате.

Двое местных перелезли через ограду, один нес на плече две полированные палки длиной с руку, другой помахивал связкой надутых пузырей.

– При таком гомене он не очень-то поспит. – От усталости в моем тоне проскользнула насмешка.

– Он же старик, измученный и больной, – мягко попенял мне Шив. – Будь снисходительнее, ему осталась всего горсть лет до третьего праздника поколения.

Я изумленно воззрился на мага, пытаюсь вспомнить, знали ли я еще кого-нибудь такого же старого. Придется нам сделать для Вилтреда скидку, раз он несет в своем кошельке целых семьдесят лет. Дядя мессира Д'Олбриота, бывший до него сьером, примерно этого возраста, но я вынужден был признать, что он вряд ли способен усидеть на лошади, не говоря уж о том, чтобы ехать куда-то день за днем.

В обоих концах поля мужики связывали рамы для подве-

шивания пузыря.

– Они готовят бей-башку, да? Это такая грубая игра, как я слышал?

– Бывает и грубой, – хмыкнул Шив. – Если кто-нибудь из игроков захочет свести с кем-то счеты на поле.

У ворот загона собирались две команды. Побродив немного взад и вперед, игроки разбились на местных торговцев и фермеров с одной стороны и стражников и возчиков с дарийского каравана – с другой. Обе команды проходили на поле и выстраивались друг против друга. По четырнадцать участников в каждой – таково было число, на котором наконец все сошлись.

– Только игроку с палкой нельзя заходить за линию броска или всем? – поинтересовался я, глядя, как мужчины, размечающие поле, проводят глубокую черту в неровном дерне по обеим сторонам площадки.

– Только тому, что с палкой. Разве вы в Тормалине не играете в башку? – удивился Шив.

– На севере играют и на западных границах, но не забывай, что я из Зьютесселы. Если пройдешь чуть дальше на юг, то свалишься с Мыса Ветров.

Началась игра. Люди из каравана явно привыкли играть вместе и вскоре лихо передавали палку друг другу, обегая местных парней. Зрители дружно охнули, когда их человек бросил битую палку в подвешенный пузырь, но промахнулся всего на палец. Пятеро игроков сбились в кучу, дерясь за палку,

но добыл ее кто-то из конюхов, и действие переместилось по полю к нам.

– Попробую найти Ливак. – Шив оттолкнулся от ограды. – Ты идешь?

– Нет, побуду здесь. – Я не сводил глаз с поля. – Здорово, правда?

Маг засмеялся и скрылся в толпе, а я внимательно следил за игрой. Мы в Тормалине не увлекаемся командными соревнованиями, мы предпочитаем состязаться в личном мастерстве. Я начал прикидывать, как мое мастерство в метании копья пригодилось бы в такой игре. Вся штука в том, чтобы получить возможность его использовать, решил я. Но вот игрок, уже готовый к броску, исчез под грудой пыльных курток. Одному не удалось встать так же быстро, как остальным, и он захромал с поля, придерживая руку на груди. После короткой заминки другой погонщик мулов перепрыгнул через ограду, чтобы занять место пострадавшего.

– Есть охота войти в команду? – раздался над ухом голос Найла.

Я обернулся. Что нужно от меня этому человеку?

– А как насчет твоих друзей? – продолжал он. – Нам бы не помешал хороший бегун.

Я пожал плечами.

– Это надо спросить у них.

– Ты тормалинец, верно? На востоке играют в бей-башку?

– Там, где я живу, – нет. А ты будешь играть позже? – Я

не хуже других умею вести праздный разговор, но мне было интересно, ради чего он затеян.

– О да. – Найл придвинулся чуть ближе и наклонился вперед. – Просто я хотел сперва поговорить с тобой. Я тоже по-маленьку торгую – так, для себя, – в основном оружием. Я заметил твой меч – Старый Тормалин, верно? А ты часом не думал о продаже?

– Вообще-то нет. – Я снова пожал плечами.

– Я мог бы дать хорошую цену. У меня есть знакомый, который ищет как раз такой клинок.

Возможно, Найл не расслышал мой ответ из-за криков с поля, но колючий взгляд его серо-стальных глаз заставил меня усомниться в этом. Так что же это такое – просто случайная встреча или чьи-то гончие напали на наш след, пока мы вынюхивали свою добычу?

– Прости, друг, но он не мой, чтобы его продавать.

Я позаботился, дабы в моих словах звучала только скука и никакого подозрения, и вновь сосредоточился на игре. На поле разгорались страсти – команды бурно выясняли, переступил возчик линию броска, прежде чем выпустить биты из руки, или нет.

– Ты мог бы заработать своему патрону целый сундук золота. Подумай об этом. В нем был бы толстый кошелек и для тебя, полное сезонное жалованье.

– Нет, спасибо.

С поля донесся крик – один из местных заехал кому-то

кулаком, – и погонщики завопили, призывая Найла. Его широкие ноздри раздувались от плохо скрываемого раздражения.

– Еще увидимся. – Капитан выдавил любезную улыбку, но взгляд его оставался жестким; этот человек явно не собирался принимать отказ за окончательный.

Он сиганул через жерди и с ходу включился в игру, предоставив мне размышлять об этом странном разговоре. Толпа взревела – Найл завладел палкой и побежал с ней. Для такого здоровяка он двигался на редкость проворно. Какой-то незадачливый скотник попытался отнять биту – Найл отбросил его вращением палки так, что бедняга влетел прямо в зрителей.

– Отлично сработано! Гидестанский прием. Неудивительно, что такого здесь еще не видели. – Хэлис протолкалась сквозь все прибывающую толпу и тяжело облокотилась на ограду рядом со мной.

Что делал Найл в Гидесте? Он не похож на горняка, зверолова или лесоруба, а никакой другой работы в северных горах нет. И акцент у него не гидестанский. Впрочем, какое мне до этого дело?

– Где Ливак?

– Принимает ставки.

Хэлис махнула рукой на другую сторону загона, и я увидел медную макушку Ливак в центре разгоряченной кучки людей, размахивающих кошельками.

– Что она им дает?

– Два к пяти за караван мулов, три к семи за местных, – сообщила бывшая наемница, задумчиво наблюдая за игрой. – Лучше, если они выиграют больше, чем пятью головами.

– Головами? – озадаченно переспросил я.

Хэлис показала на пузырь – из тех, что слегка раскачивались на ветерке.

– Горные Люди подвешивали взятые в битве головы, когда придумали эту игру. Соргрэн говорит, будто так они оттачивали свои боевые искусства. Он клянется, что еще его дед видел, как в нее играли с головами рудокопов, слишком далеко зашедших в горы, а я сама видела, как в Западной Гидесте использовали головы свиней.

Наемница смачно причмокнула и покосилась на меня – как я отреагирую.

Я скорчил гримасу и засмеялся.

– Какая гадость!

Фермеры наконец-то сыгрались и дружно рванули к нашему концу загона. Пятеро сбивали с ног каждого погонщика, стремящегося отнять биты, и таким образом их человеку удалось сделать бросок. Палка пролетела, крутясь в воздухе, и разбила пузырь точно пополам.

– Ты нашла кого-нибудь, кто встречал по дороге эльетимов?

Хэлис не услышала. Толкнув ее локтем в ребра, я повторил вопрос, стараясь говорить не слишком громко, хотя из-

за общего шума нас вряд ли могли подслушать.

– Что? Ах да. Двое видели мужчин, ночующих в шатрах там, где Овражный большак отходит от Речной дороги. Думаю, это были они – возчик сказал, все они были блондинами, этим и запомнились ему.

Я помрачнел.

– Во что они были одеты?

Хэлис досадливо щелкнула языком.

– Он не говорил, а я не догадалась спросить. Но думаю, в обычную одежду. Он бы упомянул про мундиры, разве не так?

– Ты можешь уточнить?

Раздался крик, и кто-то замахал большими песочными часами, показывая, что пора сделать перерыв. Когда удалось привлечь всеобщее внимание, наступило некоторое затишье, шум голосов приглушался звоном кружек – со всех сторон утоляли жажду элем.

– Между прочим, тот стражник, Найл, спрашивал меня о твоём мече, – обронила Хэлис. – Кажется, он приторговывает оружием на стороне.

– Меня он тоже спрашивал. Даже не знаю, что об этом и думать.

Команды обновили состав. Несколько человек, видимо, решили, что с них хватит, и захромали прочь, оберегая ушибленные руки, расквашенные носы и разбитые рты.

– Что он предлагает? – Хэлис вопросительно подняла бро-

ви.

– Не имеет значения. – Я покачал головой. – Мессир получил его от Планира и преподнес мне на Солнцестояние. И не просто так, а в качестве вознаграждения за ту небольшую прогулку к Ледяным островам с Ливак и Шивом.

Я невольно вздрогнул, услышав далекое эхо моих собственных криков в плену эльетиммского главаря. Да, это воспоминание сотрется из памяти не быстрее пиратских татуировок.

– Почуял сквозняк от плаща Полдриона? – пошутила Хэлис, но глаза ее смотрели задумчиво.

– Что-то в этом роде. – Я вновь уставился на поле, где свежие люди ускоряли темп, как того требовала игра.

– Значит, твой мессир высокого мнения о тебе?

– Стараюсь его не разочаровывать.

Это прозвучало слишком напыщенно, но Хэлис осталась невозмутимой.

– А как случилось, что ты присягнул ему? Это семейная традиция? Ты идешь по стопам отца?

– Нет, – улыбнулся я. – Мой отец – каменщик. Два моих старших брата тоже взялись за зубила, потому он и позволил моему третьему брату и мне идти своим путем. И за год до того, как пятнистая лихорадка унесла Китрию, они втроем вырезали больше камня и облицевали больше зданий, чем все прочие каменщики в городе. Моя мать по полдня облицовалась слезами в усыпальнице Халкарион, а Мисталь совсем

сбежал из города. Я же перепробовал все средства, какие только мог, в тщетной надежде заглушить боль ее потери.

– Давно ты дал свою клятву?

– Этим летом будет двенадцать лет.

Мне как-то не приходилось думать об этом. Двенадцать лет прошло с тех пор, как я провел все Солнцестояние, пьяный от неразбавленного спирта и обалделый от тассина, в руках дешевых шлях. Очнувшись с кровоточащими деснами, раскалывающейся головой и дурной чесоткой, я понял: надо что-то делать, и немедленно, иначе Полдрион скоро начнет возить меня взад и вперед в тених между мирами, пока я не придумаю, как оправдаться перед Сэдрином за пустую трату моей жизни.

– Ливак рассказала мне, что случилось там, на Ледяных островах. – Хэлис внезапно отвернулась от игры.

– Тогда ты знаешь все, что тебе нужно знать. Возможно, эта женщина не слишком меня жалует, но я не собирался обсуждать с ней те испытания.

– Я знаю больше, чем думает Ливак.

Такое заявление показалось мне странным, и я тоже отвернулся от поля.

– Что ты имеешь в виду?

– Она рассказала о Ледышке, о том, как он вламывался в ваши умы. – Глаза бывшей наемницы казались темными и бездонными. – Но она очень мало говорила о тебе, и это вынуждает меня думать, что ты запал ей в голову, если никуда

больше.

Возвышаясь над Хэлис, я вперился в нее с откровенным вызовом, но взгляд наемницы не дрогнул.

– Ливак девушка умная, малый не промах, но время от времени появляется мужчина, и она совершенно теряет свои руны. Я же стараюсь быть рядом, чтобы помочь их собрать и оплатить любые счета, именно так, знаешь ли. Ты ведь не хочешь, чтобы она пожалела, что встретила тебя, верно?

Толпа взревела, заглушая последние слова. Я оглянулся: какого-то несчастного, схватившегося за ребра, уносили с поля. Когда я снова повернулся к Хэлис, ее уже не было.

Я потер лицо, не зная, как понимать сей разговор. Когда-то меня тоже спрашивали о моих намерениях. Пару раз это были напыщенные отцы, несколько раз – добродушные тетki с оценивающими глазами, и однажды, в тот расхристанный период моей юности, меня предупредили в глухом переулке трое сердитых братьев с топорищами в руках, и все по причине чрезмерной уверенности, внушенной тассином.

Но вопрос Хэлис больше смахивал на угрозу, и я не мог решить, возмущаться мне или радоваться, что у Ливак есть подруга, которая печется о ней и ее интересах. Хорошо хоть, наемница не ждала ответа. Я и сам еще не знал, куда могу пойти с Ливак, кроме ближайшей постели, конечно, если представится такая возможность. Интересно, что Хэлис говорила своей подруге? Дастеннин прокляни эту женщину, почему она лезет не в свое дело? Я шепотом выругался. Я

даже не знаю, что чувствует ко мне Ливак, и пока не знаю, могу ли обойтись без Хэлис, встречающей между нами.

В это время с поля закричали:

– Нам нужны еще трое или мы проиграем людям Найла!

До сих пор не пойму, что меня толкнуло, но я вдруг решил, что эта игра – отличный способ выпустить хоть часть раздражения, скопившегося за поездку. Вместе со мной через ограду перелезла горсть мужиков, но местные предпочли меня парню из Южного Вариса, такому жирному, словно его кормили на убой. Песочные часы были перевернуты, игра вступила в новую фазу. Я очутился в самой гуще схватки: я был достаточно высокий, чтобы меня видели все, кто хотел передать палку и спастись от тумачков. К счастью, у меня верная рука, а многолетние занятия фехтованием помогли выработать хорошую маневренность, и теперь я ускользал от большинства противников. Качаясь и увертываясь на бегу, я закричал от переполнявшего меня веселья, обогнал всю свору и помчался к линии броска в дальнем конце поля.

Один погонщик-верзила ухитрился схватить конец биты. Странно, неужто никто не сказал ему, что палка – это оружие о двух концах? С торжествующим рыком здоровяк дернул биту к себе, а я ему в этом помог, навалившись всем телом на другой конец. Палка ударила беднягу в ребра, и он рухнул как мешок с зерном. Я прошел прямо по нему и когда увидел его позже, то узнал отпечаток своего сапога на его груди. Еще один дюжий возчик ринулся на меня с кулаками,

и я подумал, что меня расплющат, словно зарывшуюся в ил рыбу, но кто-то возник неведомо откуда у моего локтя и уложил этого малого, вдарив ему тяжелым плечом прямо в пах, что намекало на личный интерес.

Двое местных парней, наращивавших мускулы не иначе как борясь с волами, доказали, что и здоровяки способны сделать рывок, если нужно, и поравнялись со мной. А навстречу уже бежали Найл и еще кто-то из каравана. Я завертел головой, проверяя, где скотники. Один улыбнулся мне, сверкая зубами, кивнул брату, и я уперся каблуками в дерн, чтобы пропустить их мимо себя. Как горная лавина налетели братья на Найла с возчиком, и поле впереди очистилось. Услышав сзади тяжелый топот, я понял, что у меня есть всего мгновение. Забыв обо всех правилах метания копья, я так зашвырнул биту, что она стала вращаться спиралью в воздухе и затем подбросила пузырь высоко над рамой, прежде чем погоня со страшной силой – словно ее там было полкогорты – ударила меня в поясницу.

Когда я снова увидел дневной свет, мой рот был набит травой и какими-то засохшими комочками, которые мне совсем не хотелось рассматривать, но мое ощущение восторга было несокрушимо.

– Хороший бросок! – Голос Ливак прорезался сквозь рев толпы, и я заметил у самой ограды ее рыжие волосы и оживленное лицо.

Помахав, я послал ей экстравагантный воздушный поце-

луи и торопливо встал, пока меня не втоптали в глину. За дальнейшую игру я умудрился добыть еще очко и помог выбить еще три, перехватив возчиков, которые отбирали биты. Наконец, после девяти периодов, команды сдались: все уже слишком устало, а замен больше не было. Но я не сожалел. Еще немного, и дело кончилось бы потасовкой. Кстати, в том числе из-за подобных инсинуаций, в Тормалине на эту игру смотрят неодобрительно. Пятнадцать – двадцать один, таков был окончательный счет, и с ним все согласились. Семь голов проиграл моей команде караван фургонов, но, судя по настроениям, никто не чувствовал себя опозоренным. Мы кое-как соскребли с себя грязь и всей толпой двинулись в пивную, где началась грандиозная пьянка. Я с надеждой огляделся по сторонам, мне не терпелось узнать, много ли заработала Ливак на ставках.

– Сюда! – замахал Шив из-за углового стола, и я протолкался к нему, стараясь не задерживаться для поздравлений от товарищей по команде.

Хэлис налила мне эля. Я залпом проглотил его и схватил вторую кружку. Но ее пил уже медленнее, после такой нагрузки не стоило слишком быстро напиваться.

– Ужина нынче придется подождать. – Ливак появилась со стороны кухни и пододвинула ко мне табурет.

– Доходный был денек? – ухмыльнулся я.

– Еще какой! – Она торжествующе похлопала выпирающий из-под рубахи вал, и тот приглушенно звякнул.

– Давайте ближе к делу, – потребовал Шив. – Кто что слышал о наших друзьях с востока? – Маг даже понизил голос, Дастеннин знает зачем, при таком шуме его бы все равно не услышали.

– Я получил хороший след одной группы в черном в полутора днях пути к югу отсюда, но Хэлис так же ясно указали на каких-то белобрысых путников возле Овражного большака. – Я потянулся за элем, стараясь вернуть свой ум к теме охоты.

– Когда я принимала ставки, то сделала вид, что спрашиваю после безнадежного долга, и мне поведали обе версии, – добавила Ливак.

– Где там ваши карты? – ввернула Хэлис. – Может, это одна и та же группа? – Однако в ее голосе не чувствовалось уверенности.

– А разделиться они не могли? – предположил я. Шив покачал головой.

– Сомневаюсь. Вилтред гадал, он уверен, что все украденное по-прежнему вместе.

– Я проверила, та компания, о которой я слышала, точно была в местной одежде, а не в мундирах, – вспомнила Хэлис. – Я бы сказала, теперь нам надо беспокоиться о ворах и еще одной группе.

– Но они охотятся за нами, за Вилтредом или за другой компанией в черном, – заметила Ливак.

– Или шляются по совершенно не связанному со всем

этим делу? – Я налил себе еще кружку. – Такое тоже возможно.

– Пойду потолкую с Вилтредом. Может, отыщет этот другой отряд, если знает округу. – Шив с сожалением взглянул на Ларрель, девуцу с повозки, она совершала обход с подносом хлеба и нарезанного мяса, чтобы успокоить голодных посетителей.

Ливак поймала его руку.

– Не так скоро. Тот капитан Стражи, Найл, горит желанием купить меч Райшеда. Ты знал об этом?

Маг пожал плечами.

– И что тут удивительного? Это меч Старой Империи, на такие клинки всегда спрос.

– Не прикидывайся лопухом, Шив, я слишком хорошо тебя знаю. – Ливак покачала головой. – Тут неподалеку случайно нет никого вроде Дарни, а? Подбивающего людей продавать фамильные ценности, чтобы Планир мог изучать их, втягивая идиотов вроде меня в ваши сумасшедшие планы? Ты ведь не думаешь, что я забуду, как попалась тогда, а? – Ее слова прямо-таки сочились ядом.

– Сомневаюсь, – молвил Шив. – Могу проверить, если хочешь, но думаю, Верховный маг предупредил бы меня, не так ли?

– Найл сказал, что у него есть знакомые, которые ищут такие мечи, – не отступала Ливак. – В прошлом году эльетимы охотились за древностями Старой Империи, разве нет?

И крали их, мрачно подумал я. Племянника мессира так избили, что малый лишился разума, а все из-за попытки защитить фамильные кольца, за которыми охотились эти подонки.

– Сам Найл может этого и не знать, но что, если его покупатель связан с ними? – подхватила Хэлис. – Что, если он расскажет им об этом мече, которым не сумел завладеть? Поэтому, нам стоит всерьез задуматься о продаже. Я не хочу оказаться вдруг не на той стороне охоты.

– Я знаю, Раш, что это подарок твоего мессира, но из-за него нам всем может грозить опасность. Не лучше ли было бы его продать?

Ливак устремила на меня вопрошающий взгляд, и я уклончиво пожал плечами. Они с Хэлис явно что-то замыслили.

– Не думаю, что это так необходимо, – заявил Шив, но уж как-то слишком твердо.

Я взглянул на него с любопытством. Эйфория, принесенная мною из загона, стремительно таяла. Похоже, здесь шла своя игра, а я пропустил несколько решающих моментов.

– Ты не хочешь, чтобы он продавал, верно? А Райшед знает, что именно он носит? – Изумрудные глаза Ливак впились в мага, но Шив отвел взгляд.

– Это меч Старой Империи, Райшед знает.

– А как насчет его трудностей со сном? – вмешалась Хэлис.

– Ты случайно не надеешься услышать все о каких-то необычных снах, а, Шив? – гнула свое Ливак.

– О чем это ты? – Я схватился за кружку, мысленно кляня собственную глупость. Как же это я забыл: Верховный маг запросто мог поручить Шиву тралить совсем другую рыбу, чем мы все!

– Расскажи ему или я скажу, – пригрозила Ливак.

– Помнишь, я говорил, что Планир изучает тормалинские древности? Что именно за ними он и отправил меня к Вил-треду?

Шив почесал ухо, подыскивая слова, и у меня возникло нехорошее предчувствие, что мне не понравится то, что я сейчас услышу.

– Но я, кажется, не упомянул, что некоторые из этих древностей вызывают у своих владельцев странные сны, подробные сцены падения Империи. Верховный маг хочет с их помощью больше узнать об основании Хадрумала, которое произошло где-то поколение спустя, когда магия, управляющая стихиями, впервые начала развиваться по-настоящему.

– Ах, этот таинственный город чародеев, спрятанный Тримон знает где, чтобы хранить секреты магии от простых смертных! – саркастически протянула Хэлис.

У Шива дернулись вниз уголки рта, выдавая его раздражение.

– Это город, где Верховный маг и большинство могущественных магов живут и занимаются своими исследования-

ми. И ничего такого таинственного там нет.

– Он только держит магов подальше от честного люда, – съязвила Ливак.

– Большинство магов находят, что он освобождает их от соблазнов жизни среди не магов, – надулся Шив.

– А при чем тут мой меч? – нетерпеливо вмешался я.

– Помнишь, в минувшем году, когда мы выслеживали эльетиммов до их островов, мы нашли доказательство, что тормалинская колония, исчезнувшая во время падения Империи, все-таки была не в Гидесте? – в свою очередь, спросил маг. – И что старые тормалинцы тоже пользовались этой древней магией, эфирным колдовством, которое эльетиммы напустили на нас тогда, чем бы оно там ни было?

– Да, конечно. – Я взглянул на него с подозрением. – Похоже, эта колония была где-то за океаном. Мессир говорил о том, чтобы попробовать найти ее, если будет на то воля Дастеннина. Ближе к делу, Шив.

– По-видимому, эльетиммы напали на колонистов, но те как-то ухитрились разрушить магию Ледяных Людей, не осознавая, что в результате рухнет крыша всей Империи, которая тоже держалась на этой старой магии.

Я изумленно воззрился на Ливак.

– Ты знала об этом?

Женщина ощетинилась.

– А ты – нет? Тот старый маг, Отрик, сказал, что они сообщат все Д'Олбриоту и прочим из Тормалинского Собрания.

Шив потер губы.

– За зиму мы установили, что те артефакты, историю которых мы смогли проследить, происходят из семей, участвовавших в этой колонии. Мы думаем, они действительно принадлежали тем поселенцам.

– И что?

Как же тогда они вернулись обратно через океан, в недоумении подумал я.

– Мы надеемся, что сны дадут ключ к разгадке, как удалось колонистам разрушить эльетиммскую магию. Мы изучаем то немногое, что знаем об эфирных заклинаниях, но пока не можем ни обнаружить их, ни противостоять им.

– И вы хотите узнать, как уничтожить их колдовство, если эльетиммы решат атаковать всеми своими силами в придачу с эфирной магией в качестве поддержки?

Это не лишено смысла, надо отдать магам должное. Но зачем так скрытничать? Если не все Собрание, то хотя бы мессира должны были поставить в известность.

– Никому из нас это теперь не повредит, разве что озадачит старых жрецов, когда им перестанут удаваться чудеса, – пожал плечами Шив. – Для всех по эту сторону океана эфирная магия умерла вместе с Империей.

– Выходит, мне дали этот меч в надежде, что я увижу во сне ответы для Планира? – Я был возмущен до глубины души: как смеют эти чародеи использовать мессира будто птицу на игровой доске?

– Мы, то есть Планир и Совет Магов, пытаемся подобрать к этим древностям людей, похожих на их первоначальных владельцев. – Шив оживился. – Ты – воин. Ты видишь странные сны? Мы вполне могли бы узнать что-то важное, если бы ты постарался вспомнить их.

– Ты хочешь сказать, вместо того чтобы вышвыривать их из своего ума? Я ведь уже начал бояться, не превращаются ли мои мозги в воду, а то вытекут струйкой из ушей, и все. – Я старался не повышать голос, так как спор привлек бы к нам излишнее внимание.

– Не понимаю, с чего ты это взял? – неестественно удивился Шив.

Легко ему говорить, эльетиммский колдун не выворачивал его голову наизнанку. При мысли о магии, вторгающейся в мой спящий ум, мурашки побежали по коже, как вши под рубахой нищего. Первым моим желанием было отдать Шиву меч, но нет – ведь это подарок мессира мне на Солнцестояние, знак его восхищения. И я не отдам его никакому магу. И плевать мне на любые сны, да будет на то воля Аримелин.

– Что бы ни сделали колонисты, эльетиммам стоило потратить время, чтобы тоже это узнать, – рассуждала Хэлис. – Вдруг им удалось бы все перевернуть? Это увеличило бы их силу? Даже просто не позволив нам ничего выяснить, они сохраняют свое тактическое преимущество. Может, потому они и охотились за Вилтредом?

Я запустил руки в волосы и поморщился, зацепив колтун,

который давно следовало выстричь.

– Надо залезть в воду, пока я еще могу шевелиться.

Я резко встал, не слушая ободряющих изречений Шива. Служанка с лоснящимися волосами проходила мимо, и я схватил ее за руку.

– Я хочу ванну и побольше горячей воды в моей спальне, да поскорее.

Девушка испуганно вырвала руку. Видно, я слишком сильно ее сжал.

– Прости.

– Распоряжусь, как только выдастся минутка, – не очень уверенно пообещала она, и я отправился наверх ждать.

Расхаживая по комнате, я чувствовал, как меня начинает знобить. Все тело ломало, и я запоздало понял, что должен смердеть, как загнанная лошадь. Наконец прибыла вода. Приятно горячая, она расслабила мускулы и помогла смягчить негодование от только что услышанного, но не скажу, что я был намного счастливее, когда вода начала остывать. Одно дело – выслеживать Ледяных Людей, такая работа меня вполне устраивала. Но эта новость, что мы, возможно, стали добычей, была определенно скверной, а уж о том подозрении, что из меня сделали ягненка, привязанного к колышку для приманки волков, не хотелось и думать. Но интересно, чья это была идея? Шива? Или это все с самого начала – задумка Планира? Что все-таки сказал мессире Верховный маг? Объяснил этот хитрый чародей ситуацию со снами

или просто намекнул, что меч стал бы достойным подарком от благодарного патрона? Наверняка просто намекнул. Все прочее нарушило бы клятвы, что связали Д'Олбриота и меня. Те же самые клятвы обязывали меня хранить этот клинок и продолжать работать с Шивом. Я не мог уклониться от задания, но будь я проклят, если не вытрясу из Шива все, что мне нужно знать.

Я пристроил зеркало на коленях и, бреясь, принялся размышлять. Почему бы не разыграть эти руны наоборот? Какая разница, эльетиммы найдут нас или мы – их? Никакой, пока маги за ними следят. И для моей клятвы Айтену это тоже несущественно. Надо лишь оставаться начеку и не терять головы. Мое отражение в полированной стали выглядело уже не столь мрачным, и я вспомнил любимую поговорку моего отца: «Строй для бурь и надейся на солнце». Это достойный лозунг для каменщика, но самое время и мне взять его на вооружение. Я покачал головой. Что подумает отец, когда узнает, во что я ввязался? Надеюсь, он примет все со своим обычным спокойствием. Он непременно поймет меня, когда познакомится с Ливак. Я очень рассчитывал на него, чтобы переубедить маму.

Стук в дверь распугал мои мысли. Обернувшись, я увидел, как щеколда поднимается.

– Спинку потереть не надо? – Ливак проскользнула в комнату и прислонилась к двери. Она улыбалась, но в глазах проглядывала неуверенность.

– Не откажусь.

Я сместился вперед и глубоко вдохнул от удовольствия, когда Ливак начала оттирать мои ноющие плечи грубой полотенечной тканью.

– Еще я прихватила у Вилтреда масло для растираний. – Ливак наклонилась, коснувшись губами моих волос. – Я подумала, что оно пригодится.

– Хорошая мысль.

Я вышел из воды, расстелил полотенце на кровати. Ложась, услышал, как Ливак запирает дверь на засов, и улыбнулся в подушки: пусть Шив ночует на ее постели, целомудрию Хэлис все равно ничто не угрожает.

– О том, что мы говорили внизу... – Ливак села возле меня и закатала рукава.

– Не хочу это обсуждать, не сейчас, – перебил я ее резче, чем намеревался.

– Хэлис попробует что-то выведать у Найла. – Ливак вылила на ладони немного масла, и я почувствовал острый запах листьев драконова дыхания. – Он выглядел довольно страстным, когда они рассуждали о тактике игры.

– Я рад, что этот бугай ей приглянулся, вот только не пойму, чем.

Ливак засмеялась и стала втирать масло в мои мышцы.

– Хэлис нравятся мужчины, рядом с которыми она чувствует себя маленькой и женственной.

– Тогда выбор у нее невелик, если поблизости нет заезжей

борцовой труппы, – пробормотал я.

– Ты удивишься, но в постели она не так уж плоха.

Ливак наклонилась, и тяжелые груди задели мою спину через мягкое полотно ее рубахи. С мимолетной тоской я подумал, не ограничимся ли и мы одной постелью, без всяких связующих нас уз. Я начал говорить, но Ливак принялась массировать неподатливый бугор мускулов на моем плече, и гусиная перина задушила мои полуоформившиеся слова.

– Что ты сказал?

– Ничего.

Я вытянулся под ее умелыми руками, благодарно мыча, пока она заботливо изгоняла из моего тела невыносимую боль.

– Все еще одеревенелый? – спросила она, закончив процедуру, показавшуюся мне полусезонным удовольствием.

– Только там, где нужно. – Драконово дыхание оказывает на меня такое же действие, как и на большинство мужчин.

Я перевернулся, и Ливак захихикала.

– Вот интересно бы взглянуть, что там делает Вилтред с содержательницей пивной.

– Забудь о Вилтреде. – Я схватил ее в охапку и свирепо притянул к себе.

Ливак была такой же горячей, как я, и восхитительно содрогнулась от наслаждения, когда я стянул с нее рубашку. Созерцание ее мягких грудей, наливающихся упругостью в свете лампы, начисто выгнало из моей головы все мысли о

разговорах. С растущим желанием я потянулся к этой женщине. Ее ответное прикосновение было уверенным и настойчивым и вновь обожгло меня огненной дрожью. Она жадно отвечала на мои ласки, даря и принимая наслаждение в острой радости взаимного узнавания. При всей новизне ее тела под моими руками, мы сошлись с легкостью пары, женатой не меньше поколения, двигаясь с текучим, инстинктивным ритмом, который так естественно приходил к нам и раньше. Изо всех сил я сдерживал свою ненасытную страсть, пока не почувствовал экстаз женщины, и тогда отдался все сметающим волнам неизъяснимого восторга, которые обрушились на меня, затопляя и увлекая за собой. Потом мы отдыхали. Сердце Ливак билось возле моего, и я знал: мой пульс и впредь еще долго будет вторить ее пульсу, каковы бы ни были ее чувства ко мне и что бы там ни сулило нам будущее. Ощущая, как смешиваются наши дыхания, мы погрузились в глубокий, освежающий сон.

Глава 3

Письмо, взятое из Первого Приложения к сделкам купцов-предпринимателей Кола, том 8, 126-й год Свободы города Кола.

Мои достопочтенные братья по коммерции!

Полный самых радужных упований, я надеюсь, что это письмо найдет вас в здравии и процветании. Не сомневаюсь, вас удивят мои слова, принимая во внимание мое последнее сообщение из хаоса Триолла.

Итак, к делу. В дебетных колонках, не скрою от вас, мы несем тяжелые потери. Порт в Триольской бухте был подчистую разграблен отрядами герцога Драксимала. Товары и прибыли от торговли за этот год между Триоллом и Алдабреши теперь проигрываются в лагерях да идут на украшения грязных солдатских потаскух. Кроме того, эта их война – не просто летняя гроза. Если кто-то говорит вам, что все уляжется к Солнцестоянию, отведите глупца в игорный дом, запишите ставки и сдерите с него все до последней марки, что найдется в его сундуках. Возможно, эта война началась с притязаний на трон, но она превращается в борьбу за самую плодородную землю, доступ к рекам и морю и тому подобное. Я не представляю себе, как Парнилесс избежит участия в ней, а вместе с тем и последняя приличная гавань на этой стороне Тормалина станет не безопаснее

пиратского гнезда. Коммерция в Лескаре так же мертва, как человек с ножом в горле.

Откуда тогда взяться надеждам, спросите вы. Позвольте же объяснить. Я пишу сие письмо в деревушке под названием Релшаз. Сама деревушка не более чем скопище грязных лачугпрямо в дельте Рела, и пока у этого места есть только одно достоинство для его рекомендации – его положение. Оцените преимущества порта, таким образом расположенного: Рел судоходен до Абрея для любых судов, а баржи могут проходить еще дальше, фактически до самого Далазора. Поселение здесь могло бы привлечь торговлю из большей части восточной Каладрии, и если коммерция в Лескаре все же возродится, такой порт идеально подошел бы для хранения товаров и вытекающих прибылей.

Мы должны действовать быстро и дерзко или упустим возможность держать в своих руках всю будущую торговлю в Каладрийском Заливе. По сообщениям моих источников, лорд Метрил из Атарской бухты хочет расширить свою гавань, и лорд Сетель Пинеринский надумал построить ряд пристаней вдоль Ферлских дорог. Оба плана будут поданы на утверждение Парламенту на сессиях в Равноденствие, и в данном случае я не думаю, что мы услышим бесконечную говорильню, в которой так преуспело то дворянство. Оба лорда интенсивно работают, чтобы обеспечить себе поддержку при голосовании, и сотрудничество было ловким ходом с их стороны.

Я постараюсь запустить лисицу в их курятник, а вы тем временем должны найти средства, чтобы начать строительство гавани до прихода зимних штормов. Я знаю, как трудно собрать такие деньги в этот самый скудный из годов, но мы должны смотреть дальше кратковременных потерь на долговременные прибыли.

Ваш торговый партнер Джерард Гилтхенд

Релшазский паром, Каладрия, 27-е поствесны

Никто из нас так и не понял, что стоит за интересом Найла к моему мечу, но скоро эта проблема осталась позади вместе с караваном мулов, ибо мы свернули на Западный тракт к Адруллу. Отчасти для того, чтобы срезать длинный изгиб реки, отчасти – чтобы захватить Овражный большак и посмотреть, не удастся ли напасть на след второй группы эльетиммов. Но ни в одном из трактиров о них и слыхом не слышали, и мы пришли к выводу, что эта группа, должно быть, направлялась в Энсеймин, если это и в самом деле были Ледяные Люди. Я не забыл про них, но решил, что можно пока не забивать ими голову.

Наш путь вел нас через те скучные каладрийские рыночные городки, которые вскоре стало трудно отличить друг от друга. Шив выглядел довольным. Каждый вечер маги плескались в своей гадальной чаше, раз за разом убеждаясь, что эльетиммы, ограбившие Вилтреда, по-прежнему направля-

ются в Релшаз.

Чем дальше на юг, тем становилось теплее. В дневную жару мы ехали в одних рубашках, и настроение Вилтреда заметно улучшилось: солнце умалило его боли. Тенденция последнего поколения к огораживанию зародилась в Южной Каладрии, и эта земля за живыми изгородями и стенами выглядела все более упорядоченной, а скот – более лоснящимся и крепким. Вокруг попадалось все меньше коров и кукурузных полей, зато больше овец и виноградников; города выросли настолько, чтобы обзавестись трущобами и нищими, и движение на дороге заметно оживилось. Я почти убедил себя, что еду под защитой гор на юг, к Зьютесселе.

Я даже повеселел – погода и местность все сильнее напоминали мне родину. С помощью Ливак я спал крепче, но чувства ее, как и прежде, оставались для меня загадкой; мы оба предпочитали радость плотских утех любым тяжелым разговорам об уготованном нам будущем. Наконец утренний ветерок принес из-за холма сырое, пасмурное дыхание великого устья Рела: смесь ила, гниющего дерева, водорослей и рыбы. Въехав на холмистую гряду, протянувшуюся вдоль берега, мы увидели внизу сияющий Релшаз, плотное скопление побеленных зданий, уверенно теснящихся на островах между широкими черными рукавами реки. Илистые воды с холмов Каладрии и равнин Лескара обвивали город и огромным темным пятном уходили в мерцающее море. Под солнцем поздней весны Лескарский Залив казался синим,

как крыло зимородка, а с далекого горизонта мягко накатывали волны. Я вдохнул полной грудью, смакуя резкий привкус соли в воздухе. Он не имел той чистой остроты моего родного, бурного океанского побережья, но все же это был запах моря.

Однако вскоре и от того слабого намека на открытую воду не осталось и следа – дорога, петляя, начала спускаться с холмов. Там, внизу, Пряный тракт и Речная дорога встречались на широкой, вытоптанной рыночной площади, где некоторые торговцы предпочитали совершать куплю-продажу, чтобы не тратить время и деньги на переправу в город. Мы с трудом протискивались сквозь толпу людей, галдящую вокруг на разных языках, с мулами, волами и повозками, а изпод ног поднималась пыль, от которой першило в горле.

– Пусти меня вперед.

С тех пор как Хэлис сняла швы с руки Шива, он твердо держал поводья своего коня, и я охотно уступил ему дорогу. Злобный вороной растолкал двух тонконогих мулов, и под брань их владельца я скользнул вслед за магом. К счастью, чалой Вилтреда не хватало мозгов, чтобы пугаться этого хаоса, поскольку Ливак пришлось взять упряжную лошадь под уздцы, дабы заставить ее идти. Хэлис щелкнула кнутом, и упрямое животное нехотя сдвинулось с места.

– Долго нам ждать парома? – перекрикивая гвалт, обратился я к Ливак, когда мы остановились у деревянных мостков, обвешанных водорослями, под которыми темнела зло-

вонная илистая жижа.

Ливак пожала плечами.

– Час, не меньше.

В этот миг над мутными водами разнесся колокольный звон.

– Люблю быть там, где есть настоящие часы и регулярные куранты, – заметила она.

Моя городская кровь шептала мне то же самое.

Через реку мы переправились скорее, чем ожидалось, ибо на этот раз, оценив давку у мостков, я проскользнул вперед и встретил паромщика теплым рукопожатием с вложенной внутрь каладрийской маркой. Как только дилижанс прогрохотал по деревянному настилу на широкую палубу парома, оставляя достаточно места для нас и нашего шарабана, паромщик взмахом руки велел нам садиться впереди страшно обиженного виноторговца.

– Повезло, – заметил Шив.

– Ничего подобного, – покачал я головой. – Тут главное – знать, как проворачиваются дела в порту.

Мы стояли у перил и смотрели на закованных в кандалы потных рабов. Они налегали на дубовые рукоятки, поворачивая гигантские барабаны, на которые наматывались тяжелые цепи, несущие паром через темные бурные воды реки. За ними, на другой стороне, гомонила еще одна толпа, желающая покинуть город. Облепленные грязью ребятишки играли на отмелях и копались в мусоре, а когда паром подо-

шел ближе к берегу, побежали к нему, протягивая ручонки за медяками.

– Кто бы мог подумать, что здесь до сих пор не возвели настоящий мост, – кисло пробурчал Вилтред. – Хотя бы на каладрийской стороне.

Хэлис присоединилась к нам. Сегодня она хромала сильнее обычного, а все из-за лошади Шива, наступившей на здоровую ногу.

– Смотри, как бы тебя не оштрафовали за такие речи, – предупредила она. – Релшазцы носятся со своей независимостью, как с писаной торбой, а река уже не раз их спасала. Любого, кто вознамерится строить здесь мост, казнят.

– Я это слышал...

– Как съедем с парома, направимся в округ Аррил, – заносчиво перебил меня Вилтред. – Я буду править, – добавил он и повернулся спиной к Хэлис, чтобы залезть в шарабан.

– Куда мы едем? – удивился я.

– У меня тут много знакомых, – с раздражающим превосходством улыбнулся старый маг.

– Как и у нас с Ливак, – мягко заметила Хэлис, без суеты уступая вожжи.

– Верно. – Ливак пришпорила свою чалую, которая заартачилась перед мостками. – Мы сэкономим время, если разделимся. Мы с Хэлис разнюхаем, что тут и как, и встретимся с вами. Где?

– Нет, это совершенно исключено, – категорически возра-

зил Шив. – Пока будем держаться вместе. Я должен кое с кем поговорить, прежде чем решу, что делать дальше, и не хочу, чтобы о нашем присутствии разболтали раньше времени.

Взгляды, которыми обменялись подруги, красноречиво говорили о том, что требование мага они примут так же охотно, как кошелек с лескарскими марками. Надо приглядывать за этой парочкой, решил я; Ливак терпеть не может, когда ей приказывают, даже если это делает наш добродушно-веселый Шив. Я смотрел на нее, пока она стояла, пялясь на безмянные обломки, которые вода прибивала к плавучей пристани. Как же нам примирить мои клятвы и долг с ее упрямой независимостью и любовью к рискованной жизни? Дилижанс исторг своих пассажиров на конечной остановке, а следом и мы распрощались с паромом. Проезжая мимо трактира, где на вывеске красовалась шляпа с огромным пером, Хэлис и Ливак что-то шепнули друг другу, печально косясь на спину Шива.

– Там что, хороший эль? – небрежно спросил я.

– Хороший эль, – подтвердила Хэлис. – Сравнительно честная игра, довольно чистые постели и, как правило, достоверные сведения.

– Магия – это, конечно, здорово. – Ливак подвела свою чалую ближе ко мне. – Но хотелось бы подкрепить ее местной информацией, купленной и оплаченной.

– От меня вы не услышите возражений. – Я с любопытством огляделся. – Ты хорошо знаешь Релшаз?

– Мы приезжали сюда пару раз в прошлом году. – Ливак резко осадила лошадь: какой-то человек выскочил на дорогу прямо перед ней. – В основном на праздничную игру, смотря как выпадали руны. Дело в том, что мы знаем здесь людей, а они знают нас.

– Постарайся сказать это Шиву, – решительно посоветовал я.

– А он станет слушать? – кисло парировала Ливак.

Вилтред направлял шарабан по оживленным улицам, часто останавливаясь, когда повозки сбивались в кучу возле узких мостов, переброшенных через неисчислимы каналы Релшаза. Должен признаться: чем больше я видел, тем меньше восторгался. Вблизи знаменитый Белый Город Залива выглядел довольно грязным и обшарпанным, особенно с внутренней стороны. На крашеных стенах зеленели пятна плесени, гниющий мусор плавал в воде и вонял тем сильнее, чем выше поднималось солнце. В тених узких улочек и входов прятались вороватые нищие, и я порадовался, что мы не прибыли ночью. Я выпрямился в седле и сдернул плащ с плеча, освобождая меч, чтобы отпугнуть тех, кто вздумает попытать счастья.

Мы въехали в район складов и мастерских. Взмыленные лошади тянули в упряжках веревки, перекинутые через ряды блоков, поднимая товары на верхние этажи зданий. Женщины толкали ручные тележки с одинаковыми деталями мебели и металлических изделий, частями столов, ножками от

стульев к следующей мастерской, чтобы следующий ремесленник заработал свои скудные гроши на сдельной работе. Дети бегали с записками, держали лошадей, подметали перекрестки. Интенсивное движение немного отдалило нас с Ливак от шарабана, и я потерял ее за рукав.

– На что похож этот Аррил?

Ливак покачала головой.

– Я плохо его знаю. Обычно сижу в трактирах и игорных домах, а округ Аррил – это сплошь солидные дома для уважаемых купцов и им подобных. В общем, мы едем в шикарные заведения с видом на Залив.

– А как по-твоему, где Ледяные Люди устроили бы себе логово в этом лабиринте?

– В любом месте. – Ливак повернулась ко мне, лицо ее было сосредоточенным. – Мы с Хэлис знаем людей, которые могли бы все разведать. Шив должен разрешить нам использовать старые связи.

Вилтред свернул на боковую улицу. Шарабан запрыгал по булыжникам между высокими кирпичными домами, сулившими лучшие удобства города. Белые стены сияли свежей краской, на роскошных балконах пестрели цветы в горшках, отовсюду доносились голоса и смех людей, наслаждающихся солнцем. Женщины в тонких шелках проходили мимо, ведя за ручку чистых, порой даже веселых детей, а другие в это время торговались с мелочными торговцами, сплетничали с подругами и подгоняли служанок.

Вилтред остановился перед высокими широкими воротами в стене из гладкого камня и одеревенело слез с шарабана.

– Подождите здесь.

На его стук немедленно ответил привратник в опрятной ливрее.

– Передайте госпоже, что приехал Вилтред Серн, – промолвил старик на безупречном релшазском, да еще с таким представительным видом, что показался вдруг на пять пальцев выше своего небольшого росточка. Я с удивлением понял, что это родной язык Вилтрета. Внимая его беглому каладрийскому, я думал, что родина мага – Каладрия.

Ворота распахнулись, и Ливак многозначительно подняла брови. Мы въехали в идеально чистый двор с широким газоном, где среди цветущих фруктовых деревьев сверкали струи фонтана. Из конюшен, что отделяли каменный дом от улицы, прибежали два конюха и взяли наших лошадей, а привратник повел нас к отполированной до блеска двери. Затем проводил в длинный, освещенный солнцем салон с кисейными занавесками, раздувающимися вокруг высоких окон, открытых весеннему ветерку. Мои пыльные сапоги заскребли по полированному полу, но оказалось, не только я избегаю бирюзовых и нежно-зеленых шелковых ковров, лежавших поперек темного дерева. Муаровые шелковые драпировки тех же тонов смягчали стены и обрамляли любопытную коллекцию скульптуры и керамики: ничего особо ценного, но каждый предмет был тщательно подобран к об-

щему убранству комнаты. Элегантность смешивалась с ароматом свежих цветов.

Вилтред проковылял к изящному дивану, обитому шелком, и плюхнулся на него с завидным апломбом.

– Пожалуйста, вина, – махнул он рукой ливрейному лакею, и тот мгновенно удалился.

Стараясь выглядеть так же непринужденно, как Вилтред, я присел у столика из шелковистого фруктового дерева, но все время боролся с чувством, что должен стоять навтыжку, как при официальном визите в дом патрона.

– Вилтред, дорогой мой!

Дверь распахнулась, и в облаке духов возникла женщина с изумительной фигурой в шелестящем желтом платье. Она горячо обняла старого мага и грациозно опустилась на диван рядом с ним. После чего окинула нас царственным взглядом.

– Это Меллита.

Вилтред поцеловал ей руку с утонченной галантностью, которая так не вязалась с его пыльной измятой одеждой и усталым лицом, что я едва сдержал улыбку восхищения. Ай да старый ловелас!

– Кто твои спутники? – Меллита изогнула тонко выщипанные брови.

Было трудно определить ее возраст. Несмотря на молодое лицо, безукоризненное, как фарфоровая ваза за ее головой, в каштановых волосах женщины блестела седина, а вокруг пронизательных серых глаз лучились тонкие морщинки.

Маг представил нас. Вернулся лакей с вином и тут же был отпущен – хозяйка сама раздала нам бокалы.

– Как дети? – с неподдельным интересом спросил Вилтред.

– Треф путешествует по Энсеймину, пишет портреты всех этих мелких лордиков с претензиями на величие.

Пригладив на бедрах дорогое шелковое платье, расшитое яркими цветами, Меллита снова села.

– Тиа по-прежнему в Хадрумале со своим отцом, изучает переплетное ремесло. Они решили, что Тиа примет дела через год, когда он удалится на покой. Санан собирается жениться на очень милой девушке из Кола. Ее отец владеет трактирами, и после свадьбы они поедут туда. Патрин служит наемницей в Лескаре, что меня, как ты понимаешь, совсем не радует. Но я получила от нее весточку несколько недель назад. Она вернется в Релшаз на Солнцестояние, и я надеюсь уговорить ее войти со мной в дело.

– Я был бы несказанно счастлив, если б она тебя послушалась, – кивнул Вилтред.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.